

МУЖЧИНА

всегда

Тигр-2

ЛОРА ЛИ

The man within
by Lora Leigh
The Breed series #2

Переводчик: DisCordia
Редактор: Олеся С.
Дизайн обложки: Ice Princess

Данный перевод выполнен исключительно в ознакомительных целях.
Просьба после прочтения удалить файл с компьютера.

Аннотация: Он защищал ее, пока она была ребенком. Он был мужчиной ее подростковых фантазий, а когда она стала женщиной, украл ее сердце. Чтобы разбить его на куски.

Но пятнадцать месяцев спустя приходят ошеломляющие известия. Мужчина, которого она любила - один из представителей Пород, созданий, чье существование повергает человечество в шок. И он - ее пара. Его метка на шее заявляет об этом. Огонь, сжигающий ее сердце и тело, подтверждает это. Но он не хотел ее тогда, захочет ли сейчас?

Коварство и предательство прошлого преследуют Табера и Рони, пока они сражаются с взаимным притяжением. Сердце, тело и душа зверя с мужчиной внутри вступают в жестокую схватку за право обладания любимой женщиной.

Пролог

Июнь

Сэнди-Хук, Кентукки

– Рони, черт тебя подери, что такого ты натворила на этот раз?

Рони Эндрюс попыталась скрыть усмешку при звуке голоса Табера, эхом разносящегося по коридору государственной тюрьмы. Она снова уселась на неудобную скамейку, пытаясь принять безразличный вид. Фиг с два она покажет ему, что испугалась. А она его испугалась.

Ростом под два метра, тело – концентрация мощных мускулов, выражение лица непроницаемое и отрешенное. Ее сердце забилося от страха и возбуждения одновременно. Со страхом она сможет справиться. А вот с возбуждением всегда проблемы. Впервые Рони узнала это ощущение, когда ей исполнилось шестнадцать. Оно стало сильнее несколько месяцев назад, когда ей стукнуло двадцать два. Ночами оно сжигало ее тело, и это приводило Рони в ужас.

Рони с радостью ощутила прикосновение холодной каменной стены к спине. Стало чуть легче терпеть эту удушающую жару. Кондиционер не работал со вчерашней ночи, и в камерах была духота.

К счастью, старик-тюремщик Морт открыл окна, облегчив ее страдания.

Тяжелый стук ботинок Табера по каменному полу заставил ее зажмуриться. Он ходил так, только если был чем-то разозлен. Рони старательно натянула выражение вялой радости на лицо. Не хотелось бы, чтобы он понял, как она напугана тем, что ей удалось его разозлить.

Не то чтобы Табер мог причинить ей вред. В глубине души Рони знала, что он и пальцем ее не посмеет тронуть. Но что-то такое было в разозленном Табере. Что-то первобытное, хищное. Он не был тем мужчиной, которого хотелось бы иметь своим врагом.

К сожалению, у Рони были проблемы, и Табер так или иначе выручал ее раз за разом. Ее приводила в ужас одна лишь мысль о том, что однажды он может просто устать от роли ее рыцаря в сверкающих доспехах и отвернуться от нее.

Через пару мгновений он уже стоял у двери, крепкие руки вытянуты вдоль стройных бедер, хмурое выражение застыло на гордом загорелом лице. Черт, ей захотелось потереться об него, как кошке. Табер был высоким и мускулистым, с широкими плечами, плоской мощной грудью и накачанным животом, который ей так хотелось потрогать.

Длинные сильные ноги были обтянуты потертыми джинсами, но она, конечно же, не будет глядеть на... о черт. Выпуклость между ног смотрелась впечатляюще. С трудом Рони заставила себя перевести взгляд к его лицу.

Глаза Табера сузились, в их нефритово-зеленой глубине полыхала ярость. Она тяжело сглотнула. Кажется, он не особенно рад ее видеть этим утром.

— Я ничего, блин, не делала, - сказала она резко, позволяя своей пробужденной им чувственности наполнить тело гневом. — Я просто стояла там, Табер. Честно. Этот шериф просто спятил.

Она попыталась скрыть свое веселье. Конечно же, он знал, что она лжет. Табер всегда чувствовал ее ложь.

— Я должен оставить тебя гнить здесь, - Рони обожала этот рык, выдающий злость. Его голос звучал ниже и вибрировал, как... как у кошки. А она обожала кошек.

Низ живота отозвался на этот голос, и Рони отвела взгляд. Она почувствовала как в буквальном смысле напряглась ее грудь, как соски затвердели при этом звуке, и она знала, что Табер обязательно заметит ее реакцию.

Внезапно выражение его лица стало непроницаемым. Ни гнева, ни злости. Как, блин, робот.

На лице Табера появилось напряжение, холодность, и она снова вздрогнула, теперь уже от другой реакции. Рони ненавидела, когда он так делал, ненавидела, когда он прятал от нее чувства, которые могли бы у него быть.

— Ты вытацишь меня отсюда, или что? — резко спросила она, чувствуя боль из-за его отстраненности. — Здесь, блин, жарко, Табер, и становится все жарче.

По многим причинам.

Он вздохнул, покачав головой, словно от Рони этим утром ничего большего и не ожидалось. Кроме проблем, конечно. Но это выражение было все же лучше, чем тот взгляд «я не знаю тебя», который она так ненавидела.

— Мне надо надрать тебе зад. — Он отступил в сторону, когда тюремщик, мужчина лет пятидесяти, с понимающей ухмылкой на губах отпер дверь камеры.

Рони и не пыталась скрыть дрожь, прошившую ее тело при звуке его глубокого голоса. Он может отшлепать ее когда угодно, подумала она. Так сильно, как хочет. А потом он мог бы поцеловать ее и облегчить боль. Мысли об этом заставили ее спрятать улыбку, так же как и дрожь, пронзившую тело.

— Отшлепай меня, папочка, — мягко промурлыкала она, поднимаясь со скамейки и направляясь к двери.

Он недовольно фыркнул.

— Твой отец определенно не занимался твоим воспитанием, пока был здесь, иначе ты бы не играла с огнем.

Рони скользнула мимо него и направилась к столу Морта, куда еще вчера вечером шериф швырнул ее вещи. Наклонившись, чтобы забрать вещи, она продемонстрировала Таберу часть спины. Она буквально ощутила, как ласкает кожу его взгляд.

Повесив сумку на руку, она повернулась и подарила Таберу яркую улыбку.

— Готова, если ты готов. Как думаешь, Шерра разрешит мне остаться у нее ненадолго? Этот старый дом летом такой скучный.

По правде говоря, он пугал Рони. Она не знала, кто устраивает все эти розыгрыши, но собиралась узнать. Раз или два она могла ошибиться и обвинить не того — как и вышло прошлой ночью, но она выяснит всю правду.

Тяжелый взгляд, которым одарил ее Табер, уверил Рони, что даже эта маленькая ложь не прошла для него незамеченной. Он знал, что если бы она не была напугана до полусмерти, то никогда не попросила бы разрешения остаться с его сестрой. Сначала Рони хотела попросить у Табера разрешения остаться у него. Но она знала, что не устоит перед своим к нему влечением и однажды неизбежно начнет умолять. Изолированность и интимность его жилья способна разбить вдребезги все ее попытки сохранить контроль. Она не хотела ни о чем просить.

Не хотела, чтобы сердце разбилось, когда Табер оттолкнет ее.

И с этой реакцией уже было почти невозможно совладать, признавала она. Рони считала, что это из-за ее неспособности жить в обществе, из-за того, что она уже много лет боялась ходить на свидания. Ты не можешь знать, хочет ли парень встречаться с тобой или он просто пытается подобраться к твоему отцу. К несчастью, ей приходилось ощущать на себе последствия отцовских выходок, мелких, но оттого не менее преступных.

— Шерры нет в городе на этой недели. — Он крепко ухватил ее за руку, когда она попыталась снова проскочить мимо. — Кстати, когда ты в последний раз ела?

Рони знала, что в последние месяцы сбросила вес. Страх и беспокойство заставили ее потерять аппетит.

— Ну, вчера. — Она попыталась скормить ему эту ложь, но по сжавшимся на своей руке пальцам Табера поняла, что провалилась. — Да ладно тебе, Табер. Ты вызволил меня из тюрьмы, как настоящий хороший парень. А теперь я просто пойду домой и буду сидеть

тихо, пока ты не перестанешь на меня злиться. Я все еще на тебя работаю? – Мысль прошибла ее неожиданно, и она уставилась на Табера. Ей нужна была эта работа.

— Тебе бы в колледж вернуться, а не работать в вонючем гараже, - резко проговорил он, идя рядом с ней к своему пикапу. – Когда вернется твой отец?

— Блин, если бы я знала, - вздохнула она, одновременно пытаясь отогнать от себя мысли о колледже.

Не то чтобы она не хотела учиться. Но ей нужно было есть. Одно и другое совсем не сочеталось.

— Он уехал на прошлой неделе. Оставил записку, написал, что позвонит. С тех пор ни слуху, ни духу.

Не то чтобы она хотела его поскорее увидеть. Даже если отец находился дома, Рони все равно была одна. Если только ему не были нужны деньги, которых у нее часто не было. Вот тогда и начиналось самое интересное.

Табер открыл дверь грузовика, не отпуская ее руки. Она посмотрела на него снизу вверх и сглотнула комок в горле, наткнувшись на взгляд потемневших глаз. Они светились блеском, от которого ее тело окатило жаром, бедра свело судорогой, а внизу живота все сжалось. Впервые Табер смотрел на Рони так, словно увидел в ней что-то большее, чем просто избалованного маленького ребенка.

— Так что вчера случилось?

Ага. Он снова использовал этот не терпящий возражений тон. Тот, который заставлял ее сердце биться в груди, а кровь – стучать в венах тяжело и сильно.

Рони беспечно пожала плечами.

— Кто-то устраивает розыгрыши, что-то вроде того. Ты же знаешь, как это бывает. Мальчишки.

Он молчал очень долго.

— Что. Случилось. – И снова эта вибрация в голосе. Рони задрожала.

— Кто-то попытался вломиться в мой дом, понятно? – Она попыталась вырваться, но не вышло. – Я ехала за ними по главной дороге, пока не догнала. И потом я выстрелила, но или это преподобный Грегори вломился в мой дом, или у пранкеров (*прим. «пранк» — хулиганство, розыгрыш. Люди, практикующие пранк, называются пранкерами*) была другая машина. В общем, им удалось сбежать.

Она стреляла не с целью убить, а с целью просто припугнуть. К счастью, у преподобного оказалось чувство юмора, и он потребовал в качестве расплаты только одну ночь тюремного заключения. Это была не первая ее ночь здесь. Но явно и не последняя.

— Ты стреляла? – Черт, теперь он на самом деле разозлился. – Почему ты просто не позвонила мне, Рони? Почему, черт возьми, ты схватилась за пистолет?

Его голос стал ниже – явно не к добру.

— Я знаю, как им пользоваться, - она вывернулась из его хватки, но это наверняка было потому, что он сам решил отпустить ее, а не потому, что ей, наконец, удалось вырваться. – Черт подери, Табер, я устала от того, что вокруг ошиваются эти ублюдки. Каждый раз, как Реджинальд уезжает, на меня сваливается какое-то дерьмо.

Они пугали ее. Эти звонки, о которых Табер не знал. Эти записки, короткие, угрожающие, доводящие ее до безумия. Они были красноречивыми, они ужасали.

— В грузовик.

Она никогда раньше не слышала у него такого тона. Опасность зазвенела в воздухе, и дрожь снова прошла ее насквозь, сметая остатки возбуждения и превращая их в страх.

Рони сделала, что он приказал. Краем глаза она наблюдала за Табером – вот он хлопнул дверью и стал красться – да, именно, другого слова было не подобрать – вокруг грузовика к водительской стороне

— Что он натворил на этот раз? – она поняла, что вопрос касается отца.

Безразлично пожала плечами.

– Не знаю. Приехал на той неделе поздно ночью, кинул в сумку кое-какие вещи, сказал мне пожить с друзьями и уехал.

– И почему ты до сих пор в этом доме? – зарычал он.

Боже, да он настоящий зверь, когда злится, подумала она обеспокоенно. Этот глубокий голос лишал ее способности трезво мыслить.

– А где мне еще быть? – Она саркастически усмехнулась. Особого выбора у Рони не было. – Я звонила Шерре, но она не ответила. Я звонила тебе пару раз, но и тебя было не найти. Так что остался только пистолет и я. Пистолет всегда был под рукой.

Рони не понравился взгляд, которым он ее одарил. Яростный... и жгучий. Как будто он вдруг понял, что она – совсем не такая, какой он считал ее раньше.

– Ты, наверное, спятила, – вздохнул наконец Табер. – Точно, спятила. Черт подери, Рони, почему ты не оставила мне сообщение?

– Сколько же сообщений я тебе должна была оставить? – взорвалась Рони. Она неделю не спала, хотела есть и чертовски устала от постоянного страха. – Я три дня звонила, Табер, я оставила кучу сообщений. Ты бы хоть раз проверил чертов автоответчик! Конечно, лучше нарычать на человека, а у самого даже сотовый был отключен! Я просто, знаешь ли, устала просить тебя о помощи.

Хотя, конечно, в горах проблемы с мобильниками не были редкостью.

Он замер, руки сжались на руле.

– Сообщений не было.

Опасность еще сильнее завибрировала в его голосе.

– Наверное, кто-то из твоих братьев стер, – сказала она просто со злости. – Я оставляла сообщения, Табер. Я удивилась, когда ты приехал утром, а потом шериф сказал, что сам оставил тебе сообщение.

– Не было ни одного сообщения. – Его голос стал еще ниже. – Шериф встретился со мной в гараже, когда я пришел туда утром.

Она фыркнула.

– Ну и дела. Он сказал тебе, что оставил сообщение?

– Нет, но я спрошу у него об этом. – По тону голоса Табера было ясно, что он не отступит, пока не получит ответы.

Рони отвела взгляд от его лица. Он разглядывал ее, глаза были темными, напряженными. Этот взгляд напомнил о том, что она – женщина, и снова пробудил в ней то болезненное ощущение, которое всякий раз заставляло ее краснеть. Табер редко так на нее смотрел. И это практически сводило ее с ума.

– Ты можешь остаться у меня, в комнате над гаражом. – Он завел мотор и отъехал от здания тюрьмы. – Там нормальная кровать и даже есть маленькая кухня. Тебя там никто не потревожит.

Но Рони не хотелось оставаться одной. Она уже устала от одиночества.

– Слушай, просто отвези меня обратно домой. Я уверена, Реджинальд скоро вернется.

Он фыркнул.

– Я не собираюсь каждое утро вытаскивать тебя из тюрьмы, Рони. Мы поедem, заберем твои вещи и перевезем тебя в гараж. Тебе осенью нужно возвращаться к учебе.

– У меня пока нет денег...

– Черт, да я заплачу! – рявкнул Табер. Его взгляд не отрывался от нее, и ярость в нем была почти ощутимой. – Заткнись нафиг и послушай меня! Нужно что-то менять, или из-за твоего папаши-придурка тебя скоро убьют! – Его голос повышался с каждым словом. Рони с опаской смотрела на Табера. Он еще никогда не позволял себе кричать на нее.

– Мне не нужна твоя милостыня, – она скрестила руки на груди, глядя прямо перед собой на дорогу, гнев и боль пронзили ее. – Я – взрослая женщина, Табер. Все, что мне нужно – чертова работа.

– Не играй с огнем, Рони, иначе пожалеешь.

Ее голова дернулась, когда грузовик резко остановился у гаража.

Он терял терпение, Рони чувствовала это. Воздух вокруг них начал потрескивать от напряжения, заставляя ее затаить дыхание.

Было еще совсем утро, и гараж был закрыт. Задняя стоянка пустовала. Окруженное высокой сеткой место скрывало грузовик от людских глаз. Интимность их уединения неожиданно оглушила ее. Рони не могла дышать, ее тело заныло от яркого осознания близости мужчины.

Табер смотрел на нее взглядом, который ее всегда возбуждал. И в его глазах тоже полыхало возбуждение. Рони была девственницей, но глупой не была.

— Пожалею ли я? — Слова сорвались с ее губ, прежде чем она успела опомниться.

Краска ударила в лицо, она быстро отвернулась, качая головой и со всей ясностью осознавая, как глупо и по-детски сейчас выглядела.

— Забудь, - Рони качнула головой, глядя на пустую стоянку. — Я вовсе не это имела в виду.

— Рони. — Голос Табера смягчился, но сердце ее затрепетало от охватившего его жара.

— Слушай, мне не нужно успокоительных бесед, - сказала она, пытаясь скрыть свое унижение. Черт, когда она научится держать рот на замке? — Почему бы тебе просто не отвезти меня домой, и мы оба забудем о том, что я вообще открывала рот...

— А ты не думаешь, что я до безумия хочу затащить тебя в свою постель? Дать тебе то, чего мы оба хотим?

Она застыла. Пискнула. Черт, этот маленький грустный писк не должен был вырваться из ее груди. Рони повернулась и посмотрела на Табера, чувствуя отчаяние оттого, что то, что она так упрямо пытается спрятать, все-таки вырывается наружу.

По его лицу она прочла все. Сожаление, утяжелившее его черты, голод, пылающий в глазах.

— Но ты этого не сделаешь? — прошептала она, чувствуя, как рвется на куски ее сердце. — Ведь правда?

— Посмотри на себя, - сказал он мягко, но его голос был груб. — Такая невинная и милая, и ты даже понятия не имеешь о том, какого зверя ты пытаешься разбудить.

— Ты не причинишь мне вреда. — Она знала это. Знала, что отдавшись Таберу, может разбить свое сердце, но физически он никогда не сделает ей больно.

— Ты не можешь быть уверена, Рони. — Оторвав руку от руля, Табер коснулся пальцами ее щеки.

Тепло его мозолистых пальцев, прикосновение большого пальца к губам исторгло из горла Рони всхлип. Ей так отчаянно хотелось дотронуться до него. Попробовать его на вкус.

Кончик ее языка коснулся его кожи, и оба они застонали. Звук был горячий, голодный, наполнивший тесное пространство грузовика напряжением, которое пронзило каждую клеточку ее тела.

— Ты причиняешь мне боль, - сказала она, больше не сдерживая своих желаний. — Иногда это просто невыносимо. Табер, ты мне так нужен. Я люблю тебя.

Они были друзьями много лет. Он всегда был с ней рядом, присутствовал в ее жизни так долго, что Рони не могла себе представить свою жизнь без него.

Табер тяжело сглотнул.

— Ты не понимаешь, что говоришь.

— Я любила тебя с одиннадцати лет, Табер. С тех пор, как ты помог мне спуститься с той чертовой горы и принес меня в дом своей матери. Ты знаешь, что ты завладел мной? — Она ненавидела это. Ненавидела свою нужду в нем, свою боль. — Я такая ужасная, что ты меня не хочешь?

Может, дело в Реджинальде и его делишках? Может, что-то сделало ее грязной, недостойной любви? Мысль об этом жалила ее сердце.

Глаза Табера вспыхнули желанием. Ее слова словно что-то сломали в нем, выпустили на свободу, и он не стал на этот раз себя сдерживать. Надежда зародилась в ней. Возбуждение усилилось, заставив ее увлажниться.

— Не хочу тебя? – он почти рычал. – Черт возьми, Рони, да ты придешь в ужас, когда узнаешь, чего я от тебя хочу.

Но он мог попросить что угодно, и она бы ему не отказала.

— Тогда это твое, - прошептала она. Палец Табера очертил контуры ее лица и вернулся к губам. – Все, Табер. Я умру за тебя.

— Ты еще такой ребенок, - простонал он, пальцем раскрывая ее губы и проникая в теплую влажность ее рта. – Боже, Рони...

Она чуть прикусила палец, одновременно языком лаская огрубевшую кожу.

Рони ненавидела себя за неспособность держать контроль, за желание, которое часто заставляло ее причинять боль самой себе, высвобождая чувства, которые позволяли другим ее ранить. Она желала, хотела Табера так, как никогда не хотела и не желала никого другого.

Он был нужен ей так сильно, как воздух, которым она дышала.

— Хорошо, - прошептал он, другой рукой притягивая ее к себе. – Посмотрим, смогу ли я наполнить твой рот чем-то более приятным.

Прежде чем Рони поняла, что происходит, он опрокинул ее на спинку сиденья и приподнялся над ней. Дернув за ручку внизу, Табер отодвинул сиденье назад и опустил изголовье, давая им обоим больше пространства. Рони пискнула, ошеломленно наблюдая за тем, как он укладывается сверху между ее бедер, прижимаясь своим напряженным, обтянутым джинсами пахом к ее паху.

— Табер, - ее лоно сжалось.

Это было подобно удару в низ живота, выбившему из нее остатки воздуха. Рони ахнула.

— Почувствуй меня, Рони, - хрипло приказал он, скользя вверх и вниз. Ее глаза затуманились, между ног стало влажно. Почувствовать?

А что еще она может делать, кроме как чувствовать его?

Это было слишком. Она застонала и выгнулась ему навстречу, ее груди ныли, внизу все пульсировало. Она ухватилась руками за руки нависшего над ней Табера, на лице его отобразилась боль.

— Я знаю, ты такая тугая, что мне и минуты не выдержать внутри тебя, - его хриплый голос заставил зазвенеть натянутые струны внутри нее.

— Убедись в этом. – Рони едва дышала, едва говорила, но смогла найти в себе силы сказать эти слова, обозначить ими свой бушующий голод, с которым она не могла справиться.

Одно прикосновение. Нужно было только одно прикосновение, чтобы уничтожить остатки самоконтроля.

Ладони Рони скользнули по его талии, нащупали и дернули футболку, высвобождая ее из джинсов. Она отчаянно хотела почувствовать его, попробовать его на вкус. Провести руками по груди, коснуться тяжелых мускулов живота, стянуть с него джинсы и убедиться в том, что он такой же большой и твердый, каким она его ощущала.

— Внутри. – Табер наклонил голову к шее, губы проложили дорожку вниз к ее груди, горячее дыхание обожгло ее плоть. – Черт, я не хочу трахать тебя здесь, как мальчишка.

— Мне нужно коснуться тебя.

Ее руки легли на его грудь, пальцы ощутили жар кожи, а чувства вспыхнули от ощущения прикосновения к мягким завиткам волос. Почему-то она думала, что у него безволосая грудь.

Табер дернулся. Животный рык сорвался с его губ, когда ее пальцы скользнули по животу к пряжке джинсов. Она ухватилась пальцами за ремень, не отрывая взгляда от лица Табера, и потянула его сквозь металлическую петлю.

— Нет. Нет, не так. — Его рука накрыла ее руку, хотя пах помимо воли прижался к ее полыхающему паху. — Не так, Рони. Поднимайся в гараж, детка, и подумай об этом. Подумай об этом глубоко и жестко, детка, потому что, я тебе обещаю, именно так я буду тебя трахать — глубоко и жестко, беспощадно. И покарай меня бог, если после этого я позволю тебе уйти. Так что лучше тебе быть на все сто процентов нафиг уверенной, что это именно то, чего ты хочешь.

Он отстранился от нее, заставив от усилия, которого ему это стоило. Он хотел ее. Эта мысль пронеслась в ее голове и опалила тело.

Рони смотрела на него в удивлении, немного напуганная, но в большей степени готовая дать ему то, что он просит — чего бы не попросил.

— Мне надо уехать отсюда нафиг, пока я тебя не изнасиловал, — он уселся на свое сиденье, внимательно наблюдая за тем, как она приводит в прежнее положение свое. — Оставь гараж открытым. Я вернусь позже. И подумай, как я и сказал, Рони. Ты должна быть уверенной. Запомни это. Это твой последний шанс, детка. В следующий раз я просто не сдержусь.

— Я не собираюсь убегать, — она обещала себе не умолять его, но еще пара секунд — и она не отвечала бы за свои слова и действия.

Табер дышал тяжело, часто. Его лицо покраснело, глаза светились яркой неприкрытой похотью.

— Я вернусь вечером. Если это случится, пусть это случится, как положено, детка. Я хочу, чтобы ты была уверена в том, что хочешь.

Она повернулась, чтобы открыть дверь и выскользнуть из кабины. Через секунду он схватил ее за талию и притянул к себе, обжигая поцелуем ее шею.

— Табер.

Рони обмякла, глаза ее закрылись. Все, что она чувствовала — его тело, прижимающееся к ее спине, его руки, обнимающие ее, его язык, ласкающий ее кожу.

— Мне нужно попробовать тебя на вкус, — и в его голосе она услышала отзвуки борьбы с самим собой.

Его язык был грубым, шершавым, как у кошки, и удовольствие его прикосновение заставило ее задрожать. Он лизал ее кожу, спускаясь вниз, туда, где шея переходила в плечо, а потом впился зубами, исторгнув из ее груди стон боли/удовольствия от этого укуса, заполняя ее, уничтожая ее.

Руки Табера скользнули к ее груди, притянули еще ближе, пока он нежно посасывал ее кожу, пока лизал, постанывая от наслаждения.

— Боже, ты так хороша на вкус, — прошептал он ей в ухо. — Ты такая же сладкая и внизу, Рони? Когда я буду лизать тебя там, ты точно так же сведешь меня с ума?

— О Боже, — она откинулась на его плечо, отдаваясь терзающим ее губам и языку.

— Тебе лучше сегодня хорошенько отдохнуть, — прошептал Табер, медленно отпуская ее. — Хорошенько отдохни, Рони, потому что если ты все еще будешь здесь, когда я вернусь, может стать так, что тебе нескоро придется отдохнуть снова.

Она пыталась выдохнуть. Пыталась найти в себе силы покинуть его. Она не хотела отпускать Табера, не хотела давать ему шанс передумать и оставить ее изнывающей от желания.

— Не хочу думать об этом, — Рони не смотрела на него, она и сама была напугана тем, что вот-вот начнет его умолять. — Я хочу тебя сейчас, Табер.

— Пара часов ничего не изменит, — его голос стал твердым, грубым. — Иди. Пока я не потерял контроль.

Она медленно вышла из грузовика и обернулась к нему.

— Ты вернешься? Точно?

— О, я вернусь, — сказал Табер мягко. — Может, мы оба потом и пожалеем, но я вернусь.

Она закрыла дверь, отступив, чтобы он смог уехать. У нее был целый день, чтобы подумать о грядущей ночи.

Но ночь пришла, а Табер нет. На следующее утро Дайэн, его брат, приехал и привез то, что разрушило все ее мечты. Письмо, которое ей прислал Табер, разбило вдребезги ее сердце.

Ты еще ребенок, Рони. А я мужчина. Взрослый мужчина, которому нужны женщины, чтобы удовлетворить свои желания. Женщины постарше, знающие, что мне нужно, а не маленькая наивная девственница. Возвращайся домой. Ты просто маленькая девочка, которая играет с тем, что ей – и мы оба это знаем – не под силу. И я думаю, что нам пора закончить с нашей дружбой. Я устал тебя спасать. Меня тошнит от того, что ты постоянно зовешь меня на помощь. Учись защищать себя сама, становись взрослой. Я понятия не имею, как воспитывать детей, и не намерен начинать с тебя.

Табер.

Рони вернулась домой, к страхам, к тишине и к желанию, которое стало почти болезненным. И к злости. На себя и на Табера одновременно. Маленькая девочка. Эти слова преследовали ее.

Может, он никогда ее и не трахнет, но он убедится, что она стала взрослой.

И однажды, поклялась она, он за все заплатит.

Глава 1

Пятнадцать месяцев спустя

— Если вы обратите внимание на маленькую отметину на ее шее, то увидите как раз то, что называют любовной меткой, - репортер указал на похожее на синяк пятнышко на коже Мериныс Лайонс, точнее, на ее фото — там, где шея переходила в плечо. — У нас пока нет официального подтверждения, но говорят, что это метка «пары». Это инстинктивное подтверждение связи между представителем Кошачьей породы, Кэлланом Лайонсом, и его женой. Оно включает метку, сперму и основанный на слюне гормон, который обычно действует на женщин, как афродизиак. Породы отрицают это, но лабораторные отчеты, наоборот, подтверждают.

Рони была в шоке. Она стояла рядом с отцом и смотрела репортаж. Кровь отлила от ее лица, когда взгляд наткнулся на метку, обозначенную на фото. Конечно, можно было сказать, что это просто засос, но фото делались в течение трех месяцев, и на каждом пятно имело одинаковую форму. Отчеты говорили, что оно никогда не исчезнет.

Рука Рони протянулась к плечу, прикрывая ее собственную, такую же, как и у жены Кэллана, отметку.

— Ну и нахрена ты трахнулась с этим психом? — шипел ее отец, расхаживая по комнате. Ярость кипела в каждом его движении.

Реджинальд Эндрюс не был крупным, мускулистым и высоким, как Табер, но силы его гнева оказалось достаточно, чтобы Рони передернулась при воспоминании о побоях. Она теперь взрослая. Конечно же, теперь она не потерпит ничего подобного. Но ей ни за что не удастся справиться со своим страхом перед ним. Со своим страхом и своей ненавистью.

— Иди-ка ты туда, откуда пришел, - сказала она резко, не отрывая взгляда от телевизора. — Они все ошибаются.

Она прекрасно выжила без Табера, хоть он и оставил на ней метку, хоть и разрушил ее мечты. Она прекрасно пережила все эти угрозы и нападения отцовских кредиторов, она прекрасно выжила одна. Она сможет пройти и через это тоже.

— Думаешь, ты сможешь меня обмануть? — выплюнул он, подойдя к Рони. Дернул ее за руку, так, чтобы смотреть прямо ей в глаза своими водянистыми, потемневшими от ярости глазами. — Ты смотришь в зеркало так часто, Рони. Разглядываешь свою отвратительную метку? Или смотришь на нее, чтобы вспомнить, как раздвинула ноги перед животным?

Рони с подозрением посмотрела на отца. Ему было все равно, что с ней и как, это она точно знала. И Рони очень сомневалась, что его действительно волнует, с кем она занималась сексом, а это значило, что за его гневом стоит что-то большее, нежели отцовская забота или личное оскорбление.

— Руки от меня убери, понял? Иначе я позвоню твоему последнему работодателю и скажу ему, где, к чертовой матери, ты находишься. — Она говорила ровным голосом, но внутри у нее все бурлило от отвращения и гнева.

Рони видела его не чаще дюжины раз за последние три года. Ни одно из их свиданий не приносило радости. И это не было исключением.

— Рони, ты потеряла себя, ты все разрушила! - заорал он, но руку ее выпустил. — Я почти нашел тебе жениха, девочка. Мистер Тирнс готов бы за тебя заплатить, но ты все испортила!

Ага, подумала она, вот мы и добрались до сути. Как типично для Реджинальда. Хотя, конечно, свадьба с его боссом — слегка за гранью.

— Брак? С твоим боссом? — Рони захохотала. — Так вот для чего ты здесь, Реджи. Ты думаешь, я буду рада общению с одним из тех ублюдков, которые крутятся вокруг тебя? А я так не думаю. Ты — сам по себе. Вот как все будет.

Так было всегда. Она повернулась к телевизору и потеряла способность дышать, увидев на экране запись интервью с пятеркой из Кошачьей породы. Голос Табера послал волну жара по ее телу, и она даже не пыталась с ней справиться.

Она несколько лет училась справляться с собой. Но с каждым годом становилось только труднее.

— Гребаные животные, - зашипел отец снова. — Если кто-то увидит эту отметку на тебе, Рони, думаю, тебе придется побороться за свою жизнь. Кое-кто в Совете был бы рад держать тебя на коротком поводке.

Страх прошел ее, когда она повернулась к отцу. Как далеко он готов зайти, спросила себя Рони. Она не была глупа и не думала, что отцовские чувства смогут удержать Реджинальда от продажи такой ценной информации на каком-нибудь подпольном аукционе. Он сдаст ее с потрохами, стоит лишь дать слабину.

— Не смотри на меня так, девочка, - скривил он рот. — Я не собираюсь никому говорить. Черт возьми, я не хочу, чтобы кто-то знал, что моя дочка трахалась с кошкой.

Она чуть заметно вздрогнула при его словах. Чуть заметно. Она не трахалась с Табером, блин, он даже ее не целовал. Все, что он сделал — отметил ее, разрушил ее будущее с любым другим мужчиной, а потом бросил ее — да побеги отца бледнеют в сравнении с тем, как Табер с ней поступил.

— Уходи, Реджи. — Рони выключила телевизор. — Ты мне сейчас тут не нужен. Ты был мне нужен раньше. У меня нет денег, и я не собираюсь подчищать за тобой дерьмо. Просто уходи.

Она уже давно поняла, что если научится жить без него, будет только лучше. Когда он понял, что дочь не нуждается в нем, он просто сбежал.

— Ты можешь использовать это, Рони, - сказал Реджинальд, его гнусавый голос умолял. — Мы можем продать им твою историю за миллионы. Мы будем обеспечены до конца дней.

Ею овладел настоящий ужас, когда она себе это представила. Рони не видела отца месяцами, и вот он здесь. С очередной идеей «как-быстро-разбогатеть», и снова ему было все равно, как это скажется на дочери.

Нужно было уходить. Рони молча признала, что отец ее гребаную тайну в себе держать не будет. А значит, у нее есть, в лучшем случае, пара дней, чтобы собрать вещи и сбежать.

Она оглядела дом, в котором прожила всю свою жизнь. Он не был большим, но это все, что у нее было. Дом, о котором так мечтала мама. Жаль, что она не прожила достаточно долго, чтобы порадоваться. И теперь она могла все это потерять.

Небольшой домик уже не казался хибарой. Работа бухгалтером в Морхеде позволила Рони сделать ремонт. Новые занавески и техника, удобная софа с темно-зеленой обивкой и подходящие по цвету кресла, маленький кофейный столик из вишневого дерева и журнальный столик, симпатичная лампа. И новая кровать взамен матраса, на котором она прямо на полу спала многие годы. И теперь придется все это оставить.

— Уходи, - снова сказала ему она. — И держи рот на замке, если не хочешь умереть. Думаешь, кто-то из совета захочет связываться с тобой, Реджи? Она скорее убьют тебя, чем заплатят хоть пенни.

Но он вообще ее не слушал.

Гнев кислотой наполнил ее вены, сжег дотла остатки покоя, который она с таким трудом пыталась обрести вот уже пятнадцать месяцев. Вот, что ей было нужно. Почувствовать опасность, в сравнении с которой отцовские эскапады покажутся невинными посиделками за чашкой чая.

— Я уйду. Но вернусь. Подумай об этом, Рони. Тот ублюдок трахнул тебя и ушел. Отплати ему. Заставь его пожалеть об этом, как он того и заслуживает.

Он попятился к двери, буравя ее злым взглядом сузившихся глаз, а потом хлопнул дверью, снова оставив одну. Рони потрясла головой и рухнула в новое кресло. Кожаное, чертовски удобное, подстраивающееся под изгибы тела.

— Боже, так что теперь? — Рони возвела глаза к потолку, борясь со слезами и с потрясением от новой реальности.

Она не хотела уезжать из дома. Большую часть своей жизни она сражалась за то, чтобы остаться, за то, чтобы удержать вместе частички счастливой жизни, которая у нее была. Жизни в мире с собой. А теперь это все придется потерять.

Она могла бы починить грузовик. Он был все же лучше, чем машина, и мог бы проехать больше. Но, как и машина, грузовик был не в лучшем состоянии.

Но его можно было починить. И лучше бы ей сделать это чертовски быстро, потому что отцу наверняка уже не терпится продать информацию о ней по самой высокой цене.

Она в страхе передернулась.

— Почему ты это сделал, Табер? — прошептала Рони в горьком сожалении, сидя в пустой комнате с пустым сердцем.

Она была одна с тех самых пор, как Дайэн вручил ей письмо, которое написал для нее Табер.

Она как-то пыталась начать встречаться, решив, что одного мужчину мечты можно заменить другим. Но вскоре поняла, что ее тело не способно вытерпеть прикосновение другого мужчины, а сердце не перестанет страдать, не имея того, что желает.

Но в такие минуты, когда ей было нужно плечо, чтобы выплакать свои слезы, одиночество просто убивало.

Глава 2

Рони снова посмотрела на внутренности пикапа, над которым трудилась несколько часов подряд, и тяжело вздохнула, наконец, признавая поражение. Сегодня его было не починить, как бы она ни старалась. А время поджимало.

Постоянная дрожь в руках, боль где-то в животе – все было слишком серьезно, страх был слишком реальным, чтобы она смогла забыть о нем и сконцентрироваться на упрямой машине. Отец не станет затягивать с задуманным. И когда он сделает это, за жизнь Рони никто не даст и гроша.

Но если она не справится с тем, что с ней сделал Табер, она окажется в еще большей беде.

Все становилось только хуже: слабость, которая накатывала на нее, возбуждение, поднимающееся внутри, граничащее с болью. У нее уже были подобные приступы в последние месяцы, и осознание того, почему такое случается, ужасало.

Рони наклонила голову, упершись руками в капот автомобиля, и потрясла ею. Хотелось убежать и спрятаться. Хотелось вернуть те времена, когда она могла мечтать и находить утешение в этих мечтах, но реальность отказывалась давать ей тот отдых, в котором она так нуждалась.

Нельзя было убежать от этих выпусков новостей, от правды, которая взорвала мир. Рони пыталась уйти с головой в работу – это было все же лучше, чем сидеть как приклеенная у экрана телевизора – а так делали многие. И что еще хуже, были эти ужасные интервью с телевизионщиками, которые вдруг наводнили маленький городок Сэнди Хук, штат Кентукки. Она пыталась не обращать на это внимания, пока отец не поставил ее лицом к лицу с правдой.

К счастью, Рони пока удавалось избегать назойливых репортеров и подозрительных журналистов. Было достаточное количество тех, кто с радостью делился сплетнями, и эти интервью показывали по несколько раз в день. Как будто бы мир все никак не мог пресытиться этой сенсацией.

Проект «Альфа». Специальное подразделение армии, созданное сражаться, убивать. Частично животные, действующие инстинктивно, почти дикие. Сплетни говорили, что животная генетика внедрилась куда глубже, чем все думали, что она заключается не только в их удивительных бойцовских качествах. Говорили, что сексуальность этих созданий тоже была на грани возможного.

Вроде бы была какая-то утечка из лаборатории, где проводили исследования пяти из Пород и жены Кэллана Лайонса, Меринас Тайлер, подхватившей гормональную инфекцию, биологически «отмеченной» как пара Кэллана.

Рони затрепетала, вспомнив этот выпуск новостей, рука машинально взметнулась к шее, к ее собственному «синяку». Неважно, что Породы решительно отрицали этот факт, что многие из ученых и сами относились к нему скептически. Она знала, что это правда. Она знала, что носит отметку Табера, страдая, иногда физически, от возбуждения, с которым, как ни пыталась, справиться не могла. Которое не могло удовлетворить ничто другое.

Вот уже пятнадцать месяцев, с тех самых украденных у Табера прикосновений, с тех самых мгновений в салоне грузовика, она не могла выносить мужские прикосновения. Прикосновения чужих мужских рук заставляли ее испытывать боль.

Она уронила ключ, который держала в руках, и он улетел в недра грузовика. Спрыгнула с пластикового ящика, который использовала, чтобы стать повыше и добраться до глубин мотора, и гнев прожег ее тело.

Стоило признаться самой себе. Табер трогал ее, чтобы дать понять, что *может* с ней сделать. Зная, что помечает ее, ставит на ней свое несмываемое клеймо. А потом он просто ушел, как будто ничего и не было.

Воспринимала ли она его серьезно? Ну, конечно же, нет, хмыкнула она. Черт, да нет же! С чего бы ей это делать? Она захлопнула капот, развернулась и в бешенстве понеслась к дому.

Пора с этим кончать. Рони трясло от гнева, от эмоций, с которыми она не хотела справляться с тех самых пор, как увидела самый первый репортаж. Это было хуже, чем постоянное возбуждение, с которым ей было не сладить, или раздражение, с которым она воспринимала чужие прикосновения, или перепады настроения. Это было глубокое, переполняющее ее чувство предательства.

Рони быстро помылась, переделалась в чистые джинсы и легкую блузку, схватила ключи от машины и сумочку, и направилась в гараж. Нужно закупить продукты и, может, комплект свечей для этого дурацкого грузовика, подумала она. И еще нужно постараться забыть о Табере, хочет ли этого ее тело или нет.

Дорога до Сэнди Хук заняла едва ли двадцать минут, но через городок пришлось ехать дольше. Туристов было много, но не ущелье они приехали увидеть — их привели сюда сплетни.

«Породы», — гласили знаки, ведущие в город. Было уже построено несколько новых мотелей, а кое-где на коттеджах висели объявления с предложением сдачи комнат внаем. Были даже организованы туры в ущелье и в горы, где, как все уже знали, Кэлан и его семья часто охотились и скрывались.

Каждый день для сотен гостей маленького городка придумывалась новая «утка».

К тому времени, как Рони припарковалась, тот маленький запас терпения, что она имела, практически исчерпал себя. Внутри все кипело, пока она пробиралась через толпу к прилавку и покупала для грузовика запчасти.

— Пожалуйста, Рони, — измотанный и такой же раздраженный, как и она, Джон О’Брайен подал ей пакет с покупкой и сдачу. Бросив взгляд куда-то за Рони, он зло зарычал. — Репортеры опять заняли мою парковку. Тупые задницы.

Рони оглянулась через плечо и в большое окно увидела стоянку. Ну да, два вэна блокировали подъезд, а несколько журналистов уже слонялись вокруг, накидываясь на выходящих из магазина людей с расспросами.

Рони почувствовала, как сердце в груди подпрыгнуло, а ладони взмокли от страха. Она подтянула воротник блузки повыше, чтобы метка на шее была скрыта. Ей совершенно точно не было нужно, чтобы кто-то ее увидел.

— Ну и мудилы, — сказала она Джону с сочувствующей улыбкой. — Надеюсь, они скоро уедут. Я хотела починить грузовик до наступления ночи.

Ей нужно было выбраться отсюда и спрятаться. Быть так близко к этим стервятникам, жаждущим последних сенсацией — слишком для ее нервов. Особенно учитывая натуру отца.

Рони наклонила голову и вышла через дверь, направляясь к парковочному месту в конце стоянки. Она не хотела, чтобы ее лицо попало в прицел камеры, а ей под нос сунули один из этих дурацких микрофонов.

— Вот она! — раздался вопль.

Рони успела лишь на мгновение ощутить прилив сочувствия к тому, на кого нацелились журналисты, как вдруг ее кто-то ухватил за шиворот и развернул на сто восемьдесят градусов. Воротник потянули в сторону так сильно, что он затрещал.

Ужас пронзил ее электрическим разрядом, когда ее схватили крепкие руки, вокруг замелькали люди, а микрофон уткнулся в лицо.

— Кто твоя пара, Вероника? — безумные глаза жаждущего сенсации журналиста встретились с ее глазами, пока она пыталась вырваться. — Кто пометил тебя? У тебя есть жар? Тебя уже протестировали?

Она завопила в гнев в его руках, бросила сумочку и пакет и начала драться, царапаться. Потные мужские тела окружали ее со всех сторон.

— Скажи же нам, Вероника, кто он? Каково это — быть отмеченной животным?

Отдающиеся эхом голоса протестовали и требовали, пока она пыталась высвободиться, пока она впиалась ногтями в держащие ее руки, отчаянно сражаясь, чтобы вырваться, чтобы сбежать.

Она не понимала, что плачет, не понимала, что глаза камер ловят каждый всхлип, каждый вопль, отдающийся эхом вокруг. Зрение Рони затуманилось, расплылось от страха и гнева, и оглушающего инстинкта самосохранения.

Рони почувствовала, как трещит ткань блузки, и вот уже она наконец оказалась свободной от удерживающих ее рук. Она не колебалась, не оглядывалась, она просто побежала.

Она не понимала, куда бежит, не знала, куда бежать, к кому бежать. Она просто бежала.

— Рони! — голос Джона О’Брайена прорвался сквозь панику, когда она оказалась за углом магазина. — Грузовик. Сюда!

Он бешено махал ей, его лицо побледнело, а светло-голубые глаза сверкали от гнева.

— Сукины дети эти гребаные репортеры. Давай же.

Толпа сомкнулась позади них, когда он открыл дверь, и Рони запрыгнула внутрь. Она закрыла окна, а вокруг снова были камеры и микрофоны, тычущиеся в стекло.

Тяжелый грузовик дернулся, когда Джон завел мотор, взревел и начал движение вперед. Журналисты и любопытные горожане попытались заблокировать им путь.

— Я перееду ваши гребаные задницы! — рявкнул Джон, его обычно бледное лицо покраснело от гнева, ярко-рыжие волосы стояли дыбом. Он нажал на газ и сжал руки на руле.

Они выехали на обочину и проломили несколько ярдов древнего забора, окружавшего помещения страховых компаний.

— Черт возьми, у меня будут проблемы, — зачехнулся Джон, но в голосе его звенело возбуждение.

Они проскочили через узкую аллею на полной скорости. Шины завизжали, когда они повернули на одну из проселочных дорог, ведущую прочь из городка.

— Ну, ты как, в порядке?

Рони посмотрела на него, растерянная, дрожащая. Живот сводило от страха. Она покачала головой и сморгнула слезы. Что это была за хрень? Ее кожа все еще горела от чужих прикосновений, протестовала, требовала Табера.

Она потрясла головой, пытаясь обрести хоть каплю контроля. Боже мой. Они *знали*.

Реджинальд не терял времени, продавая ее историю, подумала она.

— Отвези меня домой, — она зажмурилась от надрыва в голосе, от боли, мелькнувшей в нем. — Мне нужно домой.

— Они будут ждать тебя там, Рони, — сказал он мягко, поворачивая в гору, на дорогу, которая в объезд уходила из города. — Тебе надо спрятаться на некоторое время, подумать, что делать дальше.

— Что делать дальше? — прошептала она надломившимся шепотом, потирая руки в попытке стереть с них ощущение чужих прикосновений. Господи, да что делать дальше? Ее отец действовал быстрее, чем она ожидала. Он наверняка продал ее даже раньше, чем появился дома.

Она не могла вернуться домой, Джон был прав. Они могли найти ее там. Могли ворваться к ней в дом. Спрятаться от них просто невозможно. Но что еще ей оставалось?

— Я знаю место, — вздохнул, наконец, Джон. — Ты будешь там в безопасности на некоторое время, если только они не найдут нас прежде, чем мы доберемся туда. Все будет хорошо, Рони, хотя бы пока мы не свяжемся с Кэлланом. А с ним, ты знаешь, нужно будет связаться.

Он уперся в нее тяжелым требовательным взглядом. Глаза все еще горели лихорадкой погони, в них пылал адреналин.

Нет, не Кэллана ей нужно найти, подумала Рони. Это была не его вина. Это была вина Табера, и, бог свидетель, он должен за все заплатить. Руки сжались, когда тело Рони

прошил гнев, почти такой же горячий, как возбуждение. Если она доберется до него, она просто его убьет. И ее бесчувственный продажный отец может стать вторым на очереди.

Глава 3

Табер дернул плечом, когда проникшие через окно поздние лучи солнца просочились сквозь одежду и нагрели спину. Лучше бы, конечно, побывать на свежем воздухе, но пока это все, что он мог себе позволить.

Быть запертым, как в клетке, в доме, где теперь жили все Кошки – это тоже уже не должно было вызывать возмущения. Но это было трудно: стены, казалось, давили на Табера, воспоминания о том, что хотелось бы позабыть, накатывали снова и снова. И как обычно, когда он изо всех сил старался забыть о том, *что* он такое, о том, через *что* ему пришлось пройти в лабораториях – все эти пробы, тесты и исследования – его мысли возвращались к ней. Синие глаза, нежная, шелковистая на ощупь кожа – как в сказке – и жар возбуждения заставлял его пылать.

Рони. В последние несколько недель мыслей о ней стало больше, чем обычно.

Его желание стало только сильнее, он даже не думал, что так может быть. И это его беспокоило. Табер знал, как связаны Кэллан и Меринас. Видел симптомы. У него тоже они были, вот уже год с лишним, но они пока не были такими яркими. В конце концов, он свою пару не целовал. Не позволил себе излиться в ее тело.

Если Рони – его пара, значит, она носит его метку. Несколько раз за прошедшие с момента его отъезда из Сэнди Хук месяцы он оказывался к ней совсем близко. Хотел увидеть эту легкую незаживающую отметину на ее плече.

Не то, чтобы он искал этих встреч. Находиться с ней рядом для него было невозможно.

Она не говорила с ним. Увидев Табера на своем пути, Рони просто переходила на другую сторону улицы. Если они встречались глазами, ее взгляд тут же наполнялся яростью, сверкал раздражением — и он не понимал причин этого гнева. Разве он не оказал ей услугу, оставив ее в покое? Он не звонил ей, не навещал ее. Не говорил с ней о том, как ему живется. Почему она злится? И почему ему так важно это знать?

Конечно же, если он ее пометил, должны были проявиться кое-какие симптомы. Черт, Меринас в самом начале процесса испытывала такую боль, что если бы доктор Мартин не понял, в чем дело, ее бы положили в больницу.

Табер всегда был в курсе новостей о жизни Рони. Она пока не жаловалась ни на что необычное — он вот уже несколько месяцев наблюдал за ней. А его тело страдало, желая ее. Страдало так, что лишало покоя, и это злило – ведь он иногда просто не мог сосредоточиться на работе, все думал и думал о женщине, которую хотел.

Он снова опустил глаза к отчету на столе перед собой, и тут дверь офиса с грохотом отворилась.

— Включи новости! - В большой кабинет, где работали одновременно Табер и Кэллан, ворвалась Шерра.

Дом раньше принадлежал Совету Генетики. Сто пятьдесят акров земли в горах Монтаны было отдано под нужды Кошачьей Породы, и Кэллан и Табер являлись ее собственниками, по крайней мере до тех пор, пока не будет сформирован прайд. А на это, как они уже поняли, уйдут годы. Табер оторвался от распечатки отчета, которую читал, когда Шерра включила с помощью пульта телевизор – огромный плазменный экран на стене напротив. Ее раздражение было почти ощутимо.

У журналистов уже были сведения о новых Кошках, но больше всего тревожило то, что они знали и про других.

Отслеживать сплетни и выделять из них правду было трудно. Учитывая шифры, которыми пользовался Совет для своих бесчисленных передач – еще труднее. У него просто не было желания смотреть еще один выпуск новостей.

Изображение на экране заморозило его внутренности. Полный азарта голос журналиста заставил кровь застыть в его венах. Увидев лицо женщины на экране, Табер зарычал.

— Вероника Эндрюс, механик, подрабатывающий бухгалтером в Сэнди Хук, тоже носит метку одного из существ, называемых Кошачьей Породой. — Блузка Рони была разорвана, она хрипло кричала от боли, а камера все пыталась поймать в прицел маленькое, похожее на синяк пятнышко на ее плече.

Табер медленно поднялся на ноги. Шок пронзил его с ног до головы, когда воспоминания о тех далеких днях всплыли в его голове: его губы на ее коже, его клыки царапают ее плоть, язык лижет нежную шею. Вкус Рони ударил в его голову как вино. Даже сейчас, пятнадцать месяцев спустя, он преследовал его.

— Мисс Эндрюс, каково это — быть отмеченной животным? — Еще один репортер пытался перекрыть ее плач, а Рони царапалась и пыталась вырваться.

Азарт, почти фанатизм горел в глазах журналистов и зевак, и Таберу стало не по себе. Страх в глазах Рони заставил его внутренности сжаться. Как они *смеют* ее трогать? Хватать ее как варвары, показывать ее такой?

Он тихо зарычал, предвкушение мести опалило его разум.

Это была одна из самых ужасных сцен, которые Таберу когда-либо приходилось наблюдать.

Глаза Вероники стали от шока почти черными, в них стояла боль, а грубые руки держали ее, дергали ее туда-сюда, пытаясь обнажить перед камерами метку Порода.

Он медленно придвинулся ближе, не отрывая взгляда от метки... его метки, его женщины. Сердце замерло, а кровь внутри вскипела при виде рук — мужских рук — удерживавших Рони, пока она пыталась вырваться, оставляя на своей нежной коже синяки.

Табер едва сдерживал рычание, животное и яростное, пока смотрел на экран.

— Отпустите ее, ублюдки! — знакомый голос присоединился к гомону.

Один из работников автомагазина буквально распинал окруживших Рони мужчин, отшвырнув их в стене здания.

Рони наконец освободилась. Не теряя и секунды, она побежала прочь. Камера следила за ней, за тем, как разъяренный владелец магазина зовет ее, а потом машет рукой, показывая за угол здания, к стоянке. Она успела запрыгнуть в грузовик, буквально на мгновение опередив журналистов.

Камера приблизилась и поймала сквозь закрытые окна выражение лица обезумевшей от ужаса Рони. Ее глаза остекленели от слез, блузка висела на честном слове, синяки наливались на коже рук и на груди.

Все инстинкты Табера пробудились к жизни. Он ведь с самого начала знал, что Рони не такая, как все, она особенная. Было в ней что-то такое... что-то, что сводило его с ума. Держаться от нее на расстоянии — как она сама и просила — было самой трудной вещью в жизни. Держаться от нее на расстоянии *сейчас* стало невозможным.

— Мне нужны Таннер и Кэбал, - грубые Бенгальцы были так же очаровательны, как и дики. — Шерра...

— Я займусь, - она уже держала трубку у уха и рывкала, отдавая приказы. Оружие, припасы и вертолет — иначе вместо часа им пришлось бы добираться до места целый день. — Готовься к вылету через двадцать минут, - сказала она ему.

Он проводил взглядом завернувший за угол грузовик и чертыхнулся. Передача шла в прямом эфире и транслировалась по всему миру. Каждый гребаный ученый из Совета Генетики наверняка его смотрел. И он очень хорошо знал, что солдаты Совета есть и в Сэнди Хук.

Джон О'Брайен был хорошим парнем. Их с Кэлланом дружба выдержала испытание безумными слухами и выпусками новостей. Но он был один, и, несмотря на свой армейский опыт, справиться с солдатами Совета ему было не под силу.

— Кэллан. Пошли кого-нибудь к ней, - попросил он жожака своего прайда, почти отстраненно, снова и снова проигрывая в своей голове нападение на Рони.

— Понял, Табер, - голос Кэллана был холодным, опасным. — С ней О’Брайен, он хороший парень. Мне кажется, я знаю, куда он поехал, так что я свяжусь с ним, пока ты будешь лететь.

— Вертолет прогревается, Табер, - доложила Шерра. — Его уже загружают, Таннер и Кэбал уже едут. Все путем.

Глаза Табера сузились, когда он вспомнил лица тех, кто удерживал Рони. Несколько из них были ее земляками, двое — чужаки. Они все заплатят.

Кулаки Табера сжались от ярости, из горла вырвался низкий животный рык.

Он молча покинул комнату, направившись из офиса прочь — к передней двери и наружу. Его уже ждал «джип». За рулем сидел один из молодых Кошачьих. Он вдавил газ до пола и в два счета домчал их до места стоянки вертолета.

— Удачи!

Табер спрыгнул на землю и направился к вертолету. Он почти перешел на бег на пути к воздушному судну, и вот уже через открытую дверь буквально влетел в салон. Пятнадцать месяцев он мучил себя ожиданием, не позволяя себе связывать свою жизнь ни с одной женщиной, думая лишь о той, которую так долго пытался от самого себя защитить.

— Готов, - крикнул он, когда Таннер обернулся к нему.

Надел наушники, пристегнулся, пока они взлетали. Каждая секунда вдали от нее казалась теперь такой долгой. Улыбка скривила губы Табера. Он уважал ее желания так долго, потому что не знал всех тонкостей инстинктивного выбора пары. Но теперь зверь внутри него точно знал, *кто* ему принадлежит. Она может злиться, вопить, ненавидеть его целую вечность, пока не замерзнет сам ад.

Рони — его женщина.

И скоро — очень скоро — она поймет, что у нее нет выбора... Ни у одного из них.

Глава 4

Это не могло с ней случиться. Рони пыталась убедить себя в том, что безумный побег из города в горы был просто ночным кошмаром. Наверняка она скоро проснется. Точно-точно. Это все стресс. Просто не каждый день ты понимаешь, что связана с человеком иной породы, той, о существовании которой ты даже раньше и не слышала.

— Все нормально? — Джон обеспокоенно смотрел на нее с водительского места, его рыжие брови нахмурились.

Рони поправила ремень, которым он ее пристегнул. Наверняка этот чокнутый слетит с горной дороги и убьет их обоих. Он вел машину как безумец. Ее жизнь и так могла оборваться в любую минуту, но этот вовсе не значило, что Рони хотела умереть так скоро.

— Ты едешь не слишком... быстро? — спросила она спокойно, хотя сердце колотилось.

— Мы почти приехали. Хочу удостовериться, что нас не преследуют. — Джон резко свернул на боковую дорогу, ведущую к лесу, и машина запрыгала на гравии. — Я еду к моей охотничьей хижине. Слава Богу, там достаточно высоко и ловят телефоны, и у Табера не будет проблем с приземлением.

Рони заморгала от растерянности.

— О чем ты говоришь?

Табер не придет за ней, он не станет ее спасать. Разве они этого не знали? Разве они не в курсе, что он поклялся больше не пачкать об нее руки?

Он раздраженно выдохнул.

— Это вопрос жизни, Рони. Теперь о тебе знает весь мир, так что, думаю, Табер летит сюда. Когда они будут рядом, он мне позвонит. Ты теперь здесь не в безопасности.

Рони проглотила возражения, пытаясь не обращать внимания на комок в животе. Она видела репортажи о «плохих парнях». Их называли монстрами.

Держать себя под контролем было тяжело. Она видела репортажи о тех из Пород, кого схватил Совет. Бедные люди, помоги им бог. Это был худший ночной кошмар, который она могла бы себе представить.

— Боже, - бессильно прошептала она. — Я наверняка скоро проснусь. Но Табер не приедет сюда, Джон. Ему было плевать, когда он поставил эту метку, и думаю, ему и теперь все равно.

Он десять лет вытаскивал ее из одной передрыги за другой. Табер решил, что с него хватит, и теперь она не могла на него надеяться.

Джон крикнул, поймав ее недоверчивый взгляд.

— Хорошо, Рони, пусть все это сон. Когда увидишь Табера, так ему и скажи.

Она покачала головой и начала молиться. Рони прекрасно осознавала, как малы ее шансы самой выбраться из этой бездны.

Закрыв глаза, она глубоко и тяжело вздохнула, и тут зазвонил телефон.

— Да? — рывкнул Джон в трубку. На долгое мгновение воцарилось молчание. — Уже еду туда. Какой план?

Рони хотелось ущипнуть себя, чтобы проснуться. Она отрешенно слушала разговор, пытаясь не обращать внимания на внутренний голос, говоривший о том, что прошлое вот-вот настигнет ее. Чего ей не хватало в жизни, так это небольшой встряски. Но пусть она и не была счастливой тогда, без него, она хотя бы была довольной собой. Быть довольной — тоже чего-то стоит.

— Говорил же, - сказал Джон, в голосе звучал триумф. — Табер будет здесь минут через тридцать. И потом мы будем в безопасности.

Неверие пронзило ее. Он будет здесь? Спустя пятнадцать долгих мучительных месяцев ее самостоятельной жизни он будет здесь? Очень мило, подумала она, что он все-таки признал, что именно по его гребаной вине в ее жизни началось такое гребаное дерьмо.

Рони проследила взглядом, как Джон убирает телефон в чехол на поясе. Она нахмурилась, внимательно изучая его взглядом. Джона она знала не слишком долго, но вынуждена была признать, что сейчас он казался другим – жестче, тверже, чем обычно. Это вдруг напомнило ей о Табере – и это не было приятным воспоминанием. Эти сузившиеся глаза, этот опасный взгляд, с которым вряд ли кто хотел бы повстречаться. Опасный человек опасного мира.

Она сжала зубы, уговаривая себя промолчать в ответ. Что бы она ни сказала — это будет точно не комплимент в адрес Табера. Он начал все это дерьмо, а потом оставил ее одну его расхлебывать. Разобраться с этим – меньшее, что он мог бы сделать.

— Ну вот, - Джон кивком головы указал на охотничий домик, появившийся за поворотом.

Спрятанный под нависшими кронами деревьев маленький домик и притулившийся рядом с ним гараж было наверняка очень трудно, почти невозможно увидеть с воздуха. Джон загнал грузовик в гараж, заглушил мотор и спрыгнул на землю.

Рони не торопилась. Она выберется отсюда, подумала она почти с отчаянием. Такие вещи не происходят с обычными людьми. Ее жизнь всегда была самой обычной. Была обыденной. Скучной. Блин, Табер не захотел ее, когда у него был шанс, что же теперь изменилось в его голове?

Он уволил ее с работы, которую она любила, которая была единственной отдушиной в ее жизни с постоянно чего-то требующим папашей. Исчез на несколько месяцев. Даже не пытался заговорить с ней, когда видел ее на улице. Отметина на ее щеке точно не была причиной такой перемены, да? Во всяком случае, для нее.

Внутреннее убранство хижины было скромным. Одинокий диван перед неработающим камином, пыльный кухонный стол, четыре кресла. Ни ковров, ни штор, а пыли столько, что в ней можно было сажать цветы.

— Ванна в задней части. - Джон указал на закрытую дверь в дальнем конце комнаты.
— Будь как дома.

Он вел себя так естественно, словно каждый день привозил сюда кого-то, ожидающего спасения.

— Зачем тебе все это? - она повернулась к нему, внимательно глядя в лицо.

Джон посмотрел на нее, его глаза блеснули удивлением.

— Все это – это что?

— Ну, зачем ты мне помогаешь, пока Табер летит сюда? Тебе-то что от этого?

Он изогнул свою пламенную бровь, растерянность сменила веселье.

— Я просто помог, Рони.

— Чушь, - пробормотала она, покачивая головой. - Я не глупа. Здесь что-то еще. Что?

Ей нужно было найти какой-то смысл даже в этом, даже в дружеской руке помощи.

Он тяжело вздохнул.

— Более или менее, во всем этом есть какая-то причина, - сказал он ей твердо. - Я помогаю Таберу и остальным, как могу. И это все. А так как ты еще и мой друг, я помог бы тебе в любом случае.

Ответ был, но далеко не полный.

— Почему он летит сюда? - Рони провела рукой по своим спутавшимся волосам, игнорируя дрожь пальцах. - Эта отметка ничего для него не значила раньше. Почему все изменилось теперь?

Это был вопрос, который тревожил ее больше всего остального.

— Спросишь его, когда он будет здесь. Я проверю, не следил ли кто за нами. Оставайся тут.

Он отстегнул от пояса чехол с телефоном.

— Номер Табера забит на «1» в быстром наборе. Если что-то случится, звонишь ему. Слышишь?

Она проводила взглядом телефон, который Джон положил на стол, и почувствовала, как во рту пересохло.

— Что может случиться?

Их глаза встретились, когда она подняла голову, сердце забило от предчувствия. Он посмотрел на нее, во взгляде была решимость.

— Я уже сказал, поблизости могут ошиваться другие. И кто-то из них может оказаться намного ближе к нам, чем Табер. Я просто хочу быть осторожным.

Рони сглотнула комок в горле.

— Охотники за головами?

Она видела репортажи, где рассказывалось о том, как Таберу и его семье годами приходилось сражаться за свою жизнь, потому что к ним то и дело подсылали охотников или убийц.

В глазах Джона вспыхнуло сочувствие.

— Да, - наконец, пробормотал он. — Но наверняка мы в безопасности. Только несколько людей в курсе насчет этого домика, но к тому времени, как кто-то нас найдет, Табер и ребята уже будут здесь и спасут тебя. Все с тобой будет нормально.

Он повернулся и ушел, прежде чем она смогла вымолвить хоть слово. Только тогда она заметила в его руке пистолет. Черный, несущий смерть. И, кажется, Джон знал, что с ним делать.

Отлично. Рони упала в одно из пыльных кресел и обвела помещение взглядом с чувством, близким к панике. Охота теперь идет и за ней. И это большая проблема.

Подняв руку, Рони коснулась отметины на шее, из-за которой проблема и появилась. Метка болела сильнее, чем обычно. Не терпимо, но как напоминание об удовольствии, которое ей доставило прикосновение губ Табера к шее. Его зубы прикусили кожу, его язык обжег ее жаром. Рони задрожала от нахлынувших воспоминаний.

Убрав руку с шеи, Рони долго смотрела на телефон, а потом поднялась на ноги и подошла к запыленному окошку у двери. Она могла позвонить ему. Сообщить, как же она ценит все то дерьмо, в котором она сейчас по самую шею засела. Блин, он хотел избавиться от нее, план был такой. Разве может она быть рада тому, что он вдруг решил подать ей руку помощи?

Рони смотрела в окно и все яснее осознавала, что выхода нет.

Это чувство беспомощности грызло ее. Она ненавидела ощущение зависимости от кого-то, особенно в том, что казалось ее жизни.

Глядя в сторону леса, Рони видела, как Джон быстро прочесывает местность вокруг. Он то показывался, то пропадал из виду — расслабленный, но одновременно готовый ко всему.

Он напомнил ей военных, которых она видела по телевизору.

Время шло чертовски быстро. Не было шанса подумать, принять перемены, которые вдруг ворвались в ее жизнь. Не было времени подготовиться к встрече с Табером. Казалось, прошла всего пара минут, а Джон уже вернулся в домик и взялся за телефон. Глядя на нее, набрал номер.

— Я слышу вертолет. Это вы? — спросил он. Взгляд голубых глаз был острым и холодным. — Отлично. Мы в безопасности, и поблизости никого. Она будет ждать тебя у места приземления. — Он отключился и посмотрел на Рони. — Готова идти?

— Нет.

Она засунула руки в карманы джинсов. Ну, давай же, подумала Рони отчаянно, просыпайся. Давай, проснись, пора!

— Очень плохо. — Джон улыбнулся, как будто действительно понимал, почему она так отчаянно боится признать происходящее. — Время выдвигаться.

Глава 5

Все казалось нереальным. Рони стояла на краю маленькой поляны и смотрела, как вертолет опускается и совершает безукоризненное приземление. Сделав ей знак отойти, Джон сорвался с места и побежал к маленькому воздушному суденышку, пока Рони пыталась унять биение своего сердца.

Ей хотелось развернуться и бежать, снова вернуться к своей прошлой жизни – той, которая была у нее до поездки в этот чертов городок. Ведь прошел всего час! Но она понимала, что выхода нет. Как-то отстраненно Рони спросила себя, а куда, собственно, ей бежать.

Разве Табер не снился ей каждую ночь? Разве она не страдала каждую минуту своей жизни с тех пор, как он ушел?

Когда Табер спрыгнул на землю из вертолета, каждая клеточка ее тела ожила. Между бедер возникла и забилась пульсация желания, стало влажно. Она уже была готова для него. Дыхание замерло, и не в первый раз Рони поймала себя на том, что просто не может сопротивляться его грубой сексуальности.

На Табере были джинсы. Они облегали его узкие бедра, подчеркивая мускулы длинных ног. Широкий темный ремень оттенял белый цвет рубашки и мягкие контуры торса. Широкие плечи. Черные как смоль волосы зачесаны назад, придавая внешности оттенок дикости – и эта дикость отозвалась прямо в ее самой интимной точке. Рони почувствовала, как течет от желания, как горячо стало внизу, как начинает ныть, требуя Табера, ее тело. Она отступила, когда их взгляды встретились. Табер быстро сокращал дистанцию между ними.

Она прочла на его темном загорелом лице отчетливое намерение завладеть ею. И передернулась от внезапной волны страха.

Теперь он казался совсем другим.

Мужчина, которого она знала, был мягким, решительным, страстным, нежным. Она услышала всхлип и поняла, что это ее всхлип. Рони продолжала пятиться, ее ноги дрожали, ее разум сосредоточился на том, что видели глаза. Табером управлял инстинкт. Он не контролировал себя, он больше не был, тем, кого она знала. Он был почти животным. И его испугало ее.

— Табер. — Она остановилась, упершись спиной в большое дерево. Он остановился в шаге от нее, изумрудно-зеленые глаза блестели напряжением и силой. В этот момент пятнадцать месяцев боли и гнева настигли ее.

Вот он стоит тут, глядя на нее так, словно может присвоить ее каким-то дурацким укусом, а потом просто уничтожить ее жизнь и все, о чем она мечтала. Кулаки Рони сжались и едва осознав, что делает, она со всей силы ударила его в живот.

Но кулаку явно было больнее, чем Таберу.

— Блин! — завопила она, когда он не шелохнулся. Его тело напряглось, глаза сузились в гневе. — Смотри, что ты сделал с моей жизнью! Спасибо за то, что превратил ее в ничто, Табер!

— Моя! — зарычал он.

Звук эхом отдался в ее теле, в ее душе. Дыхание сорвалось, глаза расширились от этого животного звука.

Прежде чем Рони смогла пошевелиться, Табер схватил ее за руки и прижал их к дереву, игнорируя ее безумные попытки вырваться, ее отрывистую ругань.

Он наклонился, выражение лица было диким, первобытным. Глаза не отрывались от лица Рони, пока его большое тело вжимало ее маленькое в ствол дерева. Рони пыталась

вдохнуть, наполнить легкие воздухом, дышать, чтобы отвлечься от возбуждения, пронзившего ее насквозь.

Она ощущала его близость, его дикий голод, острую мужественность и жаркую похоть. Запах Табера ударил в ее рецепторы, заставляя буквально с головой погрузиться в осознание того, что пришел он за ней только потому, что его привели сюда животные инстинкты.

Но не потому, что этого захотел человек внутри.

— Опустит! — закричала она, пытаясь оттолкнуть Табера, разжать его одновременно крепкую и такую бережную хватку.

Она тряслась от страха и накачивающих эмоций, и от желания сделать ему так же больно, как ей было больно сейчас.

Табер наклонился ближе, его плоская грудь прижалась к ее груди, заставляя соски напрячься под тканью бюстгалтера и разорванной блузки. Голова Рони оказалась прижата к дереву, она неосознанно раздвинула ноги, чувствуя, что не может дышать, не может справиться с разрядом молнии, пронзившим ее тело, в котором желание смешалось с гневом.

А потом Табер зарычал. Его рот скривился, обнажая длинные опасные клыки. Звук — предупреждающий и одновременно полный возбуждения — сорвался с его губ, когда Табер наклонился и горячим требовательным ртом накрыл ее рот.

Рони упала бы, если бы он ее не держал. Сильные руки подхватили ее, прижимая ближе, его губы захватили в плен ее губы, язык вторгся в ее рот.

Острое, возбуждающее прикосновение пронзило ее с ног до головы и обдало жаром, тело словно взорвалось от нахлынувшей реакции, а потом покорилося силе страсти.

Пальцы Рони сжались в кулаки. Ногти впились в ладонь, а требовательный язык Табера все терзал ее рот, заставляя стонать. Боже, что за вкус. Темный мед — сладкий и будоражающий. Она готова была отдаться этой страсти, даже зная, что в этой пучине ей просто не выжить.

Их языки сплелись. Она почувствовала маленькие комочки желез по бокам от его языка и застонала от удовольствия, когда под ее ласками эти комочки раскрылись и выпустили наружу сладкий мед, который таили в себе. Ей было нужно больше. Она хотела заполнить себя этой сладостью, открыть себя для всепоглощающего удовольствия. Его язык требовательно ласкал ее рот. В воздухе повис рык — настоящий кошачий рык, отозвавшийся спазмом в ее лоне.

Рони отдалась этому желанию ласкать, наслаждаться вкусом. Но ей уже было мало. Она впиалась в его рот, упиваясь его сладостью. Его губы мяли и терзали ее губы, его язык снова и снова пронзал ее рот, а она все пила его сладкий нектар и не могла напиться. Рони поднялась на цыпочки. Табер отпустил ее руки, она больше не сражалась с ним. Пальцы ее пробежались по его бицепсам, впились в ткань одежды, ощущая скрытые под рубашкой мускулы. Он притянул ее еще ближе, прижал к дереву, вклинился телом между ног, надавливая прямо на средоточие ее женственности. Как же хорошо. Она дернула головой, когда внизу все заломило от сладкой боли.

Рони прижалась сильнее, потерлась об его бедро своим ноющим от желания клитором, желая большего, еще большего, чем он давал ей сейчас. Звук мотора вертолета казался далеким, ветер от вращающихся винтов просто ласкал ее ставшее таким чувствительным тело.

— Табер, черт тебя дери! — голос Джона прорвался сквозь сладостный сон, от которого ей так не хотелось просыпаться.

Только не сейчас — сейчас ничего не сможет их разъединить. Она еще хочет пить его нектар, она хочет утолить голод, от которого ноет ее лоно.

— Нет, — отчаянно прошептала она, когда Табер оторвался от ее губ, глядя сверху вниз взглядом, полным желания и гнева.

— Моя, — рыкнул он снова, словно заставляя ее признать это. Рони покачала головой, ее трясло. Она хотела еще поцелуев, еще этих сладких ощущений.

— Времени нет! — снова закричал Джон. Краем глаза она увидела его размытый силуэт. — Твою мать, посади ее уже в вертолет, пока вас не поймали! Ты хочешь потерять ее навсегда?

Табер не сказал ни слова. Бросив на кричавшего разъяренный взгляд, он подхватил Рони за талию и потащил к поляне, где ждал вертолет.

Рони хотела пойти сама, хотела бежать с ним рядом, хотела протестовать, ругаться — но тело ей не подчинилось. Сознание туманилось, как будто она готова была потерять связь с реальностью. И это тоже ее испугало.

— Прямо, твою мать, вовремя, — сказал незнакомый голос, когда Табер практически забросил Рони в вертолет.

Он вспрыгнул сам и захлопнул за собой дверь, и вертолет тут же поднялся воздух. Мощь машины отозвалась в Рони эхом, вибрация двигателей была почти болезненной для ее ставшего чувствительным тела.

Она посмотрела на Табера, растерянная, напуганная. Он тоже глядел на нее, в его ярких зеленых глазах светилась почти гордость. Это был не тот парень с мягким характером, что спасал ее от неприятностей год за годом. Это не был тот нежный возлюбленный, который несколько месяцев назад оставил ее, обещав возвратиться.

Эту сторону Табера она никогда еще не видела. И это одновременно возбуждало и пугало, заставляя ее плоть и разум бороться друг с другом и чувствами, пронзающими тело.

— Что ты со мной сделал? — прошептала она, чувствуя, как внутри снова начинает болеть, умоляет о поцелуе и прикосновении — его поцелуе и прикосновении. *Пожалуйста, еще один раз!* — тело кричало и билось в агонии. Прикосновение, вкус...

— Я сделал тебя своей, — проговорил он, медленно, четко. — Ты моя, Рони. Навсегда.

Ее глаза расширились. Паника, смешанная с возбуждением, наполнила ее, зажгла огнем соски, клитор, лоно. Рони вся горела от желания. Она потрясла головой, пытаясь справиться с растерянностью и страхом оттого, что Табер с ней сделал. Едва сдержала стон, когда клитор запульсировал. Этот спазм отдался эхом в ее лоне, прошел вверх по спине и окатил жаром лицо.

Она попыталась заставить себя дышать. Табер смотрел на нее, его ноздри трепетали, глаза темнели с каждой секундой, словно он чувствовал то, что с ней творится. Его щеки залило румянцем, губы покраснели, став еще более сексуальными. Глаза горели от похоти.

Рони нервно облизала пересохшие губы. Она хотела коснуться его, но боялась нарастающего возбуждения — как будто кто-то внутри зажег огонь. Ее кулаки сжались — ведь еще недавно ей казалось, что она почти научилась его контролировать. Но тогда все было не так плохо, прошептал внутренний голос. Тот голод раздражал, мешал ей. Теперь же внутри словно нарастало что-то большое, и оно грозило накрыть ее с головой.

Рони отвела взгляд, отвернувшись и стала отчаянно смотреть в окно. Табер сел рядом с ней, вытянув одну руку на спинку ее сиденья. Пальцы его ласкали ее спину, играя с рассыпавшимися волосами.

Она закрыла глаза и тяжело задыхалась. Она сможет справиться с искушением, которое заживо ее сжигает. Конечно, сможет. Могла же раньше.

Рони прикусила губу, когда пальцы Табера скользнули вверх, отодвинули край блузки, обнажили отметину на шее. Она могла бы повернуться и посмотреть ему в глаза, но не нашла сил сдвинуться с места.

Рони пискнула. Просто не смогла сдержаться. Его язык коснулся маленькой ранки, его рот накрыл ее, нежно посасывая — и внутри нее все сжалось. Ее вагина потекла, запульсировала — и Рони оказалась почти на грани оргазма, когда его зубы царапнули кожу там, где была метка.

Она сжала пальцы на его предплечьях, когда Табер позволил своим рукам скользнуть по груди, удерживая ее, пока язык терзает плоть. Пока он мучает ее.

— Пожалуйста, - она знала, что он не услышит, но не могла найти в себе сил закричать, когда удовольствие волной прошло по телу от точки, которую он ласкал своим ртом, до твердых набухших сосков и ниже – к ее мокрой вагине. Она почти взорвалась.

Он оторвался от ее шеи и медленно вернулся на свое место. Но Рони не стало легче. Она сжала зубы, проклиная Табера, проклиная себя, и сгорая от страсти. Она готова была умолять его овладеть ею, умолять его облегчить ее страдания, которые становились только сильнее с каждым мигом, что она провела рядом с ним. И это было плохо. Совсем плохо.

Глава 6

Все сложилось просто замечательно, сказал себе Табер. Полет из Восточного Кентукки обратно домой в Виргинию был быстрым, четким, спасибо за это маленькому военному вертолетику. Этот вертолетики был одним из тех немногих преимуществ, что получали за свои многочисленные беды такие как Табер – сделанные по заказу, ради эксперимента.

Его тело наполняло желание, подпитываемое возбуждением, которое поднималось в Рони. Он чувствовал ее жар, и это почти сводило его с ума. В паху болело так, словно там была открытая рана, член пульсировал и ныл в плену джинсов.

Он смотрел в иллюминатор, отмечая каждый знакомый ориентир, считая каждую минуту до того, как сможет затащить Рони в постель, раздвинуть ей ноги и вонзиться в горячие глубины ее влажного тугого лона.

Он ждал пятнадцать месяцев. Пятнадцать долгих мучительных месяцев. Черная болезненная пустота пожирала его душу день за днем. В этой пустоте было лишь желание, изнуряющее и бесконечное желание обладать одной-единственной женщиной. Табер не мог прикоснуться к кому-то еще, не мог вынести даже запаха другой женщины – так глубоко Рони засела в нем.

По этой, и по многим другим причинам он никогда не поймет, почему она оставила тогда на его столе ту короткую грубую записку. Женщины никогда не поступали с ним так, как поступила она.

И теперь Табер знал, что она его хочет, как и тогда. Так почему же она оттолкнула его? Он сохранил ту записку. Гнев и чувство предательства все еще ранили его при воспоминании о тех словах.

Он отказывался от своих чувств долгих пятнадцать месяцев, сражаясь с похотью, с голодом – ведь он не хотел открывать ей, кто и что он такое без ее на это желания. Он все это время знал, что решение Рони – лучший выход для них. Он не осуждал ее, не хотел заставлять ее делать то, чего хотело его гребаное тело. Но теперь черта-с-два он даст ей уйти.

Его поцелуй стал страховкой. Теперь Рони не уйдет от него. Тот гормон, который попал в ее тело, должен ее подготовить. Возбуждение будет расти и расти до тех пор, пока она окажется не способной сопротивляться его прикосновениям. Да она даже ходить вряд ли сможет, когда он утолит, наконец, свой голод. Он так долго ждал.

— Мы приближаемся, - обернувшись, сказал ему Кэбал.

Вдали уже был виден особняк. Он был воплощением изящества, величия, элегантности. На каждом из трех этажей был балкон, высокие колонны поддерживали крышу и придавали огромному белому зданию живописные очертания. Столетний особняк посреди плантации поддерживался в отличном состоянии. Предыдущие владельцы содержали все просто идеально, сохраняя снаружи исторический вид при современном интерьере.

Его рука сжалась на талии Рони, и он почувствовал, как она замерла. Первобытное чувство страха смешалось в ее аромате с животным сладким желанием. Она боялась, и этот страх только усиливал бурление ее крови. Адреналин бушевал в ее сосудах, разнося гормон по организму.

Вертолет приземлился на посадочную площадку с мягким толчком, двигатели зажужжали ниже, пока Табер отстегивал ремни безопасности – свой и Рони. Он заглянул в ее глаза, заметил скопившееся в теле напряжение, расширившиеся зрачки, румянец на щеках. Ее голубые глаза блестели от желания. Ее тело трепетало от страсти.

— Что ты сделал со мной, Табер? – растерянно спросила она надломившимся голосом, когда Таннер и Кэбал покинули вертолет.

— Идем в дом, я тебе там все объясню.

Он прыгнул с подножки вертолета и, ухватив Рони за талию, помог ей сойти.

Она вздохнула, когда он прижал ее к груди перед тем, как поставить на землю. Прикосновение тела Рони заставило желание вспыхнуть с новой силой. Слава Богу, им не надо было далеко идти.

Табер сжал ее руку и повел к джипу, который подогнал к площадке Таннер. Ее пальцы трепетали в его руке, но тело трепетало сильнее. Табер почувствовал, как Рони буквально тряхнуло, когда он помог ей усестся в машину. Казалось, она на грани.

Его поцелуй сотворил с ней то самое, о чем рассказал им раньше Кэллан.

Половой гормон, содержащийся в миндалинах на языке, почти сразу же в момент поцелуя попал в ее организм. Уровень возбуждения возрос, желание ощутить его прикосновение, его вкус возросло, почти лишая разума. Но он все равно хотел ее сильнее.

Все это Табер время ощущал себя беспомощным, пойманным в путы собственного желания и страсти, справиться с которыми ему было не под силу. Никогда раньше животное внутри не получало отпора. И этого не случится снова.

– Дом, в котором мы живем, раньше принадлежал Совету Генетики, - сказал он Рони, пытаясь казаться спокойным, пока Таннер гнал машину по выложенной камнем дороге к особняку. – Теперь это наша база. Мы здесь в безопасности, среди таких же, как и мы. Нас становится все больше. Ты тоже будешь здесь в безопасности, Рони.

– Правда? – ее тон сказал ему, что она не очень в это верит. Плохо. Но он теперь ее не отпустит.

Рони держалась так далеко от Табера, как могла, но в джипе было не так-то много места. Ее тело горело, ее запах был сладок и прян. Он был вдаль от нее слишком долго, пытаясь играть в благородство, защищая ее от себя и правды, сокрытой в его крови.

Табер подавил ухмылку, когда наткнулся на ее полный негодования взгляд. Да, видимо, Рони постепенно приходила в себя от дневных происшествий и начинала злиться.

Табер почувствовал, как пронзила его волна возбуждения, но попытался ее проигнорировать. Ее взгляд сверкал гневом и похотью одновременно. Рони пылала, в ее запахе теперь было что-то дикое. В его груди что-то заклокотало, ему захотелось зарычать, рассказывая всем о своем триумфе.

– Я могла бы быть в безопасности и у себя дома, - прошипела она, - если бы не ты.

Голос Рони звенел от эмоций, от желания, пронзающего ее тело.

Она сражалась со своими чувствами, не признавая даже себе в том, что отрицая их, делает только хуже. Табер подавил улыбку. Ее гнев только разгонит кровь, и гормон в ней быстрее начнет действовать.

– Я могу сказать то же самое, - веско сказал он ей, пока джип тормозил у входа в особняк.

Большие дубы стояли по бокам от входа, так близко, что приходилось их подрезать. Они росли рядом с домом и защищали его так долго, что не было и речи о том, чтобы их спилить.

Табер помог Рони выбраться из машины. Двойные двери отворились, и Кэллан и Меринас ступили на каменное крыльцо. Взгляд Кэллана был тяжелым, пронизательным, он дышал медленно. Табер понял, что и другие из Породы могут чувствовать возбуждение Рони.

Он подвел ее к Меринас и Кэллану, чувствуя, как дрожь волнами прошивает ее тело. Она была напряжена и держалась очень прямо.

Табер встретился с Кэлланом взглядом, и в янтарных глазах своего лидера увидел беспокойство.

– Рони, рад видеть тебя снова, - сказал Кэллан мягко. Он не предложил ей руки, не коснулся ее, когда Рони застыла напротив. – Позволь мне представить тебе свою жену, Меринас. Меринас, это Рони Эндрюс, наш хороший друг из Сэнди Хук.

– Привет, Рони, - переводя взгляд с одного на другого, сказала Меринас с улыбкой. – Жаль, что приходится видеться при таких обстоятельствах.

– Рада познакомиться, - голос Рони был слабым, мягким, когда она накрыла руки Меринас своими руками. – Мне тоже жаль...

– Ты не должна чувствовать себя виноватой, - покачала та головой, легкая улыбка озарила ее лицо. – Эти парни постоянно устраивают своим женщинам потрясения. Но в конце концов... - Она бросила взгляд на мужа. – Это того стоит.

– Я пока воздержусь от комментариев насчет этого, - Рони тяжело вздохнула. – Если не возражаешь.

Взгляд Меринас наполнился пониманием, когда она посмотрела на Табера. Она более остальных понимала стресс, в котором пребывала сейчас Рони.

– Я все понимаю. Если тебе что-то понадобится, дай нам знать. Нам бы хотелось, чтобы ты чувствовала себя здесь, как дома.

Рони кивнула, пробормотав слова благодарности, но Табер видел, как с ее брови стекла капля пота, как румянец окрасил щеки.

– Пожалуйста, проходите. Табер покажет тебе свою комнату, и ты сможешь отдохнуть перед ужином. Поговорим позже.

Меринас нахмурилась, глядя на Табера. Ее неодобрительный взгляд он встретил прямо.

Они вошли в отделанный мрамором холл. Табер подхватил Рони под руку и повел ее по винтовой лестнице наверх, в правое крыло. Его комнаты находились на втором этаже. Мысли Табера крутились вокруг огромной кровати, которая ждала Рони. На этой кровати он доведет дело до конца. Он сможет сделать ее своей, взяв все то, в чем они оба отказывали себе вот уже пятнадцать одиноких, полных неудовлетворенного желания месяцев.

Она заплатит ему.

Глава 7

Что с ней случилось? Рони лихорадило, она была растеряна и почти опьянена сексуальным желанием. Еще немного – и ее ноги бы подкосились. Идя с Табером по лестнице, она боролась с ужасающей слабостью, и была почти благодарна его поддержке. Его большое горячее тело рядом с ней буквально излучало жар.

Его рука помогала ей удержаться на ногах, но Рони могла думать только о том, как эта рука скользнет вниз, погладит ее кожу, охладит жар, пылающий у нее внутри.

Никогда еще возбуждение не сводило ее с ума. Нет, это было даже не возбуждение. Даже не похоть. Это было потрясение, голод, разрывающий на части, делающий желание почти невыносимым.

— Что ты сделал со мной? – Она попыталась отстраниться, спрятаться от пронзающего тело удовольствия, которое дарили его прикосновения. Но Табер не отпустил. – Это не смешно, Табер, хватит. Я устала от этой молчаливой демонстрации, я поняла, что мужчина тут ты.

Они вошли в просторную гостиную. Стол из вишневого дерева, компьютер, принтер и факс – все это Рони увидела в дальнем конце комнаты. Он протащил ее мимо комнаты отдыха с кучей развлечений, которые непременно впечатлили бы ее, если бы мысли не витали постоянно вокруг пожара, пылающего в вагине.

Открыв дверь, Табер завел ее в спальню. Комната была отделана в темных тонах, мебель из вишневого дерева и плотные занавески, почти не пропускающие солнечного света, придавали интимность, сексуальность.

В дальнем конце комнаты стояла большая кровать с балдахином, матрас казался таким толстым, что на нем вполне можно было прыгать, как на батуте. Темно-коричневого цвета балдахин был откинут, подушки в беспорядке лежали в изголовье.

Рони вздрогнула, представив на кровати себя и Табера: его тело накрывает ее, его руки скользят по ее коже. Она прикусила губу, пытаясь подавить стон, едва не вырвавшийся наружу.

— Отвечай мне, блин! – Рони зло повернулась к Таберу, который в это время закрывал за собой дверь.

Она встретила с ним глазами... с этими глубокими сверкающими глазами. Глазами хищника. Она видела подтверждение его уникальной ДНК. Высокие скулы, сужившиеся зрачки.

— У тебя лихорадка, - сказал он, медленно расстегивая пуговицы рубашки.

Рони проследила взглядом за его пальцами.

Колени ее подогнулись. Сантиметр за сантиметром он обнажал свою гладкую загорелую кожу. Она покачала головой, не в силах закрыть глаза, чтобы хоть как-то справиться с желанием, которое он так легко в ней пробуждал. Она хотела, чтобы он снял рубашку. Хотела пробежаться пальцами по четким контурам его мышц, почувствовать его жар, дотронуться, попробовать на вкус... Как и делала не раз в своих мечтах.

А потом слова дошли до нее. У нее лихорадка. Сердце Рони забилося от страха. Она устала на Табера, дышать стало трудно, даже больно.

— Что ты имеешь в виду? – Она тяжело сглотнула, борясь с шоком.

Табер стянул рубашку с плеч, крепкие натренированные мускулы его груди и рук напряглись, демонстрируя силу.

— Именно то, что сказал. - Его голос был твердым, но во взгляде пылала страсть, расплавленная лава похоти кипела в изумрудной глубине. – У тебя лихорадка, Рони. Твое тело готовится принять то, что хочет от тебя природа.

Он отбросил рубашку прочь и уселся на пуф. Глаза Табера не отрывались от лица Рони, они сверлили ее – и этот взгляд потемнел от желания, когда уперся в ее вздымающуюся грудь.

Боже, она так хотела попробовать его на вкус. Его живот был плоским, твердым. Мышцы напряглись, когда Табер наклонился, чтобы снять обувь.

— Но как? — Она не соображала ничего, тело горело от страсти. — Такого не было. Даже когда ты меня укусил. Почему сейчас?

Он поднялся на ноги, нависая над ней, подошел ближе, не отрывая от нее взгляда.

— Я тогда не целовал тебя, Рони, — сказал он мягко, приблизившись совсем вплотную.

Запах тела Табера ударил в ее ноздри. Он пах как мужчина... горячий, темный, властный... и она затрепетала.

— Что... — Она снова покачала головой, борясь с желанием коснуться его руками, языком. — Причем тут поцелуй? Черт тебя дери, Табер.

Ее кулаки сжались. Рони заставила себя отступить, заставила себя справиться с полыхающим внутри голодом.

— Поцелуй позволил специальному веществу проникнуть из моего тела в твое. — Рони отступала, а Табер ее преследовал. — Гормон выделяется только тогда, когда я касаюсь своей пары. Когда я касаюсь тебя. Это позволило мне тебя пометить, оставить физическое доказательство моего права на обладание тобой. Но укуса не было достаточно, чтобы твое возбуждение достигло пика. Мой поцелуй сделал так, что теперь ты не сможешь отказаться от того, что требует от тебя природа.

Его голос был грубым, глубоким, почти вибрирующим. Рони уперлась спиной в стену, в ее голосе зазвенел страх, зазвучала ярость.

— Боже мой. Так ты знал. — Она почти шептала. Она на самом деле испугалась, на самом деле была в ужасе. — Когда ты меня поцеловал, ты знал, что делаешь со мной. Ты знал, что может случиться.

Его руки уперлись в стену по бокам от нее, выражение лица стало диким, почти животным. Он зарычал, и в звуке этого рычания было предупреждение. Рони отпрянула, ее глаза расширились, внутри все сжалось.

— На этот раз ты мне не откажешь, Рони, — его голос звенел от силы, от решимости. — Теперь ты от меня не уйдешь.

Она могла бы попробовать, сказала она себе. Она могла бы врезать ему по яйцам, она могла бы сбежать, она могла бы... и тут его язык ворвался в ее рот, а губы накрыли ее губы.

И в тот же момент ее тело запело от облегчения, и гнев сменился в нем ошеломляющим удовольствием.

Темный сладкий мед снова заполнил ее. Она ахнула под натиском, обхватила Табера за талию и притянула к себе, впилая ногтями в кожу. Казалось, каждая клеточка тела Рони впитывает его жар. Она застонала. Их языки танцевали свой жаркий танец, а внутренний голос бился в агонии.

Опасность. Искушение.

Беги!

Табер касался ее только губами, только языком, и они были требовательны, как никогда. Сильные зубы чуть прикусили ее губу, и тут же нежное касание его языка смягчило укус. Он требовательно вонзился в ее рот, и Рони обхватила его губами, посасывая в отчаянном желании снова ощутить тот незабываемый вкус.

Табер зарычал. Кошка внутри сходила с ума от похоти. Рони сосала его язык, облизывала его, стонала, наслаждаясь медовым вкусом. Его руки обхватили ее голову, и Табер прильнул к ней горячим чувственным поцелуем, почти лишившим ее разума.

Она чувствовала, как становится все жарче, как страсть разгорается все ярче. Ее груди заныли, соски набухли — тело молило о прикосновении.

— Боже, ты такая вкусная. — Его хриплый голос заставил ее задрожать от удовольствия. Табер отстранился, его глаза сузились, во взгляде было напряжение. — Думаю, ты вкусная и в других местах.

Его колено скользнуло между ее ног, прижимаясь прямо к самой чувствительной точке

между бедер.

— Не делай этого со мной, Табер, - отчаянно прошептала Рони.

Ее руки судорожно сжались на его талии – слишком тонка была грань, отделяющая пронзившее ее наслаждение от боли.

Его твердое бедро прижалось к ее входу. Боже, наверняка он чувствует, как сильно она намокла. Она хотела отстраниться... она хотела прижаться еще сильнее. Тело разрывалось от желания, и это сводило ее с ума.

— Не делать чего? – рыкнул он. – Я уже сделал тебя своей, Рони. И этого не изменить. И я ни капли об этом не жалею.

Он коснулся губами ее уха, язык легким движением стал ласкать раковину. Рони задохнулась.

— Я не могу, - застонала она, но тело предавало ее, оно хотело прикосновений Табера, хотело ощутить его жар и его твердый член у себя внутри.

Она откинула голову, когда губы Табера спустились вниз, к шее. Он расстегнул пуговицы ее блузки, одну за другой, и воздух вокруг них сгустился от жара.

— Тише, детка, - его губы пробежались по ее ключице. – Все будет хорошо, я обещаю.

Он спустил блузку с ее плеч, потом аккуратно высвободил из рукавов ее руки. Блузка упала на пол. Рони никогда еще не ощущала ничего подобного – теплые мозолистые руки Табера скользили по коже, освобождая ее от одежды.

— Прекрасно, - прошептал он, не отрывая глаз от ее груди. – Такие полные, такие тяжелые. Я хочу взять в рот один из этих торчащих сосков.

Рони пискнула при этих словах. Она стояла напротив него, ее соски буквально прожигали ткань лифчика.

Табер поднял голову, его взгляд скользнул по изгибам ее плеч, шеи. Ей хотелось закрыть глаза – слишком сильно возбуждал этот взгляд. Но одновременно Рони не хотела упустить ни секунды этого разглядывания, хотела почувствовать свою власть над ним, ведь именно она была причиной его всепоглощающей страсти.

— Мне страшно, - Рони трясло от неконтролируемого возбуждения. Это было слишком, это было неестественно. Она всегда его хотела, всегда желала его прикосновений и поцелуев, но не так. Не так бешено и жадно, почти теряя разум. – Табер, прекрати это. Прекрати это прямо сейчас, блин!

Ее вагина сжалась при этих словах с такой силой, что Рони задохнулась. Она ахнула, почти всхлипнула, когда губы Табера коснулись кожи над лифчиком.

— Все будет хорошо, Рони, - пообещал он. Его голос был грубым, хриплым, и она задрожала от удовольствия, когда его пальцы расстегнули застёжку. – Как только я уложу тебя в кровать и устроюсь меж этих прекрасных бедер, все станет намного лучше.

Глава 8

Рони слышала шепот Табера и не понимала смысла его слов. Все станет лучше? Как только он сделает что?

Она уперлась руками в его плечи, игнорируя пульсацию между ног и влагу, проступившую в сжимающейся от вожделения вагине.

— Я так не думаю, - она содрогнулась от желания. — Табер, погоди. Нам надо поговорить.

Черт, все было совсем плохо. Тело постепенно отбирало контроль у разума, Рони понимала, что еще немного, и она просто потеряет контроль над ситуацией.

Его язык коснулся ее груди. Боже, это было совсем не так мягко, как она себе представляла. Язык Табера был настойчивым, горячим. Каково же будет, когда он коснется ее сосков?

— Ты такая вкусная, Рони. — его плечи напряглись, когда он наклонился ниже, спускаясь поцелуями вдоль края чашечки, все еще прикрывающей полную грудь. — Такая горячая и сладкая.

Руки Табера оторвались от стены и обхватили Рони за талию, прижав ее к твердокаменной выпуклости между бедер.

— Табер. — Она должна заставить его остановиться. Должна же?

Она отстранилась, упершись руками в его плечи, откинула голову в попытке хоть как-то справиться с охватившей ее слабостью и желанием, снова заставившим кровь вскипеть.

— Рони, не думаю, что смогу остановиться, — прошептал он, касаясь губами ее кожи в опасной близости от набухших сосков.

Она почувствовала его дыхание, и каждая клеточка тела затрепетала в ожидании прикосновения. Рони хотелось, чтобы он впился зубами в ткань лифчика и сорвал его с нее.

— Табер... я не могу... О Боже! — Рони изогнулась дугой, когда язык Табера прошелся по окаменевшему от возбуждения соску. Электрический разряд ударил ее прямо в клитор, заставив потерять дар речи и лишиться дыхания.

Сказать «нет» она не в силах, как-то отстраненно констатировала Рони. Но это не значит, что он не заплатит, когда все закончится.

Его рот накрыл ее сосок. Табер принялся посасывать чувствительную вершинку, его язык сводил ее с ума, заставлял извиваться в его объятьях. Давление на клитор было почти разрушающим, Рони тонула в желании, в отчаянии.

Она как в полусне позволила Таберу снять с себя джинсы, позволила его рукам накрыть полушария ее ягодиц. Сжав их пальцами, Табер потянул ее к себе.

— Не могу больше ждать. Нам пора переместиться в кровать, - прорычал он напротив ее груди. — Сейчас. Давай, Рони.

Он одной рукой снял с нее трусики, другой расстегнул джинсы, выпуская из плена напряженный возбужденный член.

Он даже не позволил ей снять туфли. Не позволил ей сказать «нет». Прежде чем Рони справилась с шоком, он помог ей опуститься на кровать, а сам устроился рядом.

— Табер, - шокированная, почти парализованная похотью, Рони могла только всхлипывать, пока он помогал ей встать на колени спиной к нему.

Он удерживал ее: плечи на кровати, бедра разведены. Она была открыта для него, она позволяла ему делать все, что он хочет. Он горел от желания сделать ее своей. Рони едва понимала, что происходит. Табер прижался своей эрекцией к ее клитору, скользнул выше, пока не нашел вход. Удерживая Рони за бедра и шепча ее имя, он с силой вонзился в ее девственное лоно.

Рони закричала от боли/наслаждения, когда он жестко овладел ею. Табер замер, чертыхаясь, но потом задвигался снова. Она плакала под ним, напуганная болью, словно

разорвавшей ее внутри, силой, с которой он двигался в ней, чувствами, зарождавшимися в глубине.

Она почувствовала, как растягивает ее его член, как ее вагина одновременно сопротивляется и приветствует этот натиск. Рони текла, она была перевозбуждена. В ушах стоял хлюпающий звук их соития. Ее соки покрывали ее бедра, ее киску. Резкая боль отступила, сменяясь возбуждением, и она застонала – протестуя и одновременно требуя большего.

Мир Рони сосредоточился на глубоких сильных движениях Табера в ее тугой киске. Сходное с агонией наслаждение заставило искрить кончики нервных окончаний, лишило ее способности дышать... и поглотило.

Чувствовать Табера, одной рукой удерживающего ее плечо, а другой — обхватившего бедро, ощущать внутри себя его резкие мощные движения – это было слишком для Рони. Она не могла двигаться, она могла только чувствовать... и то, что она чувствовала, убивало ее.

Одеяло царапало колени и нежную кожу ее груди, но эти ощущения потонули в других. Молнии одна за другой пронзали Рони, ударяли в клитор, пробегали по телу, вознося ее выше и одновременно разрушая.

Табер мощным движением послал ее ввысь по волнам наслаждения, его член толкался в ней, наполнял ее, доводил до иступления. Все жарче. Все сильнее.

— Нет! – она попыталась закричать, когда внутри все сжалось, стало пульсировать, трепетать.

Это могло убить ее. Чем бы ни было это ощущение, яростно накатившее на нее волной, оно могло убить ее.

Но в легких не осталось воздуха, чтобы закричать, чтобы заплакать. Глаза Рони расширились, зрение затуманилось. Лоно ее сжалось вокруг его члена, и она почувствовала, как что-то изменилось. Маленькая шишечка на головке его члена надулась и стала тереться о стенку ее влагалища – лаская, вибрируя, до тех пор, пока она не взорвалась.

— Боже! Рони! Детка... - Глубоко в ней горячие струи семени вырвались на свободу, и она затряслась.

Еще взрыв – и Рони упала на одеяло, не в силах сделать даже вдох.

Что это было? Она снова задрожала, когда Табер прижался к ней, сладкий трепет охватил ее с головы до ног. Но ведь... Нет.

Мысль была отброшена прочь, забыта. Рони не могла сравнить Табера с животным. Ученые говорили, что это не так. Они были кошками, но оставались людьми.

Но оставались ли?

Но она уже не могла думать.

Следующий взрыв заставил ее тело затрястись как в лихорадке. Рони закричала – это все, что она смогла сделать. Она просто позволила Таберу упасть на нее сверху. Его дыхание было прерывистым, тело – как и ее тело – покрывал пот.

— Рони, - в голосе Табера было страдание, боль. Он пытался вдохнуть.

— Что ты наделал, Табер? – прошептала она, балансируя на краю сознания. Вокруг сгущалась тьма. — Что ты наделал...

Глава 9

– Все будет в порядке, – сидя рядом с бессознательным телом Рони, доктор Мартин лениво похлопал по постели. Он, наконец, закончил осмотр. На столике рядом с кроватью стояли флаконы с образцами. – Помни, она только вторая из известных пар, и ее тело было под напряжением больше года. Физически это может оказаться для нее намного тяжелее, чем для Меринас. Я проведу тесты и посмотрю, что и как, когда она проснется.

Табер, сидящий с другой стороны кровати, не отрывал от Рони взгляда. Раскаяние жгло его огнем. Что он сделал с ней? Впервые со времени детства животная часть его личности контролировала человека. В тот момент, когда контроль был важнее всего, он забыл, что он – человек.

– Она спит или без сознания? – Табер едва заметно поморщился от боли, прозвучавшей в голосе.

Доктор одарил его обеспокоенным взглядом.

– Она просто спит, Табер. За этот день Рони многое перенесла. Дай ее телу отдохнуть. Дай ей собраться с мыслями. Иногда это может спасти душу. – В глазах ученого сверкнула решимость, и Табер не стал спорить. – Приведи ее в лабораторию сразу же, как проснется. Мы проведем еще несколько тестов, убедимся, что они совпадают с показаниями Меринас, и тогда останется просто ждать.

Ждать и надеяться, что она забеременеет.

Табер сжал кулаки в почти убийственной ярости. С того момента, как он увидел по телевизору нападение на Рони, его единственной мыслью было сделать ее своей. Отметить ее. Уверяя себя, что кто-то другой может захотеть ее себе.

Он устало запустил пальцы в волосы, глядя на нее сверху вниз.

Рони была бледна. Темные круги под глазами, веснушки выступили на лице. Она выглядела такой невинной... черт, она *была* невинной. Чертова девственница, и он взял ее, как животное.

Табер отошел к окну, откинул темные шторы, оглядывая территорию поместья. Он забрал Рони из дома, привез в вооруженный лагерь и трахнул, не удосужившись даже объяснить ей, что происходит в ее теле после поцелуя.

Он-то знал, что делал. Знал, что произойдет. Но он не смог бы это остановить. Он защищал ее с самого детства, и ей была нужна его сила. А потом он просто все испортил. Позволил животному обрести контроль над собой, и теперь Рони должна страдать.

– Табер, мне нужны и твои образцы, – сказал мягко доктор. – Как можно скорее, если ты не против.

Табер отошел от окна, позволяя шторам вернуться обратно на место.

– Когда она проснется, – сказал он негромко. – Я приду.

– Сейчас, Табер. У нас может не быть времени, когда она проснется. – Меринас шагнула вперед, голос ее был тверд. – Вы идите. Я посижу здесь с Рони. Кроме того, ей понадобится кто-то поспокойнее, чем ты, когда она проснется.

Табер хотел возразить, но он понимал, что она права. Рони не нужно видеться с ним сразу после пробуждения. Черт, он был в ужасе. Боялся увидеть на ее лице ненависть и отвращение. Как ему удастся убедить ее в своих чувствах, если он овладел ею, как настоящее животное?

Покинув комнату, Табер ощутил присутствие Кэллана, почувствовал растерянность своего лидера и устало вздохнул.

– Давай, убей меня, – пробормотал он, несколько минут спустя, когда они вошли в лабораторию на цокольном этаже особняка.

– Какой смысл? – спросил Кэллан, веселье окрасило его глубокий голос. – Я застрелю тебя, и Рони лишится пары. Думаешь, она скажет мне за это спасибо?

По указанию врача Табер снял с себя рубашку. Он знал, что от него требуется. Образцы крови, слюны, спермы и пота. Список был длинный, и сама мысль о нем вызвала в его теле дрожь отвращения.

– Она сама меня прихлопнет, когда снова увидит, – он хмыкнул, злость нарастала внутри с каждой секундой. – Я взял ее, как животное, Кэллан. Черт, я просто накачал ее гормонами, а потом изнасиловал. Как животное.

– Стоп, Табер. – Кэллан покачал головой, скрестив руки на груди, его золотисто-карие глаза сузились. – Это было не изнасилование. Я почувствовал ее жар, когда ты привел ее в дом. И мы оба знали, что гормон не подействует, если она не твоя пара.

– Она сказала «нет». – Он покачал головой, не в силах больше смотреть лидеру в глаза. – Она сказала «нет», Кэллан, а я проигнорировал ее.

Табер протянул руку врачу, держащему иглу, избегая взгляда Кэллана. Сукин сын. Вовсе не так он представлял себе первый раз с Рони. Он хотел — нет, было *нужно* касаться ее с нежностью, помочь ей справиться с жаром.

– Результаты показывают, что течка взаимна, Табер. – Доктор Мартин опустил иглу и сделал короткий укол. – Подождем и посмотрим, как она будет себя чувствовать, когда проснется. Когда реальность вернется, все может измениться. Неважно, Порода ты или нет.

– Она не может уехать от нас, Табер. Ты же знаешь. – Сказал Кэллан негромко. – Кроме того, у нас есть другие проблемы. С той минуты, как эта история попала в эфир, Совет и правительственные войска начали действовать. Ее дом сожгли, и я думаю, что солдаты получили приказ захватить Рони до зачатия. Она в большей опасности, чем когда-то была Меринас.

Совет. Вместо того чтобы договориться с Вашингтоном и пытаться играть честно, эти ублюдки забираются в дома. Он бы с удовольствием перерезал им глотки. Они не заслуживают милосердия.

Последние три месяца, начиная с момента обнаружения Пород, Совет вел против них тихую смертельную войну. Правительство обещало принять меры, но оказалось бессильно. А вот Совет действовал решительно.

Только в прошлом месяце были убиты четверо из Пород. Последняя, молодая женщина, вернулась к ним буквально по частям. И теперь Рони будет в еще большей опасности. Она нужна им, чтобы понять процесс спаривания, новости о котором просочились в СМИ. Она нужна, чтобы выяснить, как управлять ими, как можно уничтожить создания, которые больше им не подчиняются. Табер сказал себе, что любой, кто до нее дотронется, умрет.

Его губы скривились в оскале.

– Пусть попробуют, Кэллан. Я больше не собираюсь давать им поблажки.

Много лет они старались быть милосердными. Они предпочитали бегство убийству, и убивали только тогда, когда не было другого выхода. Развлекались, прогоняя солдат прочь. Но если хоть один из них дотронется до Рони, поклялся Табер, его придется собирать по частям.

– Никаких поблажек, Табер, – заверил его Кэллан. – Но это беспокоит меня. Совет вроде бы затих, но после получения информации о второй паре они вдруг проснулись. Мне кажется, они что-то задумали.

Табер крикнул. Они ждали чего-то такого вот уже три месяца, зная, что рано или поздно все равно придется встретиться лицом к лицу с монстрами из прошлого. И отступить не было смысла.

– Чего они хотят? – Табер покачал головой. – Никто не пытался угрожать Меринас, когда о ней узнали. Почему сейчас?

– Потому что у Кейна в штате до фига агентов, но Совет сделает все, чтобы заполучить его маленькую сестренку. – Кэллан крикнул. – Семейство Тайлер ее сейчас защитит. Я не знаю, смогут ли они защитить и Рони, если окажется, что и за ней Совет будет охотиться.

Слишком рано говорить. На данный момент у нас есть только вопросы и предположения. Мне нужно больше информации, чтобы говорить с уверенностью.

– Может быть, им нужны гормоны, которые самка производит во время лихорадки, – сказал доктор, засовывая тампон между зубов Табера.

Табер хмуро посмотрел на него, и низкий рык завибрировал в его груди.

– Прекрати рычать. – Доктор нахмурился. – Помни, кто тебя обрезал. Я ведь могу и кастрировать.

– Тебе придется сначала добраться до меня, – Табер зарычал, когда доктор, усмехнувшись, взял у него образец слюны и отошел прочь. – Он настоящий говнюк.

Кэллан покачал головой, бросив на Табера веселый взгляд.

– Вы слишком нетерпеливы, молодежь, – ворчал доктор, разбирая ампулы и пробирки на другом столе. – Теперь сделай «пи-пи» в баночку для дяди доктора и собери в другую баночку своих солдатиков, а потом можешь идти играть.

Табер скривился, сверля его убийственным взглядом.

– Вы к старости становитесь совсем странным, доктор, – ворча, он взял из рук врача два небольших пластиковых контейнера и потопал обратно в ванную в конце лаборатории. – Надеюсь, ты хотя бы не выбросил мои порно-журналы. Мужчины нужно больше, чем твое кудахтанье, чтобы заставить солдатиков двигаться.

Глава 10

Он не нуждался в журналах, и ему не мешала болтовня доктора. Либи́до Табера бушевало, и все, что потребовалось – вспомнить Рони, ощущение ее сладкого тепла и сокращений ее пульсирующей киски, и солдатики, как по команде, прыгнули в контейнер.

Он заглянул в лабораторию спустя короткое время, поставил закрытые крышками контейнеры на стол и вернулся к Кэллану.

– Что еще мне придется сделать? – он хмыкнул. – Сначала я насилую свою пару, а потом мастурбирую в лаборатории Франкенштейна. Неужели веселье еще не закончилось?

Кэллан усмехнулся. Доктор Мартин только крикнул, полностью погрузившись в то, что говорил ему микроскоп.

– Ладно тебе. У меня есть отчеты в офисе наверху. Судя по всему, кое-что у нас уже получается, но до окончания разборок еще далеко. Наши информаторы нервничают, вокруг вращаются большие деньги. Кейн и его люди работают сверхурочно, они явно что-то придумали, но нам нужно еще несколько дней, чтобы понять, что, черт возьми, происходит.

Происходит их жизнь. Табер поморщился. Последние три месяца тянулись, как годы. Прогресс, которого они добились, частично себя раскрыв, был сведен на нет мудаками из Совета Генетики. Еще более тревожными были заявления так называемых «борцов за чистоту крови». Породы не могут считаться людьми, говорили их лидеры. ДНК животных лишает их прав, которыми обладает чистокровный человек. Число этих фанатиков ежедневно росло.

– Периметр установлен, подключен и готов к записи, – сказал Табер, быстро идя рядом с Кэлланом по лестнице на второй этаж. – Животные были выпущены на прошлой неделе, и все работает замечательно. Нужно убедиться, что Мери́нас в безопасности, по крайней мере до тех пор, пока Кэ́бал не докажет нам, что его связь с животными работает на отлично.

Кэ́бал был загадкой и часто их беспокоил. Он был единственным из Пород, кто мог поддерживать естественную связь с кошачьими. Бенгальский тигр, лев и две пумы теперь охраняли лес. Все женщины. Все под контролем Кэ́бала Сент-Лоренса.

– Пока они смирные, как котята, – заметил Кэллан, когда они вошли в кабинет.

– Но надо держать ушки на макушке. Кейн и Грэй переезжают в дом сегодня вечером, чтобы обеспечить дополнительную защиту для Мери́нас, и нашим людям стоит пока оставаться в периметре. Хотя бы пока мы не поймем, что происходит.

– Зачем им пара до зачатия? – Табер нахмурился и взял со стола доклад, снова начиная его читать. – Наверняка что-то ищут.

– Я, как и доктор, думаю, что это как-то связано с гормонами, которые генетически их отмечают, – ответил Кэллан. – Они продуцируют феромон, который отталкивает других мужчин, включая тех, кто не принадлежит Породам. Плюс свойства афродизиака, и я держу пари, что эти ублюдки уже засучили рукава.

– Слышно что-нибудь от волков? – спросил Табер, не отрываясь от документов.

Малочисленные группы Волков вышли на контакт два месяца назад. Ранее считалось, что они погибли в лаборатории во время попытки бегства, хотя Табер с самого начала подозревал иное. Кошки сразу же стали искать возможности для союза, а найдя их, убедились, что все пойдет, как положено.

– Их связной, Фейт, готов встретиться. Они осторожны, даже больше, чем мы были вначале. Они работали с посланцем Президента в резиденции Пород, так что я уверен, что все пойдет, как надо. Но не забываем о гребаном Совете Генетики. Радоваться рано.

Табер выругался про себя. Совет быстро учился. Они меняли коды и пароли так часто, как только могли, приводя Кейна в ярость.

Солдаты постоянно шныряли вокруг. Некоторые из них были приманками, но другие постоянно подбрасывали угля в костер непонимания между Породами и пока еще защищающим их правительством.

– Мы не можем постоянно находиться в полной готовности, – вздохнул Табер, качая головой. – Люди расслабляются, когда ничего не происходит.

– Однако мы не можем дать им шанс напасть на нас, – Кэллан вздохнул. – Кейн должен быть здесь сегодня вечером. Мы решим, как лучше поступить, и начнем работу. Но судя по сообщениям, нашей главной заботой является Рони. Вопрос только в том, насколько опасна она сама?

Голос Кэллана стал жестче, как он задал этот вопрос.

Табер положил бумаги обратно на стол и повернулся к лидеру лицом. Он знал, что имел в виду Кэллан. Учитывая незаконное прошлое и настоящее ее отца, вопрос лояльности к дочери имел смысл. По крайней мере, многие бы им задались. Но если и была одна вещь, которую Табер точно знал о Рони, так это то, что она была не похожа на отца.

– Не больше, чем могла бы быть Меринас. – Вопросы о том, верить Рони или нет, просто не было. Единственное, что заботило Табера – ее чувства к нему. – Ты знаешь ее так же долго, как я, Кэллан. Она никогда бы не предала друга или чье-то доверие. Но она напугана, и, скорее всего, будет ненавидеть меня, когда проснется. Я не думаю, что она будет представлять опасность для кого-то, кроме меня.

Кэллан кивнул.

– Ну, так я и думал. Но все равно, нам нужно быть уверенными. Что бы ты ни собирался с ней сделать, реши эту проблему. Поверь мне, разгневанная пара – последнее, что тебе нужно.

Выражение его лица было насмешливым. Табер не сдержал смеха. Он точно знал, как доставалось Кэллану, когда его вздорная женушка приходила в ярость. Своими словами она могла кастрировать мужчину на расстоянии двадцати шагов, и если это оказывалось неэффективным, Меринас просто запиралась в одной из свободных спален и сидела там, пока ее гнев не проходил.

– Мне придется рассказать ей о доме, – вздохнул он.

Ее дом разрушен. Табер знал, что теперь у Рони не осталось ничего на память о детстве и прошлом. Все это ушло, уничтожено в ходе жестокой, беспощадной войны против женщины, обвиненной Советом в преступлении, которого она не совершала. Но у нее была пара из числа Пород. То, что причинит боль ей, заставит страдать и их.

– Ты заботаешься о Рони, я забочусь об остальном. – Кэллан устало провел рукой по волосам. – Мы должны начать строить дополнительное крыло. Если мы этого не сделаем, этот дом скоро наполнится топотом маленьких ножек.

Он не был расстроен этим, просто обеспокоен.

– Дети будут находиться даже в большей опасности, чем мы, Кэллан, – сказал Табер негромко. – Доктор должен выяснить, как управлять этим, прежде чем все выйдет из-под контроля.

– У Меринас после зачатия лихорадка прекратилась. – Кэллан покачал головой. – Мои гормоны постоянно в нее попадают, но лихорадки больше нет. – Он говорил почти недоверчиво. – Но в ней все еще есть мое ДНК.

Они не совсем понимали, почему так случилось, но в Меринас доктор нашел следы ДНК Кэллана. Оно не изменило ее тело, не изменило ее генетический профиль. Но проявилось в крови, слюне, даже в поту, сделав их по составу похожими на жидкости Кэллана.

Он должен держаться подальше от Рони, подумал устало Табер, видя тень в глазах Кэллана. Они постоянно думают о том, что однажды Совет может схватить Меринас и заполучить ее и ее еще не родившегося ребенка для своих целей. Кэллан почти не спал из-за тревоги, постоянно – каждый проклятый час – проверяя безопасность дома.

– Я не могу позволить ей уйти, – прошептал Табер. Он хотел бы, чтобы было иначе.

— Я знаю. — Кэллан устало провел руками по лицу. — Я знаю, что ты чувствуешь.

Глава 11

Рони очнулась, обливаясь потом, чувствуя раздражение и слабость.

Ее грудь опухла, соски пульсировали. Между бедер стало влажно от воспоминаний о жестком члене Табера, раз за разом входящем в ее узкую вагину.

В этом совсем не было романтики. Не было мерцания свечей, не было Табера, стоящего на коленях и вымаливающего прощение. Вместо этого – ослепляющий жар, неописуемое отчаяние и напряжение между ними, справиться с которым обоим было не под силу. Накативший оргазм развеял все представления Рони о том, каким должен был экстаз. Ну, попадись ей Табер сейчас!

Но сначала надо было его найти. Она оглядела комнату. Наконец, наступила ночь. В номере стало темнее, чем раньше, комната была освещена лишь мягким светом лампы возле кровати. Тяжелое темное дерево мебели придавало комнате солидный вид. Тяжелый, лаконичный интерьер – как и сам Табер.

На дальней стене комнаты на видном месте висела большая фотография — Табер перед гаражом, которым владел в Сэнди Хук. Несколько трофеев, очевидно, выигранных в конкурсах, были выставлены на тумбочке. Табер не был известной личностью, но его хорошо знали. Знали и доверяли.

Рони решила осмотреться, чтобы отвлечься от новой волны возбуждения внутри.

Табер сказал, что она была в лихорадке. Что она не смогла бы ему отказать. Не могла бы отказать от его прикосновения. Да тут речь шла не об отказе; он вел себя как зверь, разорвал ее лоно, вопил в экстазе, пришедшем сразу за ее оргазмом.

Рони слабо застонала, повернувшись на бок — ее удивили жесткие спазмы в нижней части живота. Ее влагалище пульсировало и сжималось при каждом спазме. И с каждым спазмом рос ее гнев. Тайбер сделал это с ней. Там, где раньше возбуждение и потребность в нем были только неприятным ощущением, теперь началась агония.

— Боже, такое могло случиться только со мной, - прошептала она в тишине комнаты, уставившись перед собой.

— Не совсем, — проговорил у нее за спиной сочувствующий женский голос.

Рони подскочила в постели, прижимая одеяло к груди, ее глаза расширились.

Она помнила встречу с Мериной накануне, хотя очень смутно. Ее разум был поглощен лихорадкой, мучившим ее желанием

И Табером. Свирепым, беспощадным, решившим присвоить ее себе, хотя сам же бросил несколько месяцев назад.

Женщина смотрела на нее глубокими карими глазами, наполненными состраданием. Она была стройная, примерно того же роста, что и Рони, с длинными светло-русыми волосами и ласковым взглядом. Выражение ее лица было спокойным, сочувствующим, и к горлу Рони подступил комок.

У нее никогда по-настоящему не было друзей, в том числе и из-за отца, и лицо этой женщины заставило ее с болью понять, чего она лишалась все эти годы.

Мерина, несмотря на шикарное поместье, которым она владела, не вела себя как «хозяйка дома». Она была одета в потертые джинсы, свободную кремовую хлопчатобумажную рубашку и кроссовки. Она казалась деревенской девчонкой, а не хозяйкой целой усадьбы.

— Где Табер? — Рони оглядела комнату, чтобы еще раз убедиться в его отсутствии.

— Он с Кэлланом. Начальник охраны здесь, в поместье, и некоторые новые меры безопасности требуют его внимания.

Мерина встала со стула и подошла к постели.

— У меня есть одежда, которая тебе подойдет. Я положила ее в ванной, чтобы ты могла, если захочешь, умыться и одеться. Я предлагаю принять ванну. Это поможет на короткое время облегчить последствия спаривания.

Рони почувствовала, как краска заливает ее лицо при словах Меринас о безумном желании, заставившем ее прыгнуть в постель Табера. Она могла бы справиться с вожделением сама, но это было просто глупо.

— На короткое время? - спросила она яростно, нахмутив брови. — Нет.

Она покачала головой.

— Что может это остановить? Насовсем.

Она не хотела ничего другого. Она не хотела снова чувствовать этот жар. Ее кожа была раздраженной, чувствительной, грудь опухла, клитор пульсировал. Она не могла справиться с этим. Это было хуже, чем раньше, хуже, чем она могла себе представить.

Интересно, а Табер страдает? Наверняка нет. Хотя он этого заслуживал.

Меринас вздохнула.

— Это пройдет, Рони, но не сразу. Прими ванну, а я пока позвоню вниз и попрошу ужин. Мы поговорим, когда ты закончишь.

Она повернулась, чтобы покинуть комнату, оставляя Рони думать над кучей вопросов, на которые не было ответа.

— Подожди. — Рони обернула одеяло вокруг себя и соскользнула с высокой кровати.

Черт побери, неужели Табер думает, что все вокруг такие же высокие, как он?

— Скажи мне, как остановить это.

Выражение лица Меринас, когда она обернулась, было мрачным.

— Ты не можешь сейчас это остановить. Все должно идти своим путем. Теперь идем купаться. У нас мало времени. Я знаю, что у тебя есть вопросы, и на некоторые из них я могу ответить. Но лучше сделать это после.

Рони испустила тяжелый вздох, глядя на непримиримое выражение лица женщины.

Меринас выглядела более чем решительно, и у Рони появилось чувство, что она привыкла получать желаемое.

— Вообще-то, мне больно, - процедила она, отворачиваясь от Меринас. — Если бы я захотела помыться, я бы спросила сама.

Но она все же протопала в ванную, решив покончить с этим и получить ответы как можно скорее.

Меринас, однако, оказалась права. Ванна смогла облегчить жар и боль, которые уже начали мучить ее. Конечно, Рони сначала набрала холодную ванну. Дрожа в прохладной воде, она постепенно добавляла горячую, пока не стало хорошо.

Ванная была просто великолепна. Итальянские мраморные полы, фарфоровая раковина, тумбочка вишневого дерева. В центре комнаты стояла ванна, достаточно большая, чтобы вместить трех взрослых людей. В дальнем углу была душевая кабина.

У стены напротив двери стояло обитое голубой тканью кресло, а рядом с ним – антикварный стол тоже из вишневого дерева. Во встроенных в стену шкафах стояли разные декоративные безделушки. Комната была роскошной и уютной одновременно. И отличалась от всего, что Рони видела раньше.

Наконец, когда она перестала чувствовать себя так, словно ее только что поимели, Рони вышла из ванной, высушила волосы и торопливо оделась в длинный халат, поданный Меринас. Белья не было, но она не хотела даже думать о том, чтобы дотронуться до своих гениталий.

Принесли ужин. Он ждал ее в гостиной, на маленьком столике возле раздвижной балконной двери. Это была легкая закуска, но Меринас отошла, только убедившись, что она доела все, что принесли.

— Ладно, теперь ответы, – напомнила ей Рони, когда Меринас снова уселась в кресло. — Что он сделал со мной и как мне избавиться от этого?

И лучше бы ответы были даны быстро. В животе Рони снова начались спазмы, и это уже начинало сводить ее с ума.

– Зачатие. – Рони замерла, услышав это слово. – Это единственное, что успокаивает лихорадку. Но ты даже тогда не сможешь освободиться от влечения к Таберу. Природа намного умнее, чем мы думали. Ты и Табер никогда не сможете расстаться. Ты всегда будешь его частью, из-за ребенка, которого вы сделаете... и из-за гормона, который навсегда останется в твоём теле. Ты его пара. Навсегда.

Рони целую минуту молча на нее смотрела. Если бы Меринас не была такой серьезной, Рони бы рассмеялась ей в лицо. К сожалению, в этой кошмарной ситуации ей было далеко не до смеха.

– Черт возьми. – Рони вскочила на ноги, не обратив внимания на то, что кресло позади нее перевернулось и упало.

Все было плохо. Она смотрела на спокойное выражение лица Меринас, и паника внутри нее росла, в то время как взгляд Меринас становился все печальнее.

– Рони, ты должна понимать...

– Нет, это вы должны понять, – парировала она яростно, запустив пальцы в волосы. – Я не просила об этом. Я не просила его оставить эту дурацкую метку, и я уж точно не просила его целовать меня. Я не согласна!

Ребенка? Она должна была забеременеть? Родить дитя для мира, который превратит его в товар и предмет криминальных сделок. Родить ребенка, которого заберут у нее и сделают одним из монстров.

Ужас нахлынул на Рони, она инстинктивно обхватила руками живот. Она не могла так поступить. Боже помоги ей, она просто такого не переживет.

– Рони, отрицание не поможет. – Меринас медленно приблизилась. – Я была на твоём месте. Я знаю, как ты запуталась и как злишься. Но и они о таком не просили. Никогда. Ты и Табер решите все сами.

Рони уставилась на нее немигающим взглядом. Она чувствовала, как растёт внутри нее истерика, но боролась с ней, пытаясь принять то, что сознание отказывалось пока осознать.

– Что с ним решать? – зло рявкнула она. – Как лучше раздвинуть ноги, чтобы он мог довести меня до обморока и снова уйти? Ну да, давай поговорим об этом. У него не безупречное прошлое, Меринас, и я не собираюсь сама разбираться с его последствиями. И уж точно не с ребенком, чье существование будет в опасности с момента самого зачатия.

Меринас нахмурилась.

– Табер никогда не покинет тебя, Рони.

Рони рассмеялась. Ничего не смогла поделать с собой. Меринас выглядела такой искренней, такой уверенной в честности Табера, что она не сумела удержаться.

– Тогда скажи мне, Меринас, зачем он оставил на мне этот знак? И где его черти носили последний год или около того?

– Табер не знал о метке...

– Так проще, правда – отметить, кого захочется, и потом, как мартовский кот, просто побежать за следующей кошкой.

Рони сжала кулаки, как ее ярость едва не сломила ее.

– Рони, ты должна понять... – Меринас попробовала еще раз.

– Нет уж. – Рука Рони полоснула по воздуху. – Я не собираюсь это понимать. Черт, Меринас. Это моя жизнь. Ребенок будет моим. Я не позволю ему сделать это со мной. И я чертовски уверена, что не позволю ему сделать меня беременной, а затем вдруг решить, что ему снова нужна другая женщина.

Мысль о прикосновении другой женщины к Таберу заставила ее сердце заныть от боли.

– Рони, Табер не сделал бы этого, – возразила Меринас. – Вы будете под защитой, и ты, и, тем более, ребенок

Рони недоверчиво фыркнула.

– Кэлан, может, и настоящий мужчина, но я знаю о делах Табера не понаслышке, Меринас. Нет, спасибо. Никаких детей. Никакого Табера. Где я и как мне попасть домой?

– Какой дом? – раздался с порога голос Табера, полный ярости и гнева. – Твой дом сожгли дотла еще до того, как мы приземлились, Рони. Похоже, деточка, ты застряла в доме больших кошек.

Глава 12

— Табер! — голос Меринас звучал, казалось, издали, но шок в нем был слышен отчетливо. — Это было нетактично.

Рони не дала ему времени извиниться. Она направилась к нему, чувствуя, как злость и ярость, смешиваясь с болью, становятся такими оглушительными, что это грозит ей гибелью.

— Разве я просила тебя привозить меня сюда? - закричала она, яростно толкая его широкие, словно каменные плечи. — Посмотри, что ты наделал, Табер. Из-за тебя мое собственное тело предало меня. А сейчас какой-то ублюдок сжег мой дом, потому что меня там нет. Ты позволил им сжечь мой дом.

Она не могла поверить, не могла смириться с мыслью, что никогда больше не увидит своего дома.

Зачатие казалось чем-то нереальным. А вот дом был настоящим. Ее дом — все, что у нее осталось, когда Табер решил, что больше ее не хочет. Что ему нужен кто-то постарше или более опытный, или просто кто-то другой, а не она.

Боль была ошеломляющей. Не только физическая — мучительное возбуждение и спазмы внизу живота разрывали на части — но и душевная. Рони потеряла последнее, что связывало ее с реальностью за пределами поместья.

— Смотри, что ты наделал! — закричала она снова, пытаясь попасть кулаком в его лицо. Ярость кипела в ней, грозя поглотить.

— Боже, Рони... — он притянул ее к себе, обнимая, удерживая, пока она боролась с ним — просто потому, что уже не с чем и не с кем было бороться. — Прости, детка. Мне так жаль.

Тишина заполнила комнату. Рони изо всех сил старалась устоять на ногах. Табер прижал ее к себе, к своей крепкой груди. Но это Рони совсем не утешило.

— Отпусти меня.

Но она больше не хотела бороться.

Одной рукой он прижал ее голову к груди, другая обвилась вокруг ее талии, чтобы смягчить боль, бушующую в ее теле.

— Я только что купила новое кресло, - прошептала она. Она дрожала и боролась с истерикой. Боже, неужели ничего не осталось?

— Рони, прости, - прошептал он в ее волосы. — Я не должен был говорить тебе таким образом, детка. Мне жаль.

Она вздрогнула и отодвинулась, отошла прочь, отчаянно пытаясь погасить боль в душе. У нее не осталось ничего, что можно было бы уничтожить, ничего, что можно было бы отнять. Ничего, кроме ребенка, если только, конечно, она решится на зачатие.

— Хорошо, — резко выдохнула Рони. — Черт.

Она не знала, что сказать, что сделать. Она чувствовала себя раздробленной, ошеломленной этими слишком быстро развивающимися событиями. Ведь у нее даже не было времени передохнуть, понять и осмыслить, что случилось.

Она глубоко вдохнула, засунув пальцы в карманы халата, пытаясь справиться с паникой. Она не смогла бы избавиться от ребенка. Она была уверена, что и остальные в его семье считают, что не смогла бы. Неважно, как сильно она хотела причинить Таберу боль. С ней ведь все нормально.

А это был просто дом. Она собиралась в любом случае уйти оттуда. Этого и стоило ожидать.

Но этот маленький разговор про себя совсем не помог Рони. Она чувствовала в груди что-то наподобие опухоли, и эта опухоль ныла при мысли о доме, который она построила собственными руками.

Своими руками, своим потом и кровью она сделала его пригодным для жизни, сделала его настоящим домом, а не грудой мусора, как раньше.

— Рони, у тебя есть дом здесь и сейчас...

Голос Табера только питал ее ярость. Он был мягкий, полный раскаяния. Как будто ее боль ломала что-то внутри него. Но потеря дома была для Рони ничем по сравнению с агонией, которую она испытала, лишившись Табера год назад.

— Правда? — Она с трудом подавила в себе желание закричать. Отвернувшись, но потом со злостью снова повернулась к нему лицом. — С вами, я полагаю?

— Со мной. — Лицо его ожесточилось при этих словах.

— Бедный Табер. — Она усмехнулась. — Приходится носиться со мной. Не совсем то будущее, которое ты хотел бы иметь со своей парой, да?

Он смотрел на нее, слегка нахмурившись, и в его глазах стоял холод.

— Я никогда не представлял на твоём месте никого другого. — Он, наконец, пожал плечами. Рони растерялась. — Хотя ты, судя по всему, этим точно не довольна.

И почему его так волновало то, что она не рада этому?

Куда делся мужчина, который однажды сказал, что ему нужна другая женщина? Она не понимала его поведения. До тех пор, пока гормон — или что бы там ни было — не сводил ее с ума. Но мысли о том, что это было просто воздействие, разбивала ей сердце.

— «Недовольна» — слишком мягкое выражение. — Рони была уверена, что ее улыбка отдавала холодом.

Жар внизу живота становился невыносимым, однако у нее не было намерения говорить ему об этом. Адреналин насыщал ее организм, и возбуждение все возрастало.

— Где моя одежда? — Рони отвернулась, пытаясь заглушить боль при мысли о доме.

У нее ведь не было сейчас дома, да и Таберу она нужна только до тех пор, пока он не сделает ей ребенка. И что с ней будет тогда?

Ей придется уехать, придется бежать, иначе она никогда не освободится от него.

Табер тяжело вздохнул за ее спиной.

— Я знаю, что ты боишься, Рони.

— Я не боюсь.

Она заставила себя отрешиться от горячей волны, ударившей между бедер. Потом посмотрела на Табера, зная, что в глазах ее горит гнев.

— Я зла. Так что отвали от меня, прежде чем я оторву тебе голову, как и должна была сделать, когда ты поставил на мне свою долбаную метку. Блин, где моя одежда?

Рони снова пошла в спальню, решив игнорировать Табера, который последовал за ней.

Она чувствовала его, а ведь он даже не прикасался к ней.

— Твоя одежда постирана, — сказал он, и его голос был слишком мягким, слишком напряженным. Он приблизился к ней.

— Рони, тебе больно. Так не должно было быть.

Рони остановилась у изножья кровати, отчаянно вцепившись пальцами в спинку. Внутри все болезненно сжалось. Она закрыла глаза, стараясь не поддаваться силе его голоса, не поддаваться силе того, что происходило внутри ее тела. Боже, она была так слаба. Но даже притом, что возбуждение ее было просто невыносимым, она все еще нашла в себе силы для злости. Его голос был мягким, сожалеющим, как в то время, когда они были друзьями. Напоминал ей, как сильно она любила его, и как ей было больно, когда он внезапно исчез из ее жизни.

Даже страх зачатия не снижал уровня возбуждения Рони — а оно росло в ней, как прилив. Как она могла ему отказать? Как могла она бороться с собственным телом, с желанием, с тем, что хотело ее сердце?

— Я в порядке. — Она процедила слова сквозь зубы. — Найди мне какую-нибудь одежду. Я хочу убраться отсюда.

Ах, если бы она могла просто уйти от него. Это не было бы так ужасно, так сильно, и он не сломал бы снова ее жизнь. Если она сможет уйти, может быть, возбуждение снова станет просто неприятным ощущением. Как было раньше.

— Оно не уйдет, Рони. — Его руки тяжело осели на ее плечи, его пальцы поглаживали ее напряженные мышцы, а она боролась с дрожью удовольствия от прикосновений.

Мозолистые подушечки его пальцев скользили по коже, согревая ее плоть, заставляя Рони стонать от удовольствия, пронзившего тело. Все было так нежно: его прикосновение и запах, обволакивающий ее, согревающий ее душу.

— Я не могу это сделать, - прошептала она, борясь со слезами, застывшими в горле. Ей было нужно от него гораздо больше. — Все происходит слишком быстро.

— Ты не должна делать ничего, детка, — сказал он нежно, едва касаясь губами оставленной им же метки. Заставляя ее дрожать от желания.

— Я позабочусь обо всем, Рони. Я обещаю.

Каждая клеточка в ее теле закричала от удовольствия, когда его язык скользнул по отметинке.

Она бы отказала ему, сказала себе Рони. Ах, если бы только вырваться из сетей возбуждения, которые он сплел вокруг нее. Как он мог это сделать? Как могла природа быть настолько жестока, чтобы дать ему такое преимущество?

— Я чувствую запах твоего тепла, — шептал он ей в ухо. — Как теплый, сладкий запах меда. Он привлекает меня, Рони. Я хочу упасть на колени, задрать твоё платье и вонзиться языком в твою горячую киску.

Рони затряслась от его слов, всхлип вырвался из ее горла, когда Табер стянул халат с ее плеч. Она тут же ослабела, ошеломленная, не в состоянии бороться со своей страстью, прожигающей тело при каждом вдохе.

— Ты такая теплая, такая мягкая и манящая, ты заставляешь меня терять всякое подобие контроля. Ты заставляешь меня впадать в отчаяние, Рони, ведь я так хочу тебя, так хочу, что не могу думать о чем-нибудь другом.

Его язык лизнул ее плечо, хриплый вздох наслаждения сорвался с ее губ. Его руки стянули тонкие лямки с ее плеч, а губы горячими поцелуями проложили дорожку вниз по ее руке.

— Я тогда потерял контроль.

Платье скользнуло по ее затвердевшим соскам, и теперь у нее не осталось никаких шансов отказать Таберу.

Руки Табера накрыли ее набухшие груди, его пальцы ласкали соски, нежно, мягко, заставляя ее стонать от наслаждения. Это было хорошо. Слишком хорошо. Слишком жарко.

Рони посмотрела вниз на его руки, пораженная контрастом его темной кожи и своей бледной. Это было так эротично: смотреть, как он касается ее, видеть разницу между его твердым мускулистым телом и своим, мягким и податливым.

— Теперь я не потеряю контроль. Я покажу тебе, как же здорово это может быть, детка.

Его голос был грубый, страстный. Он ласкал ее чувства. Платье соскользнуло с ее бедер, и, наконец, упало к ее ногам.

— Все, что нужно сделать, это расслабиться, - заверил он ее.

Голос Табера успокаивал ее, лаская ее чувства, пока его руки гладили ее грудь.

— Позволь мне показать тебе, что мы упустили за эти месяцы.

— Ты бросил меня. — Она боролась, чтобы дышать, чтобы найти в себе силы отказаться от него. Но их не было. Ее желание уже было сильнее разума, и оно лишило ее страха и сомнений.

— Ты не оставила мне выбора, Рони.

Руками он обхватил ее грудь, его большой и указательный палец, сжимая ее сосок, лишали ее возможности думать и говорить.

Она не оставила ему выбора? Она любила его, нуждалась в нем, и эта нужда почти разрушила ее. И он утверждал, что это она не оставила ему выбора? Ей хотелось бушевать, орать на него, но все, что она могла сделать — стонать под его требовательными прикосновениями.

Подушечки его больших пальцев ласкали набухшие пики сосков. Зажав их пальцами, Табер медленно потянул их на себя.

— Табер! — закричала она, когда резкая волна удовольствия пронзила ее лоно.

Рони выгнулась под этой лаской и бессознательно вцепилась руками в его мускулистые крепкие бедра.

— Тебе нравится это, детка?

Он сделал это снова, и Рони подумала, что еще немного – и она просто взорвется от жара внутри.

— Я буду использовать и губы, и зубы, - прошептал он в ее ухо. — Буду сжимать и тянуть, буду лизать, сосать и заставлю тебя кончить от этого ощущения.

И он сможет. Она знала, что он сможет. Оргазм был уже близок, удовольствие нарастало в глубине ее киски. Но он остановился.

Рони захныкала, когда он перестал мучить ее соски. Затем застонала от удовольствия, когда его зубы куснули метку на шее. Табер втянул нежную кожу в рот и начал сосать, так же, как раньше сосал сосок.

Рони откинула голову ему на грудь. Она смутно сознавала, что он раздевается у нее за спиной, снимая сначала рубашку, потом обувь и джинсы. Его грудь касалась ее спины, заставляя дрожать от ощущения прикосновения крошечных волосков к обнаженной коже. Ей нравились волосы на груди Табера, но она совсем забыла, как остры ощущения от их касания.

— Правильно, детка, — прошептал он, его дыхание коснулось метки и заставило Рони задрожать. — Просто наслаждайся. Почувствуй, как прекрасно все может быть. Ты такая сладкая и мягкая, такая тугая и горячая, когда я двигаюсь внутри. Касаясь тебя, я получаю самое удивительное наслаждение, которое когда-либо испытывал в жизни.

— Ты убиваешь меня. — Ее грудь распирало, ей хотелось большего, чем просто физическое прикосновение. — Как мне жить, если ты опять решишь уехать?

Он зарычал: яростный, звериный звук, который почти заставил ее кончить. Боже, как может быть сексуальным что-то настолько животное?

— Черта-с-два я отпущу тебя теперь, Рони, - сказал он.

Голос Табера звучал почти угрожающе, его руки сжали ее бедра и потянули Рони навстречу.

Его член был сильный и толстый, горячий и жесткий. Она почувствовала, как он вжимается в складку между ее ягодиц. Рони заерзала, задвигала бедрами, позволяя ему раздвинуть упругие полушария и прижаться сильнее.

Позади нее Табер резко втянул воздух, но потом печальный смешок сорвался с его губ.

— Не искушай меня, - предупредил он ее, его голос вибрировал возбуждением. — Я уже на краю, Рони.

Она даже сумела представить себе ухмылку, скривившую его губы при этих словах. Уголок рта изогнут, улыбка блестит, зеленые глаза сверкают весельем и теплотой. Ее сердце сжалось.

— Зачем тебе контроль? — Она боролась, чтобы дышать, чтобы не начать упрашивать Табера взять ее прямо сейчас, быстро и жестко, как он делал это прежде. — Ты ведь не переживал, когда лишил меня моего контроля.

— Ах, детка. — Он двигался медленно, провел руками от ее бедер к плечам, а потом поднял на руки. — Если я буду себя контролировать, ты получишь удовольствие, которого не знала прежде.

Она ахнула, ее руки обвилились вокруг его шеи. Рони с изумлением уставилась на него. Только Табер носил ее на руках. Она так скучала по этому.

С ним она чувствовала себя очень женственной, очень желанной. Его глаза были темные и блестящие, во взгляде горела похоть.

Табер донес Рони до кровати и, уложив, растянулся рядом. Он держал ее очень аккуратно и бережно, пока опускал на кровать.

— Я хочу вылизать каждый дюйм твоего тела, - прорычал он. — Но я не знаю, надолго ли меня хватит.

Он опустился на колени рядом с ней, его взгляд наполнялся желанием, потребностью обладать ею. Тело Табера было произведением искусства. Его грудь и руки были сильны, живот был подтянут и тверд, а его член... она судорожно сглотнула, скользнув рукой по бедру в его направлении.

Твердый, но одновременно шелковистый. В его темной головке пульсировала жизнь. Ее окатило жаром, и голодная киска наполнилась соками.

— Нет. — Табер поймал ее руку прежде, чем она смогла прикоснуться к члену. — Не прикасайся ко мне, Рони, или я потеряю контроль. Просто расслабься. Позволь мне показать тебе, как прекрасно все может быть.

Глава 13

Все было слишком хорошо. Пальцы Рони сжимали простыни, а лежащий рядом с ней Табер своими прикосновениями доводил ее до грани безумия. Его губы атаковали одну грудь, изящно поигрывая с жестким соском, пока рука терзала другую.

Его язык уверенно лизнул чувствительный бугорок, заставив ее застонать от острого ощущения, пронзившего тело. Когда его рот накрыл сосок, она чуть не кончила. Табер потянул сосок во влажную глубину своего рта, и чрево Рони дернулось с такой силой, что она отпрянула от него и почти закричала.

— Да! - выдохнул он, его голос звучал почти грубо. Табер навис над ней, устраиваясь между ее бедер, а его рот продолжал мучить набухшую грудь. — Отпусти это, Рони. Позволь мне показать тебе.

Он перешел к другой груди, опалая сосок ласками, и руки Рони вцепились в его плечи. Сколько еще она может выдержать? Рони извивалась под ним, ее бедра сжались, когда Табер случайно прижался животом к ее самому чувствительному местечку. О, как же это было хорошо. Ее клитор запульсировал от удовольствия, пронзившего низ живота.

Зубы Табера сжали ее сосок, он стал сосать его, потягивать, лизать, и Рони упала с головой в водоворот ощущений.

Он поднял голову и поглядел на нее, его глаза сверкали, горели пламенем, так, что в них даже было больно смотреть. Выражение лица Табера выдавало его желание, его голод, но одновременно оно было мягким и нежным.

Как много ночей провела Рони, мечтая о его прикосновениях и объятьях?

Ее пальцы пробежали по его бицепсам, и что-то вспыхнуло внутри нее, что-то, с чем она пока не могла справиться сама.

— Мне нужно коснуться тебя.

Она металась под ним, жар и желание росли внутри ее тела. Рони хотела бороться — хотела и не могла.

В его глазах она снова увидела знакомое выражение. Несмотря на страсть, несмотря на удовольствие, которое он получал, касаясь ее, в них была едва заметная грусть. Она хотела, чтобы эта грусть исчезла, хотела избавить Табера от нее, заменить чем-то другим. Удовольствием, пусть даже еще более разрушительным чем то, что он давал ей. Чем-то прекрасным, пронзающим до глубины души — так, чтобы тени ушли из его глаз.

Он снова лизнул ее сосок, мурлыкнув — О Боже, он мурлыкал! — и этот вибрирующий сексуальный звук пронзил ее тело до самых глубин вагины, усилив возбуждение.

— Еще рано, - прошептал Табер, его дыхание опалило ее плоть, когда он двинулся дальше вниз по ее телу. — Позволь мне прикоснуться к тебе, Рони. Позвольте мне попробовать тебя на вкус. Ты не представляешь, как сильно мне это нужно.

Голос у него был охрипший, полный муки. Как будто единственным желанием, единственным стремлением Табера было желание утолить ее страсть. Но в его глазах она увидела кое-что еще, то самое выражение, которое она видела в своих собственных глазах на протяжении многих лет каждый раз, когда смотрела в зеркало.

Когда он снова задвигался, она не могла думать ни о чем большем.

— Табер.

Ее голос был наполнен тревогой, она почувствовала его дыхание между ног.

Вздвигнув, Рони посмотрела вниз. Слабый стон сорвался с ее губ, когда она увидела, как он развел ее ноги, открывая ее для себя. Табер поднял голову и посмотрел ей в глаза.

— Кошки любят сливки, Рони, - прошептал он сладострастно. — И я уверен, твои сливки — самые вкусные в этом грешном мире.

Вдох замер в груди Рони, когда она увидела, как язык Табера проникает меж завитков на ее лобке туда, где сосредоточилась ее женственность.

— О Боже! — Она пыталась кричать, но только пискнула.

Рони могла только дрожать. Ее бедра дернулись, тело заметалось по постели, а настойчивый язык Табера развел ее нежные складочки и проник во влажную глубину.

Его руки обхватил ее ягодицы, он поднял ее с постели, почти насадив на свой язык. Потом стал на колени и начал быстро лизать, опутывая ее густыми сетями наслаждения. Он зарычал, вонзаясь глубоко языком в ее киску, наполняя рот сладостью ее соков.

Рони уставилась невидящим взглядом в потолок, ей было так хорошо, что это почти сводило ее с ума. Его язык был хищный, беспощадный. Он ласкал ее стенки, поглаживая чувствительную плоть и заставляя ее балансировать на краю безумия, пока она извивалась под ним.

Он слизывал ее соки, он урчал и стонал с ней в такт, пока его язык медленно ее трахал.

Осуществились самые отчаянные мечты Рони. Удовольствие заполняло ее — и оно было сильнее, чем она могла бы себе представить, острее, чем то, что она видела во сне. И оно все росло. Дрожь в вагине усилилась, превратившись в спазмы, настолько сладкие, что стало почти больно.

— Табер, — она задыхалась, трепеща в его хватке, ее ноги дрожали на его широких плечах, и волна сладкого удовольствия накрыла ее с головой.

Он снова зарычал, прямо ей в клитор, его язык глубоко вонзился в нее, доводя до края и опустошая ее.

Она закричала. Звук разнесся вокруг нее, уничтожил ее. Оргазм взорвался в ней, разрывая мир на части, свет и краски вспыхнули за закрытыми веками. Бедра сжались, снова и снова, киска плотнее прижималась ко рту Табера, усиливая невероятное ощущение, пока тело пыталось справиться с нахлынувшими чувствами.

— Моя! — хрипло проговорил Табер, поднялся на колени, оторвал ее от постели и вонзился в трепещущие глубины ее вагины.

Это было почти смертельно — удовольствие от ощущения его твердой эрекции, пронзившей ее влажную трепещущую киску.

Реальность Рони разбилась вдребезги. Все внутри нее рушилось с каждым отчаянным толчком его члена внутри ее вагины. Он трахал ее, как безумный, но, что еще хуже, ее тело приняло это. Рони закричала. Она не могла поверить, что кричит, что слышит свой собственный голос.

Хриплые крики. Мольбы. *Глубже, быстрее, О Боже...*

— Сильнее... — ее руки сжали напряженные мышцы его предплечья, ногтями впиваясь в его плоть, ее ноги бесстыдно задрались, обнимая его. — Сильнее... трахни меня, Табер. Трахни меня сильнее...

Нет, это не она, — подумала Рони отстраненно. Она не станет произносить такие слова. Она не станет так отчаянно умолять...

— Боже! Ты такая тугая! Слишком тугая, слишком горячая...

Он задыхался, пот стекал с его тела, его член, скользя внутри ее, доводил ее до безумия, пока она не взлетела выше, сильнее — и ее не настиг еще один оргазм.

Рони почувствовала напряжение в его члене. Он скользил, гладил самую чувствительную точку у нее внутри — и Рони унесло. Она не понимала, что кричит. Не знала, что задыхается. Звуки разносились вокруг нее, гортанные, необузданные, они хлокотали в его груди, и вот уже Рони почувствовала взрыв спермы внутри себя.

Рони едва осознавала, что Табер упал на нее. Он тяжело дышал и шептал какие-то бессмысленные слова своим охрипшим голосом. Их влажные тела были все еще соединены, и никто не хотел отодвинуться первым. Они могли бы остаться так навсегда, и Рони не была бы против. Ее глаза закрылись, и с последним спазмом наслаждения она позволила себе провалиться в сон.

Табер накрыл ее одеялом, согревая. Рони вздохнула, впервые за долгие годы ощущая

себя в безопасности, ощущая покой и удовлетворение. И уснула.

Глава 14

Табер уловил момент, когда Рони впала в усталый сон. Ее тело расслабилось под ним, стало мягким, а он все боролся, чтобы вновь научиться дышать.

Его руки сжимали ее волосы. Зарывшись лицом в плечо Рони, Табер по-прежнему зубами прикусывал метку, которую так давно поставил на ней. Он ощущал сладкий аромат ее крови во рту, там, где кожа была надкушена, и лакал его, как умирающий от жажды лакает из родника экстаза.

Отодвинуться от нее оказалось труднее всего, что он когда-либо делал в жизни.

Выйти из киски Рони, еще сжимающей его член, прервать эту пытку, агонию наслаждения, почти так же сильную, как и разряд, который пронзил его так недавно.

Но животная часть уже отступила, спряталась в головке, и он покинул то полное сладкого тепла место, в котором был заперт. Табер отодвинулся от Рони, поражаясь нахлынувшей на него слабости.

Боже, он чувствовал себя на грани, он был почти готов отдать себя в руки смерти. Все, только чтобы остаться там еще чуть-чуть, чтобы насладиться ее невероятным теплом.

Он не знал такого раньше. Каждая клетка в его теле вспыхивала, когда он касался Рони, заставляя ее кричать, заставляя ее умолять его об освобождении.

Табер выбрался из постели, чувствуя себя опьяненным. Он усмехнулся — ноги не слушались, ему пришлось сделать усилие, чтобы удержать равновесие. Но он совершил ошибку, повернувшись к кровати и посмотрев на женщину, несущую за все это ответственность.

Его грудь сжалась. Жестокая агония охватила Табера, когда он посмотрел на ее бледное лицо, оглядел нежные линии лба и щек. Ее распухшие от поцелуев губы были слегка приоткрыты. Господи, помоги, Рони была его жизнью. Он смотрел на нее так, будто видел в первый раз, осознавая, наконец, от чего отказывался в течение нескольких последних месяцев.

Эта женщина обладала силой уничтожить его. Черт, она уже чуть не убила его своим отказом. А если Рони сейчас уйдет, что с ним станет?

Смог бы он убедить ее остаться, если бы она зачала — и зная, что сердце Рони ему не принадлежит? Неужели природа настолько жестока, что предназначила ему женщину, которая не могла — или не хотела — любить его?

Табер протянул руку, откинув со лба Рони прядь золотисто-каштановых волос, потом медленно укрыл ее одеялом и поспешил в ванную.

Он вспомнил первую их встречу, более десяти лет назад. Он нашел ее в лесу, она сидела на земле, обхватив руками свое маленькое тельце. Она смотрела прямо перед собой, но он понял, что это было что-то внутри ее, что она смотрела в себя.

Он уже знал это чувство. Он тогда был совсем юн, но лабораторные эксперименты и ужас, который он пережил во время побега, навсегда стерли из него какую-то часть человеческого. Как можно скучать по тому, чего ты никогда не помнил, спросил он себя, упершись руками о раковину и глядя на себя в зеркале. Тогда он был просто животным. Разъяренным, раненым, отказывающимся и неспособным принять тот беззаботный стиль жизни, которому пыталась их научить Мария.

Он бегал по лесу, спасаясь от себя самого, позволяя животному внутри освободиться в охоте. Пока не нашел Рони. Ее лицо было заплаканное, колени ободраны, а взгляд казался пустым, словно она уже потеряла себя в том ужасе, который пережила.

Он считал, что они спасли друг друга в ту ночь. Он взял ее на руки и принес к Марии, прижимая к груди, испытывая чувство ярости оттого, что такое хрупкое, такое невинное и

чистое создание вынуждено переживать такую боль. Ее взгляд напомнил ему о сестрах, чьи умы уже были покорежены опытами, как и тела.

Рони не изнасиловали; скорее, она была в ужасе. Оставшись в одиночестве, без еды, без заботы — она убежала от врагов отца, ублюдков, которые хотели причинить ей боль и скрыться, не получив наказания.

Табер испустил глубокий тяжелый вздох. Ребенок вырос и стал женщиной, прежде чем он понял, что его чувства к ней стали иными. Ее острый язык и импульсивность иногда заставляли его тревожиться, но Табер всегда знал ее мысли и ее чувства. Но женщина, кричащая от желания в его руках, и женщина, подарившая ему признание в любви год назад, были не похожи друг на друга. Эта Рони была слишком тихой, слишком замкнутой, подавленной. Как будто жизнь забрала у нее так много, что она просто отказалась верить и бороться.

Он устало вздохнул и вытащил из шкафчика рядом с раковиной полотенце. Смочил его теплой водой. Ей будет неприятно спать, когда бедра покрыты липким доказательством их соития.

Табер вернулся к кровати, чувствуя, как член твердеет и удлиняется, когда втянул в себя слабый запах их оргазмов. Он напоминал дикий ветер после летней грозы, непокорный и чистый.

Он откинул одеяло со спящей Рони, морщась от напряжения, которое потребовалось, чтобы сдержать дрожь. Медленно Табер начал вытирать ее кожу. Шея, руки, полная, упругая грудь — розовая от его поцелуев — стройный торс, изящный округлый живот и бедра. Сглотнув комок в горле, Табер развел ноги Рони, игнорируя ее легкий стон, и стер с кожи следы своего семени и ее соков.

Он тяжело и хрипло дышал к моменту окончания этой интимной процедуры и устало упал на постель рядом с ней. Рассвет приближался, и Таберу показалось, что он не спит уже пару недель.

Он притянул ее ближе, игнорируя инстинктивное движение — Рони попыталась оттолкнуть его, — зашикал на нее осторожно, обняв и прижав ее к своей груди.

— Что случилось, Рони? — прошептал он в ее шелковые волосы и коснулся мягким поцелуем ее лба. — Что, черт возьми, случилось с тобой?

Глава 15

— Тебе пока нельзя мыться, Рони.

Уже было далеко за полдень, когда Табер проснулся, разбуженный попыткой Рони украдкой соскользнуть с кровати.

Она остановилась, вцепившись в спинку, ее тело напряглось.

— У меня все болит. — Ее голос был низким, но он мог слышать в нем вибрацию гнева. Это был тот же гнев, что и вчера вечером.

— Я знаю, ты сердишься, детка. — Табер откинул одеяло и поднялся.

Добравшись до сундука в конце комнаты, он достал из одного из ящиков синюю хлопковую рубашку с пуговицами. Так доктору Мартину будет можно осмотреть Рони, не слишком тревожа ее скромность.

— Надень это. — Он подошел к Рони, протягивая ей рубашку, но она лишь подозрительно посмотрела на нее.

— Я воняю тобой, — отрезала она, подняв голову, ее синие глаза были полны гнева, и он чуть заметно вздрогнул. — Мне нужен душ.

Табер хмуро глядел на нее, с неудовольствием сознавая, что ее гнев снова вызывает в нем похоть. Его член начал деревенеть, нить от желания.

— Надень рубашку или тащи свою задницу обратно в кровать, и будем трахаться до тех пор, пока ты не перестанешь спорить. Ты сейчас ведешь себя совсем не по-умному, Рони. Ты ведь чертовски хорошо знаешь, что стоит мне прикоснуться к тебе, и ты не сможешь отказать.

Рони тяжело дышала, ее грудь поднималась и резко опускалась, соски набухли от резкого звука его голоса. Рот Табера наполнился слюной, когда он скользнул по ним взглядом.

— Хватит. — Она вырвала из его рук рубашку и надела на себя, быстро стянув края. — Ты думаешь, я не знаю, как мало тебе от меня надо, Табер? Думаешь, я буду покорно принимать все то, что ты делаешь со мной?

Ну, если он и собирался отказаться от задуманного, то настало время изменить решение, подумал он саркастически.

— Не похоже, что у нас есть выбор.

Его член теперь стоял колом. Черт, доктор сказал ему первым делом после пробуждения Рони привести ее в лабораторию, а не трахнуть снова.

— Застегни рубашку, Рони. Мы должны спуститься в лабораторию, и будь я проклят, если я позволю тебе выплескивать свое раздражение на людей за пределами этой комнаты.

Он протопал обратно к комоду, достал из ящиков футболку и спортивные штаны и быстро надел их.

— В лабораторию? — По крайней мере, она начала застегивать рубашку, пусть даже в голосе и звучало раздражение. — Я, что, похожа на крысу?

Табер медленно повернулся к ней. Ее голос был резким, гортанным, аромат охватившего ее желания окутал его с ног до головы.

— Не цепляй меня сейчас, Рони. — Он изо всех сил сдерживал в узде свое возбуждение и свой гнев. — Тебе не понравятся последствия.

Она оглядела его с выражением горькой ярости на лице. Это немного уредило его гнев.

— Ты имеешь в виду, что может быть еще хуже? — спросила она приторно-сладким голосом. Черт, эта улыбка могла бы разрезать человека пополам.

Он шагнул ближе, его рука ухватила Рони за длинные пряди волос, прежде чем она успела отпрянуть. Табер видел, как ее глаза расширяются, когда он усилием заставил ее

отклонить голову назад и посмотреть ему в лицо. Внутри него бушевала буря.

— Все может стать еще хуже, - он зарычал, позволяя себе обнажить смертоносные клыки по бокам челюсти. — Я тебя предупреждал несколько лет назад, детка, ты даже представить себе не можешь, что я такое. Лучше тебе внять предупреждению.

Она не показала страха, как он ожидал. Гнев воспламенил ее взгляд — жарче, сильнее, чем раньше.

— Я думала, что вняла. — Она издевалась над ним. — Что ты собираешься делать теперь, Табер? Опрокинуть меня на пол и трахнуть снова? Это единственный способ, которым вам удастся добиться от женщин подчинения?

Он наклонился ближе, вдыхая сладкий аромат ее возбуждения.

— Самое приятное в том, чтобы опрокинуть тебя на пол, Рони, это знать, что тебе это чертовски понравится.

Табер позволил себе зарычать, и жар в ее теле тут же усилился.

— Без моего на то желания. — Ее губы сжались, ноздри раздулись, когда она вырвала свои волосы из его хватки.

Ей это нравилось. Знание подстегнуло его гнев, невыносимо его обострило, заставив Табера почти поддаться желанию овладеть Рони прямо сейчас.

— Без желания? — Он снова усадил ее на кровать, наблюдая, как ее глаза темнеют и щеки розовеют от похоти. О да, вот такой он ее и хотел. Горячей и жаждущей его.

— Это наркотик, Табер. — Он застыл, глядя на нее, слыша холодную уверенность в ее голосе. — В противном случае тебе бы и на милую ко мне не подойти. Ты посадил меня на наркотик. Я не могу остановить это, я не могу контролировать это, но будь я проклята, если я позволю тебе заморочить мне голову.

Она говорила так, словно не хотела его сама по себе. Как будто только из-за лихорадки спаривания она текла от возбуждения. Волна ярости ударила Табера наотмашь, сметая плотину контроля осознанием того, что пара ему не подчиняется.

— Ты хотела меня раньше, — зарычал он, в ярости, оттого что Рони посмела отрицать связь между ними. — Я не целовал тебя тогда, Рони. Ты хотела меня до метки, до поцелуя.

Он бросил ей вызов. Попробуй Рони это отрицать, и Табер лишился бы остатков контроля.

— Я была ребенком, помнишь? — Вспышка боли полыхнула в ее глазах и быстро погасла. — Я выросла и выросла быстро, спасибо тебе за это. Теперь либо трахни меня, либо давай покончим с этими тестами, потому что мне нужен душ. Я же сказала, я воняю.

Табер медленно отпустил ее, глядя на Рони так, как давно не глядел. Она выглядела сердитой, голос звенел от ярости, но под запахом возбуждения он ощутил запах боли и страха.

Рони казалось, что она ведет себя решительно, противостоя ему, ненавидя его — он не понимал, за что — но он ощущал агонию, рвущую на части ее душу. Она была частью его, больше, чем осознавала сама, больше, чем она могла вообразить.

Табер протянул руку, пальцами касаясь ее щеки, не обращая внимания на дрожь Рони.

— Ты была моей, когда тебе было одиннадцать лет, и став женщиной, ты осталась моей. Ты принадлежишь мне и сейчас, Рони. — Он говорил мягко, стараясь не позволять зверю внутри показать клыки и заставить ее подчиниться без слов. — Ты можешь все это отрицать. Но я не позволю тебе уйти. Не обманывай себя.

Она вдохнула, медленно и глубоко. В глазах Рони замерцали слезы.

Конечно, она не заплакала, но была близка, хотя и пыталась придать взгляду выражение презрения.

— Наслаждайся самообманом, сколько угодно, Табер. Если тебе это нравится, то все нормально. Но я не хочу играть с тобой. Не в этот раз.

Ее голос дрогнул на последнем слове.

Табер очень осторожно отодвинулся от Рони. Он чувствовал, что балансирует на краю самоконтроля.

— Мы поднимемся на лифте в лабораторию.

Он отказался комментировать ее слова.

Пусть верит, во что хочет. Хотя бы сейчас.

— Доктор ждал нас уже час назад, так что он наверняка уже в ярости.

Он слегка сжал ее предплечье — ему нужно было просто коснуться ее, неважно, каким коротким было бы это прикосновение.

— Я не хочу, чтобы ты вел меня, как ребенка. — Голос Рони дрожал от смеси гнева, возбуждения и страха, она попыталась освободить руку из его хватки.

— Перестань бороться, черт подери. — Он повернулся к ней и притянул к себе, так, чтобы она наверняка почувствовала его эрекцию, которую сам Табер ощущал, как открытую рану. — Перестань, Рони. Позволь этому случиться, пока я не сделал то, о чем мы оба пожалеем.

Его накрыло ощущение дежавю. *Пожалею ли я?* Она однажды уже спросила его об этом.

— Я уже пожалела, — прошипела она, дрожа от сдерживаемых эмоций. — Ты не понимаешь, Табер? Я жалею обо всем этом, даже больше, чем ты себе можешь представить.

Табер стиснул зубы, чтобы не зарычать. Он был твердым, как камень. Каждая клетка его тела требовала, чтобы он доказал Рони здесь и сейчас разницу между животной страстью из-за гормона и тем, что чувствует его сердце. Животное требовало ее подчинить, мужчина же хотел любви.

— Однажды, — тихо зарычал Табер, — ты поймешь разницу, Рони. Молись, детка, чтобы я захотел тебе ее тогда доказать. Я не один из тех цивилизованных маленьких мальчиков, с которыми ты встречалась. Я твоя гребаная пара, и, видит Бог, ты испытываешь прямо сейчас мое терпение. Перестань, пока я не навредил нам обоим.

Страх засветился в ее глазах. Табер поблагодарил Бога за то, что она промолчала.

Он медленно отпустил ее, и Рони не стала протестовать, когда он снова ухватил ее за руку и потащил за собой. Потому что если бы она сказала что-то еще, он бы точно позволил зверю вырваться на свободу. А это было не нужно никому.

Глава 16

— Сколько у вас еще иголок? — не выдержала Рони, когда доктор Мартин воткнул в ее вену очередную иглу и пустил кровь.

Ее кожа была покрыта мурашками, от прикосновения было так тошно, что ее вот-вот могло вырвать, прямо на девственно чистый пол рядом с небольшой каталкой, на которой она сидела.

— Ну, у меня на самом деле несколько коробок, — сказал он легко, извлек иглу и посмотрел на Рони с такой добротой, что на ее глазах выступили слезы. — Я знаю, как это трудно, мисс Эндрюс. Постараюсь все сделать побыстрее.

Она глянула на Табера, который стоял, прислонившись к стене возле двери. Он был напряжен, на лице — дикое выражение, глаза пылали голодной яростью.

— Не торопитесь. У меня много крови. — Она испустила глубокий вдох, полная решимости идти до конца. — Итак, расскажите-ка мне о лечении.

Табер зарычал. Доктор посмотрел на него с беспокойством на лице, но Рони заметила, как он подавил усмешку.

— На данный момент о лечении мы не знаем. — Табер, наконец, отодвинулся, и она вдохнула воздух, в котором не было запаха самца. — Я прошел все до одного гребаные тесты, и теперь над результатами бьются две дюжины ученых. Но единственное решение — зачатие.

— Если оно случится! — Рони с трудом удерживала в себе гнев и страх. — Мне нужны противозачаточные таблетки. Я уже пропустила один прием. — Это был единственный способ. Она принимала их, чтобы нормализовать цикл, но теперь они были очень нужны. — Вы врач, достаньте их для меня.

— Не сработает. — Доктор покачал головой, а Табер зарычал — низкий, опасный звук, который сотряс ее тело.

Но Рони не испугалась. Она была слишком взволнована.

— Простите? — Она приподняла брови, пытаясь скрыть свою реакцию. — Какого черта вы имеете в виду под «не сработает»? Хорошо, дайте гормональный пластырь, поставьте спираль. Мне пофиг, но сделайте что-нибудь.

Ребенок даже не обсуждался. Она не собиралась беременеть, не от Табера, особенно на фоне той опасности, которая, как Рони начинала понимать, таилась за пределами поместья, и которую Табер и его семья так отчаянно пытались предотвратить.

— Гормональный пластырь не сработает. — Доктор засунул в рот Рони палочку с ватой на конце и быстро прошелся по слизистой. Ее чуть не вырвало.

Когда он отошел, он запустила руки в волосы, сгорая от страха и боли, растущих в ее теле. Все кости и мышцы словно горели в огне, внутренности болели от лихорадки.

Бисеринки пота усеяли ее кожу, и неважно, как сильно Рони старалась, она не смогла сдержать охватившей тело дрожи.

— Мне нужен вагинальный образец. — Голос доктора понизился, наполняясь сожалением. — Мне очень жаль. Я знаю, что это непросто.

Табер подошел ближе.

— Отойди, Табер! — Рони сама была поражена прозвучавшей в ее голосе яростью. — Если ты приблизишься ко мне, клянусь, я воткну одну из этих чертовых иголок в твое черное сердце.

— Черт, Рони, ты не можешь сделать это одна, — ответил он. — Я только пытаюсь помочь.

— Ты уже достаточно помог, — она усмехнулась и сделала несколько глубоких долгих вдохов, прежде чем вернуться к врачу. — Почему это так трудно? — спросила она доктора

Мартина. — Может, сначала расскажете мне, какого черта случилось со мной, а уже потом будете меня обследовать? Как будто огненные муравьи разъедают мои внутренности, и мне это уже до черта надоело.

Она справится, завершила себя Рони, глядя на доктора с решительностью. Казалось, ни он, ни Табер не отреагировали ни на ее отказ, ни на угрозу физической расправы.

Доктор Мартин испустил нетерпеливый вздох.

— Мисс, давайте сначала завершим тесты...

— Прикоснетесь ко мне — и несколько дней не сможете ходить. — Она отвела назад ногу и приготовилась. — Мне нужны ответы, прежде чем в меня воткнут еще одну иглу, вставят тампон или как там еще вы собираетесь меня пытаться.

Ей совершенно точно не нравилось, как выглядит чертов расширитель, который доктор держал в руке.

— Рони, я же сказал, что был неправ. — Табер подошел поближе.

Рони медленно повернула голову, наблюдая за ним со злостью. Он снова остановился, на этот раз в шаге от каталки.

— Спаривание не равно отношениям, - сказала она ему с приторной сладостью, прежде чем повернуться к доктору. — Ответы, пожалуйста. Желательно на английском языке, — попросила она, не желая слушать врачебную тарбарщину.

— В двух словах, - он вздохнул. — На данный момент ваш организм пристрастился к гормону, который содержится в слюне Табера и в его сперме. Эффекты выраженные, болезненные и интенсивные, и преодолеть их можно только... естественным способом. — Он покраснел, поймав ее потрясенный взгляд. — Пока мы смогли понять только, что это естественный способ обеспечения выживаемости Пород. Обычно количество нормальных сперматозоидов у самцов семейства кошачьих совсем низкое, они практически импотенты. Но гормон, поступающий в ваше тело, заставляет его каждые три дня образовывать новую яйцеклетку. И для обеспечения продолжения рода возбуждение повышается до такой степени, что бороться с ним невозможно.

Рони прокляла свое упрямство. Кровь отхлынула от ее лица, желудок сжался. Она просто не могла поверить.

— Все заканчивается с зачатием?

Ее голос звенел от усилия.

— Симптомы у Меринас прошли после зачатия, — подтвердил доктор. Сострадание наполнило его голос. — Но это происходит, насколько мы знаем, только с теми, чьи отношения имеют и эмоциональный компонент. С настоящей парой, как в случае Кэллана и Меринас. Раньше такого не случалось.

Она прижала руки к животу и несколько раз сглотнула, отказываясь принять происходящее.

— Мне нужна контрацепция. — Ее голос дрожал.

— Рони... — протест Табера был проигнорирован.

Она уставилась на доктора, борясь с яростью, резко поднимающейся внутри. Она не позволит этого. Этого просто нельзя допустить.

— Меня не волнует, что тебе придется делать или как, но прекрати это.

* * * * *

Табер стоял неподвижно, не говоря ни слова, хотя боль теснилась в груди. Он слышал ужас в голосе Рони, чувствовал пронзающую ее боль. Он готов был отдать свою жизнь, если бы это могло ей помочь.

Агония в ее голосе была просто невыносима. Бог свидетель, он отдал бы все, чтобы вернуться в тот день, чтобы убрать с ее кожи отметину, чтобы хоть как-то все это облегчить.

— Прости, Рони. — Голос Мартина был эхом его собственных сожалений. — Если бы я что-то мог, я бы сделал. Спираль не будет работать. Тело отвергает ее. Гормон влияет на

каждый орган, работает напрямую на зачатие. То же самое скажу про пластырь и противозачаточные таблетки. Мы не нашли способ предотвратить это. Пока еще нет.

И тогда Рони посмотрела на Табера. Его душа зашлась болью, когда он увидел ее глаза. Они были темны от страданий, и животное внутри него вскинулось, чтобы ее защитить. Она была в ужасе, и он понятия не имел, как ей помочь.

Табер шагнул к ней, прежде чем она заговорила, пропустил пальцы через спутанные пряди ее волос, притянул к себе. И в ту же секунду он проклял свою собственную душу. Его губы накрыли ее, язык погрузился в ее рот, заставляя Рони принять этот поцелуй, несмотря на ее инстинктивный крик отторжения.

Она бы никогда не повела себя так, но все внутри нее ныло от жажды его прикосновений, гормон атаковал не только ее разум, но и тело. Руками она ухватила за плечи Табера, легкий всхлип сорвался с ее губ. Но язык Рони уже танцевал с его языком, влажность ее рта приветствовала его, и дыхание сорвалось на стон.

Он крепко держал ее, расслабляя, помогая облегчить восприятие будущей медицинской процедуры. Когда он отстранился, ее глаза были почти черные — наполненные эмоциями, слезами и затуманенные возбуждением.

— Клянусь жизнью, Рони, - заверил он ее. — Клянусь тебе, я буду защищать тебя и ребенка, который родится. Я дам тебе все, что нужно, детка, Бог мне свидетель. Я сделаю все, чтобы облегчить то, что ты переносишь по моей вине.

Он едва мог сдержать слезы. Он, который никогда не плакал, кто умел справляться с эмоциями... до тех пор, пока не понял, как она на него влияет. Табер хотел дать ей все, чего она желала, если только это может облегчить боль, раздирающую ее душу на части.

Рони обняла его, уткнувшись лицом в его грудь, плечи напряглись, пока она пыталась справиться со слезами. Он крепче обнял ее, защищая, успокаивая и одновременно ненавидя себя каждой клеточкой своего тела.

Наконец, она испустила глубокий тяжелый вздох. Пальцы сжались на его спине, и он почувствовал влагу ее слез на рубашке.

— Хватит тестов, - прошептала она.

— Табер, мне нужны эти тесты. У нас есть только образцы Мериныс...

Табер зарычал в ярости. Повернув голову, он уперся взглядом в лицо доктора. Он не хотел, чтобы Рони испытывала боль.

— Только мазок, — сказал Мартин. — Ради Бога. Речь не только о Рони, Табер. Речь о будущем.

Он напрягся, готовый увести Рони из комнаты.

— Нет. Он прав. — Ее руки сжались, по телу прошла дрожь. — Он прав. Я могу сделать это. Я могу.

Но она не отпускала его.

— Я буду держать тебя за руку, детка. — Он медленно опустил ее на каталку, вспоминая рассказ Шерры о том, что Кэлан был вынужден сделать то же самое для Мериныс. — Просто держись за меня, Рони. Я не тебя не отпущу.

* * * * *

Это был ад. Рони едва сдерживала крики, а внутри все протестовало против прикосновений доктора, анализов, успокаивающего голоса. Она знала, что оставляет глубокие следы на спине Табера, но не могла заставить себя отпустить его. Или так, или кричать. Или бороться, требуя освобождения.

Рони дышала тяжело и глубоко. Она сможет сделать это. Она не слабачка. Она умеет бороться. Она просто сдалась в тот день, когда Табер ее оставил.

Она знала, как сохранять спокойствие, когда страх, как зверь, когтями вцеплялся в ее живот.

Одну секунду. Одну минуту. Один час. Это спасало ее раньше. Она сможет подумать об этом потом, когда боль утихнет, когда ужас пройдет, и когда настанет время обдумать

стремительные изменения, вошедшие в ее жизнь. Тогда она могла бы найти безопасное место. Потом она будет думать.

— Если ты снова оставишь меня, я убью тебя!

Рони яростно дернулась, когда доктор взялся за очередной чертов инструмент и занялся осмотром.

— Клянусь Богом, Табер. Может быть, для тебя я не достаточно женщина, но если ты меня бросишь, я заставлю тебя заплатить. Я вырежу твое черное сердце, а потом искромсаю твой член на столько маленьких кусочков, что ты их никогда не соберешь.

И она сделает это, сказала себе Рони, подавляя крик, грозивший вырваться из ее горла. Она почувствовала, как напрягся Табер как забурлило в нем рычание — зверь внутри хотел защитить ее, хотел укрыть ее от мучений.

Сейчас она принадлежала ему. А потом она задумается о будущем.

Глава 17

— Кажется, ты беременна. — Рони пыталась сохранить свой голос спокойным. Она остановилась рядом со стеклянным столиком на задней террасе дома, за которым сидела Меринас. — Что дальше? Чего мне ожидать?

Она выскользнула из спальни вслед за Табером после очередного безумного, полного грешного наслаждения часа в его постели. Приняла душ, переоделась в джинсы и рубашку Табера, которые позаимствовала у него на время, и отправилась бродить по дому в поисках единственной известной ей пары одного из Пород.

Меринас, сидя на крытой веранде, задумчиво наблюдала за строительством высокого забора. Мужчины работали над двенадцатифутовой (*прим. – примерно 6 метров*) баррикадой, растягивая сетку от опоры до опоры с почти фанатичным упорством, как будто важнее установки барьера ничего не было.

— Знаешь, Рони, — мягко проговорила Меринас, вздыхая с болью и сожалением, — эта усадьба была так прекрасна, когда мы впервые ее увидели. Величественная, изящная, несмотря на мерзкие эксперименты, которые здесь когда-то проводили. Здесь было так спокойно, словно элегантность здания позволяла ему оставаться в стороне от ужаса, который здесь творился.

Меринас постучала идеально ухоженными ногтями по стеклянной столешнице.

— Теперь посмотри на это. Заборы. Дикие животные, выпущенные на волю, чтобы защитить нас. Ночные попытки прорвать защиту, которую пытается укрепить Кэллан. Эти ублюдки не остановятся, пока их не прикончат, как бешеных собак.

С каждым словом гнев все сильнее звучал в голосе женщины, она повернула голову и яростно посмотрела на Рони.

— Да, я беременна, от человека, за которого с радостью отдам свою жизнь. Кэллан столкнулся с ужасом, который вряд ли можно вообще себе представить. Ежедневно он сталкивается лицом к лицу со своим худшим кошмаром. Каждую ночь он просыпается в поту, увидев сон, в котором меня и его ребенка похищают. Кто больше страдает? Я, та, кого он защищает? Или Кэллан, который знает, что случится, если это произойдет?

Осознание отозвалось скрытой болью в голосе Меринас. Ее любовь к Кэллану пульсировала в каждом слове. Страх за него и еще не рожденного ребенка зажег огонь в ее глазах.

— Если хочешь знать мое мнение, вы оба страдаете. Ты не все знаешь об опасности и последствиях, Меринас. — Рони склонила голову набок, ее карие глаза были почти лишены тепла.

— Нет, я не страдаю. А вот ты да. — Она махнула рукой на свободное место напротив. — Выпей со мной кофе. Он без кофеина, к сожалению. — Ее губы скривились иронической ухмылке. — Я так скучаю по кофеину.

Последние слова она протянула с почти ощущаемой тоской по тому, что даже не имело вкуса.

— Кофе без кофеина не вызывает стресс. — Рони пожала плечами, усаживаясь на место. — И что бы, черт возьми, эти мужчины ни творили с нашими телами, кофеин только усугубляет ситуацию. Я поняла это сразу после того, как Табер решил меня пометить.

— Пометить? — Меринас в восторге засмеялась, напряжение сошло с ее лица. — Это хорошее слово. Но, блин, совсем не веселое.

Рони заметила огонь во взгляде Меринас. Ее глаза затуманились от воспоминаний, ее губы скривились в улыбке — видимо, воспоминания были приятными.

— Ты не... больше не лихорадишь? — заговорила Рони нерешительно, задаваясь вопросом, а сможет ли она когда-нибудь находиться вдали от Табера и не изнывать от желания.

— О, лихорадка не прошла. — Меринас откинулась на спинку стула, ее взгляд снова вернулся к работающим у забора мужчинам. — Но сейчас это все естественно, Рони. Я хотела Кэллана, когда он был не более чем картинка, история, человек, переживший мучения. Я хотела его больше всего в жизни. Одержимость. Желание, которое нельзя отрицать. Гормон просто снял все барьеры. Я сдалась уже после того, как все случилось, и я признала и поняла, насколько мы близки. Я не чувствовала, что меня заставляют.

Рони отвернулась. Разве она не хотела Табера? С тех пор, как ей было одиннадцать, до минуты, когда ее душа была разбита на части письмом, которое он прислал ей, разве она не мечтала, не желала, не любила?

— Я была на похоронах Дайэна, — прошептала Рони, вспоминая, как отчаянно тогда она хотела подойти к Таберу, обнять, стереть гримасу боли с его лица. — После того, как Табер меня отметил. Я помню, мне было больно, но не в сексуальном плане, а потому что было больно Таберу.

— Смерть Дайэна изменила все, — сказала Меринас тихо. — Ты ведь не знаешь, что с ним случилось?

Рони неуверенно кивнула.

— Его убили, когда он пытался тебя спасти...

— О нет, — Меринас покачала головой, ее голос стал жестким. — Так мы сказали прессе, Рони. Дайэн умер от руки Кэллана. Он пытался убить меня. Он убил мать Кэллана, Марию, много лет назад, потому что она почти уговорила Кэллана открыться прессе, и был полон решимости убить меня по той же причине.

Рони не совсем не поверила ей, и даже не была шокирована. Дайэн не был полностью вменяемым. В тот день, отдав ей письмо Табера, он прижал ее к стене в спальне над гаражом, его дыхание было хриплым, глаза горели похотью, когда он предложил показать ей, как надо удовлетворять Табера.

— Когда Дайэн принес мне записку Табера, в которой тот писал, что не хочет меня видеть, он попытался напасть на меня, — прошептала Рони. — Он схватил меня, и мне показалось, что в кожу вонзились ножи. Мне никогда не было так больно.

— Записку Табера? — Меринас подалась вперед, в замешательстве качая головой. — Я знала, что у вас обоих в прошлом что-то было, но не знала, что.

Рони сжала губы, потом нервно их облизала. О том, что случилось, она никогда не говорила ни одной живой душе. Кратко, с горечью в голосе, она рассказала Меринас всю историю, не забыв о роли Дайэна.

Это было унижительно — вспоминать, как сильно она зависела от Табера годы и годы напролет, зная, что он спасет ее, будет заботиться о ней, в то время как ей не придется заботиться о себе самой. Но она поняла, что может позаботиться о себе. Рони жила и работала, и постепенно устроила свою жизнь. По крайней мере, этим она себя успокаивала.

— С тех пор я не видела Табера, — закончила она, глубоко вздыхая. — Пока он не выскочил из этого проклятого вертолета и не превратил всю мою жизнь в дерьмо. Теперь, если я собираюсь пройти через это, мне, по крайней мере, нужно понять, что происходит, Меринас. Я в ужасе, потому что мое тело связывает меня с человеком, который может меня уничтожить. Человеком, который уже уничтожил меня.

— Уф, — Меринас вздохнула, запуская пальцы в волосы. — Что ты собираешься делать? Это не похоже на Табера, Рони. Я его знаю. Он бы никогда не прикоснулся к тебе, если бы не сходил по тебе с ума. Но его желание защитить тебя оказалось сильнее желания овладеть. Это и могло заставить его реагировать так остро.

— Это оправдание не очень помогает.

Рони покачала головой, — она и так знала, что Табер всегда отчаянно пытался защитить ее.

Он продемонстрировал это в лаборатории доктора. Его голос был хриплым, его тело так напряглось от ярости, что она дрожала вместе с ним. Из его груди вырвался животный

первобытный звук, в котором она едва различила слова о том, что он сделает все, чтобы облегчить ее боль.

— Мне нужно доверять ему, Меринас, - прошептала она с болью. — Мне нужно больше, чем зависимость от его спермы и поцелуя. Мне нужна его любовь...

Меринас медленно откинулась назад в своем кресле.

— Конечно, он сказал тебе. — Она покачала головой. — Рони, он должен любить тебя, иначе этот гормон просто бы не подействовал.

Рони подарила ей насмешливый, наполовину сердитый взгляд.

— Как по-твоему, я бы переживала, если бы он сказал, что любит меня?

Глаза женщины сузились.

— Мудаки. Клянусь Богом, все мужики — упертые, упрямые и иногда невероятно глупые мудаки. Черт, им всем надо... - она дернулась, когда всего в нескольких дюймах от ее лица взорвалось дерево. Щепки задела ее щеку и лоб, разлетаясь вокруг них.

— Стрельба! — закричала Рони, вскакивая на ноги, отшвыривая в сторону столик и толкая Меринас на пол. Плечо опалило огнем.

— Табер! — Она кричала его имя, а вокруг крыльца воздух словно завибрировал от пуль. — Стрельба!

Теперь кричали и мужчины, рев льва отдался эхом в ее голове. Лев? Господи, это был один из Породы Кошек или настоящий Лев? Звучало совсем реально.

В дюйме от нее цемент взрыхлила пуля, в полу появилась дыра. Рони толкнула Меринас глубже в тень крыльца, за кучу дров. Не было и крошечного шанса, что им удастся добраться до двери, и еще меньше была вероятность целыми и невредимыми обойти дом под обстрелом.

— Табер! — К ее крикам присоединились отчаянные вопли со двора.

— У нас один раненый! Один раненый!

Рони оглянулась назад, во двор, и увидела, как мужчины разбегаются. Они бросились в укрытие, таща на себе раненого. Их было так мало.

Снова раздались выстрелы. Тра-та-та-та автоматического оружия, одиночные резкие всплески револьверных выстрелов. Куски древесины и цемента летали вокруг них, вокруг бессознательного тела Меринас.

Рони почувствовала запах собственной крови, резкую боль в плече от пули, засевшей в теле. Но она смирно лежала на Меринас, стараясь укрыть от смертельных осколков ее тело и спасти ребенка, о котором она так нежно говорила.

Люди были везде, но не настолько близко, чтобы добраться до них и перетащить Меринас в безопасное место. Рони всхлипнула и снова стала звать Табера, а следующий залп едва не ударил в них.

Она почувствовала, как от края крыльца над ее головой оторвался кусок дерева, щепки посыпались ей на волосы. Рони еще сильнее сгорбилась, прикрывая собою Меринас.

— Рони! — Сейчас ничего не звучало прекраснее, чем голос Табера.

Она подняла голову, наблюдая в изумлении, как легко он перепрыгивает через низкую каменную стену, которая отделяла территорию от внешней рабочей зоны. В руках он нес смертельный, мощный М-16 и стрелял поверх голов рабочих туда, где затаились враги.

Она снова услышала этот страшный рев. За Табером шел Кэллан, но он был безоружным, на лице застыло дикое выражение, и рев стал поистине животным, когда он увидел лежащую на земле жену.

Одновременно заднее крыльцо стало пристанищем, а не ловушкой. Породы, мужчины и женщины, занимали места рядом с ними, оружие в руках Табера беспрестанно рывало, поливая врагов огнем.

Табер схватил Рони с такой силой, что это показалось ей невероятным, и два счета перепрыгнул с ней на руках через крыльцо в открытую дверь кухни. Кэллан следовал за ним по пятам.

— Док! — завопил Кэллан в ярости, полный горя крик отозвался эхом по всему дому, когда он буквально полетел внутрь, неся жену на руках.

— Ты ранена? — Табер бросился за ним, наполовину неся, наполовину ведя за собой Рони.

— Нет...

— Черт, ты лжешь мне! — Должно быть, он видел кровь. — Давай. Вниз. Там ты будешь в безопасности.

Безопасность. Ее голова кружилась, плечо чертовски сильно болело, а все, чего она хотела — чтобы Табер уложил ее на пол и трахал, пока она не начнет вопить. Рони застонала, признавая поражение. Такими темпами она будет беременна до истечения трех дней. А потом не будет лихорадки, не будет влечения, и Табер снова уйдет. Как уходил и раньше.

Глава 18

Ну, теперь она знала точно. Морфин не помогал унять лихорадку. Но, по крайней мере, симптомы стали более сносными. Добрый доктор смог проверить ее плечо и быстро наложить повязку на рану, бдительно следя за Мериной.

Женщина наконец-то проснулась, как ни в чем не бывало. Куски дерева, ударившие Мериной по голове, просто лишили ее сознания на пару минут.

Было незначительное кровотечение, но обошлось без осложнений.

Кэллан не слушал, что говорит доктор. Он сидел рядом, возле небольшой больничной каталки, склонившись, обняв свою жену, прикрывая ее собой. Его большие руки бегали по ее спутавшимся волосам, по спине, по мягкой выпуклости живота. Врач заверил их, что младенец в целости и сохранности.

Голос Кэллана был надломившимся, охрипшим от волнения. Мериной пыталась унять ярость, волнами пронзающую тело мужа. Дважды она издавала стон, притворившись, что ей больно, чтобы удержать Кэллана от попытки тут же выбежать наружу — пришли новости о том, что убийцы схвачены. Двое были мертвы, один еще жив, но ранен.

В ожидании доктора Мартина наемника заперли в одной из пустых кладовок.

— Вопрос приоритетов, - спокойно сказал доктор, когда Рони спросила его о клятве Гиппократова. — Кроме того, даже если один из них умрет, придут другие, чтобы занять его место.

В его голосе звучала такая ненависть, что Рони передернулась.

Табер говорил очень мало. Он поддерживал ее, пока доктор перевязывал плечо, но не отодвинулся ни на дюйм, когда Рони улеглась на живот, пытаясь спрятать усталость и возбуждение. От него так хорошо пахло, но она так устала.

— Отнеси свою жену в кровать, Кэллан, - решительно сказал доктор Мартин. Кэллан поднял голову, его тело все еще трясло от шока. — Ей нужно отдохнуть. Опасность пока миновала. То же касается и тебя, Табер.

Он повернулся к Рони.

— Забери ее наверх и позаботься о ней. У нас на завтра куча планов.

Плечи Мартина опустились, его голос звучал устало и был наполнен грустью. Рони захотелось расплакаться от сочувствия. Когда доктор отошел, Кэллан поднялся со стула у кровати Мериной и медленно подошел к Рони. Она смотрела в его глаза и думала о том, что этого человека уж точно не стоит иметь в числе врагов.

Золотисто-коричневые радужки отливали янтарем, они сверкали животной дикостью — да уж, этот мужчина убил бы без малейшего сомнения.

— Я знаю, что не могу прикоснуться к тебе, — он вздохнул, опустился на одно колено перед Рони и поднял на нее взгляд. — Я знаю, что ты закрыла собой ее тело. Мои люди сказали мне об этом, когда я побежал спасать вас на ту чертову крытую веранду. Если бы я мог обнять тебя, я бы обнял. Если бы у меня было богатство, я отдал бы его тебе. Если есть что-то, чем я мог бы доставить тебе радость, показав тем самым свою благодарность, Рони, я отдам это тебе.

Его голос был мягким, пульсирующим от переполняющих тело эмоций.

— Морфий здорово помогает, - прошептала она заговорщически, сжав зубы. — Я даже не почувствовала, когда доктор начал обрабатывать рану. Ты можешь обнять меня, если хочешь.

Легкая улыбка скривила губы Кэллана, но он ее раскусил.

— Ты маленький бесенок, как и в детстве, - сказал он мягко, грозя пальцем. — Я лучше знаю. Я чувствовал запах твоей боли, пока Док трудился над раной. Я чувствовал, как душа рвется на части от мыслей о том, что могло бы случиться. Мериной была беззащитна... — он проглотил комок в горле.

— Она в порядке. — Голова Рони немного кружилась от лекарств. Она притворно нахмурилась и посмотрела на Кэллана. — Но я хочу пистолет. Сейчас же. Я знаю, как использовать его.

— Согласен. — Он твердо кивнул, даже не удосужившись взглянуть на Табера, как Рони и надеялась. — Пистолет или винтовка?

Она почувствовала приятную дрожь возбуждения.

— Винтовка. Как у Табера.

Табер застонал позади нее.

— Обучение, — пробормотал Кэллан, качая головой. — Позволь Таберу научить тебя, и винтовка твоя. Если тебе понравится, даже сможешь выбрать. — Он встал на ноги, и, чуть заметно улыбнувшись, сверкнул глазами. — Только не стреляй в Табера, ладно? У него есть хорошие черты характера.

— Наверняка есть, — протянула она. — Я просто их еще не нашла. Я обещаю присмотреться, прежде чем сносить ему голову.

— Спасибо, дружище, — с сарказмом ответил Табер Кэллану. — Спасибо за помощь и все такое.

Кэллан поморщился.

— Да. Добро пожаловать, сынок. — Его душил смех, он смотрел поверх ее головы на Табера. — Но я в тебя верю. Я уверен, ты сможешь убедить ее оставить тебя в живых, по крайней мере, на какое-то время.

Табер фыркнул, но Рони это веселье мужчин совсем не забавляло.

— Мне нужно принять ванну. — Она заставила себя сесть на кровати, испытывая на прочность свое равновесие. Пока было не очень. — И еда. Мне нужна еда. Пицца была бы к месту.

Табер сгреб ее в свои объятия, его хватка стала крепче, когда он быстро зашагал прочь из комнаты.

— Я могу ходить, — Рони вздохнула, обнимая его, наслаждаясь короткой передышкой от лихорадки, которую ей даровали наркотики.

— Конечно. — Он взглянул на нее, его губы, изогнутые в улыбке, безумно отвлекали. — Но мне нравится носить тебя.

Он всегда носил ее на руках, Рони помнила это. Он нес ее, когда впервые увидел, потерявшуюся в ночи, в ужасе застывшую от звуков, темноты и напуганную преследующими ее мужчинами. Каждый раз, как у Табера появлялась такая возможность, он носил Рони на руках.

— Ты хоть представляешь себе, как это хорошо – держать тебя на руках? — спросил он, шагая по лестнице к своей части дома.

Он пнул дверь, и она закрылась за ним, но до спальни они не добрались. Табер упал на диван, крепко прижал Рони к себе и опустил голову. Его губы требовательно накрыли ее рот.

Рони не желала просто пассивно принимать ласку. Она встретила смерть лицом к лицу. Столкнулась с ней, осознавая, что в любой момент они могут умереть – и она, и Табер. Она не желала больше бороться с тем, что бьется в ее теле.

Или с тем, кто в ее сердце.

Рони приподнялась в его руках, игнорируя легкое предупреждающее рычание, и поймала удивленный взгляд.

— Мой!

Ее шепот, несмотря на свою мягкость, звучал собственнически — он звенел от силы, наполняющей ее тело.

Его глаза вспыхнули. Нефритово-зеленый цвет потемнел, зрачки расширились. Ее пальцы коснулись пуговиц запачканной кровью рубашки. Рони разгладила хлопок, чувствуя, как он легко щекочет ее ладони. Провела руками по плечам Табера и вниз, к первой пуговице. Она легко расстегнулась.

— Рони. — Он сглотнул комок в горле, эмоции эхом отдались в его хриплом голосе.

— Ты пометил меня, — сказала она ему мягко, но решительно. — Но не в тот день, когда коснулся зубами моей шеи, Табер. Ты пометил меня, когда мне было одиннадцать лет, и ты спас меня. Когда мне исполнилось шестнадцать, и ты устроил мне первый день рождения. Когда ты легко и невинно в первый раз коснулся моих губ. Ты помечал меня каждым своим взглядом, каждым прикосновением. Теперь я хочу пометить тебя.

Она разгладила рубашку на его груди, провела ладонями по широким плечам и коснулась губами места, где шея переходила в плечо. Туда, в сплетение мышц, она его укусила. Не до крови, но достаточно, чтобы его тело дернулось, бедра выгнулись, член вжался в ее бедра, а руки сжали ее – почти до синяков.

Она укусила снова, лаская кожу языком, повторяя эротичную, сексуальную ласку Табера, подаренную ей так много месяцев назад. Казалось, на Табера ее укус подействовал так же.

Рони ласкала его плоть – с настойчивостью, делавшей ее прикосновения одновременно эротичными и почти болезненными. Табер сорвал с нее рубашку. Отшвырнул прочь, и его пальцы прошлись по ткани обтягивающих тело Рони джинсов.

— Сними их.

Табер почти рычал.

Рони издала тихий звук удовольствия, когда его руки забрались под джинсы, обхватив ее ягодицы, его пальцы мяти упругую плоть, пока она ожесточенно терлась бедрами о его спрятанный за тканью член.

Она не торопилась, и она не собиралась позволять ему просто овладеть ней. Ей нужно было прикоснуться к нему, вкусить его, увериться в том, что он действительно здесь, в ее руках, и это не просто еще одна ее отчаянная мечта.

— Ты убиваешь меня. — Табер тяжело дышал, откинув голову в сторону, предоставляя ей полный доступ к сильной линии горла.

Рони никогда не чувствовала себя так уверенно и сильно, так сексуально. Он был беспомощен под ее прикосновениями. Грубый стон завибрировал у него в горле, все мышцы напряглись, член отчаянно терся о ткань, которая защищала ее горячую влажную киску.

Ногтями Рони царапнула его грудь, мускулы его живота, пальцы ее обхватили плотный, твердый мужской сосок. Оставив на шее Табера хороший засос, Рони выпустила изо рта его плоть и языком медленно пробежалась по коже. Она слегка прикусила жесткую линию его челюсти, а затем лизнула его горло — и Табер снова сглотнул.

— Мне нравится твой вкус. — Она пыталась отвлечься от приводящих в иступление движений его члена рядом с ее киской. — Ты такой дикий и необузданный. Я могу приручить тебя, Табер?

Короткий, резкий смешок Табера был наполнен первобытной похотью.

— Уже приучила. Много лет назад.

— М-м-м. Мой собственный дикий кот. Я могу тебя погладить? Или ты прикончишь меня, прежде чем я смогу показать тебе все способы получить удовольствие?

Его глаза за тяжелыми веками озарила жаркая вспышка, проникшая в каждый уголок души Рони. Здесь и сейчас ничего и никого не существовало. Только Рони и Табер. Она почти задыхалась от осознания собственной власти над ним.

— Покажи мне, — прошептал он, его голос был полон нетерпения и муки.

Она одарила его ленивой, намеренно провокационной улыбкой, глядя на него из-под опущенных век. Внимательно наблюдая за ним, она вызывающе медленно поднялась с колен, не обращая внимания на звериный рык Табера — рык протеста.

— Оставайся тут, — сказала она ему тихо, когда он попытался подняться

Табер откинулся на диване, как она и просила, но Рони видела, как ходят ходуном его мышцы. Все в нем требовало, чтобы он взял ее сейчас.

— Ооо, такой послушный, — довольно пробормотала она. — Интересно, как долго ты сможешь продержаться.

— Недолго.

Его кулаки были сжаты, взгляд следил за нее руками.

Рони тронула лямки лифчика на плечах, отбросив остатки всякого страха и скромности, наслаждаясь моментом. Он видел ее голой и не раз, и наверняка находил возбуждающей.

Он облизал губы — движения были медленные, голодные — и Рони сделала шаг назад, сбрасывая с набухшей груди кружевной лифчик.

Ее твердые соски стояли торчком, умолая о *его* прикосновениях. Но Рони коснулась их сама. Наблюдая за Табером, она сжала соски между своими большим и указательным пальцами, потянула, массируя их и наблюдая за тем, как его взгляд темнеет, становится тяжелым от возбуждения.

— Я могу сделать это. — Он тяжело сглотнул.

— Я знаю, что ты можешь, — согласилась она. Дыхание Рони сорвалось, когда импульс возбуждения пробежал от груди прямо вниз, в ее лоно. — Сними свои джинсы, Табер. Покажи мне, что я тебя возбуждаю.

Он начал подниматься.

— Нет. Не вставай. Снимай их и смотри на меня.

Он замялся, очевидно пытаясь восстановить дыхание, обрести контроль. Рони опустила руки от сосков, провела ладонями вниз по животу, пока они не уперлись в пояс джинсов.

Табер быстро снял свои. Она снова улыбнулась ему, довольная игрой, в которую они играли. Интересно, кто сорвется первым. Она позволила джинсам не спеша скользнуть по ее бедрам и упасть к ногам.

Пнула их прочь, и ее губы пересохли, когда Табер сделал то же самое.

Рони ошибалась. Каждый раз, когда они были вместе, у нее не было времени, чтобы посмотреть на орган, который доводил ее до вершин наслаждения. Но сейчас она увидела.

Он поднялся до пупа, толщиной с ее запястье, загорелый, как и остальное его тело и пульсирующий своей собственной жизнью. Грибообразная головка была скошена для максимального проникновения, вены обвивали тяжелый ствол. Неудивительно, что он свел ее с ума вспышкой боли. Его член, как и его тело, были символами выносливости, и теперь уже Рони не хотелось ничего другого, кроме как ощутить его в своей намокшей киске.

Но она собиралась еще подождать. Табер уставился на нее с вызовом в глазах, его пальцы обхватили член. Рони облизнула губы, глядя, как Табер поглаживает рукой ствол — от тяжелой головки к основанию и обратно.

— Иди сюда, - прошептал он, его голос стал глубоким и сексуальным от возбуждения.

— Нет, - протянула она тихо и встала на колени перед ним. — Я сказала, Табер. Я хочу тебя погладить.

— Черт. — Он дернулся, когда она наклонилась вперед и коснулась языком его эрекции.

Его бедра дернулись навстречу, сдавленный стон вырвался из его груди.

— Рони. Боже. Детка.

Его грудь поднималась и яростно опадала при дыхании. Испарина блестела на мощных мышцах, его кожа казалась атласной, теплой и упругой.

Она лизнула головку его члена снова, медленно, легко, наблюдая, за выражением его глаз, за искажающимся лицом. Острые клыки по бокам его рта поблескивали, придавая ему определенно сексуальный, опасный вид.

— Рони, я не могу, — Табер задыхался, его голос звучал грубо, почти с болью. — Я вот-вот потеряю контроль, детка. Я не выдержу.

— Не выдержишь? — Она убрала его пальцы и сама начала водить пальцами по возбужденному члену. — Бедный ребенок. А как же ты справишься с этим?

Ее рот накрыл головку, всасывая ее внутрь, ее язык начал тереть, гладить и дразнить его ультрачувствительную плоть.

Жесткий звериный рык вырвался у него из горла, ее лоно сжалось в спазме влажного возбуждения.

Мужчина внутри всегда держал все под контролем, не давая нарушиться хрупкому балансу. Рони знала, что сейчас она его дразнит, что животное вот-вот вырвется на свободу. И ей хотелось показать Таберу, что она ему идеально подходит.

Она была прекрасна. Другими словами просто никак было не описать мягкое сияние страсти в голубых глазах Рони, румянец желания на ее щеках, ее покрасневшие губы, сомкнувшиеся вокруг его члена. Слишком красивая. Слишком невинная и слишком соблазнительная в своей страсти. Черта-с-два он сможет теперь оттолкнуть ее.

Табер ухватился пальцами за диванные подушки, глаза его сузились. Рони наблюдала за ним томным взглядом, а его тело изнывало под ее терзающим языком, и животное билось под кожей, требуя освобождения.

Он никогда раньше не ощущал такого. Это ощущение пульсации, трепета — зверь внутри боролся за свободу, а мужчина внутри боролся, чтобы удержать его. Боже, он хотел, чтобы это длилось вечно. И, кажется, сама Рони наслаждалась процессом не меньше. Она облизывала и посасывала, и, похоже, наслаждалась каждой секундой прикосновения к нему, как и тогда, когда он прикасался к ней.

— О да, — Табер застонал, когда ее язык скользнул по головке и вниз, поглаживая и ощупывая, изучая каждый изгиб и подъем его напряженной плоти. — Да, детка, мне так хорошо.

Он напряг бедра, проталкивая плоть все дальше в ее рот. Ее стон завибрировал вокруг, пальцы напряглись, а язык принялся с новой силой поглаживать его член.

Тепло окружило его. Влажное, скользкое тепло. Ее язык был как шелковый демон, ее губы плотно обхватывали его, сжимая и даря удовольствие. О Боже, ему никогда еще не было так хорошо. Черт возьми, его мошонка готова была взорваться от наслаждения. Он едва мог вынести такое удовольствие.

— Черт, Рони. — Табер покрылся потом.

Ее пальцы обхватили ствол и снова сжали. Электрический разряд пробежал по позвоночнику и ударил в мозг.

Он слабо застонал, когда ее губы втянули еще немного плоти. Рони обхватила член губами и медленно скользнула обратно, остановившись у края головки и дразня ее кончик языком. Табер снова толкнулся ей в рот, изнывая от желания снова ощутить вокруг себя ее влажное тепло.

Легкое поддразнивание. Ее зубы осторожно скользнули по стволу, добавив остроты ощущениям, и язык снова вернулся к сладкой пытке. Он уже не мог терпеть.

Член Табера пульсировал, как рана, мошонка готова была взорваться спермой. Под головкой его эрекции появился выступ. Он отчаянно хотел вонзиться в горячие глубины ее лона и пролить свое семя.

Но не сейчас. Он еще не готов кончить. Он хотел снова почувствовать ее рот.

Горячий, жидкий огонь обволакивал его плоть. Это была мучительная и сладкая агония. Табер поднял руки к лицу Рони, пальцы зарылись в ее волосы, сжимая шелковистые пряди. С наслаждением он доминировал ей в этой сексуальной игре.

Он видел вызов в ее взгляде, его собственные глаза сузились, и мужчина добровольно уступил власть зверю в эту острую до боли секунду. Она была его парой. Она может бросить ему вызов, соблазнить его, но он был слишком близко к краю, чтобы играть в эту медленную дразнящую игру. Вспышка волнения в ее взгляде и изменившееся выражение лица Рони подсказали Таберу, что и она уже не может сдерживаться.

— Соси его. — Жесткий рык вырвался из его горла, когда он направил член в ее влажный рот. Она взяла его без возражений, плотно обхватила губами, но поддалась его движению не сразу, поддерживая игру в доминирование.

Рони снова застонала. Звук вибрацией отозвался вокруг его эрекции, вызвав еще одну волну сладкой пульсирующей боли. Выступ под головкой набух сильнее, удовольствие острым копьём пронзило его мошонку, заставляя мышцы живота сжаться от спазма.

О как же это сладко. Табер медленно трахал Рони в рот, крепко держа ее за волосы, наслаждаясь прикосновением ее губ, ласками ее языка. И все это время он наблюдал за ней. Смотрел, как темнеют ее глаза, как движутся ее щеки, как скользят по его члену губы.

— О да. Так, еще, еще, детка, — он застонал, медленно двигаясь назад и вперед, каждый мускул в его теле напрягся в близости оргазма. — Соси, Рони. Соси глубже, детка.

Он толкнулся вперед, заполняя ее рот, стараясь не двигаться слишком резко, чтобы не вызвать у нее отторжения. Язык плотно прижался к его члену, и это прикосновение заставило его зарычать от наслаждения.

Она протестующе застонала, когда он попытался скользнуть дальше, и Табер с сожалением вышел. Она могла взять больше. Он знал, что она может. Боже, ему было нужно, чтобы она взяла его в рот.

— Дыши через нос. Расслабься.

Он резко выдохнул, глядя в ее широко раскрытые глаза, замер, читая в них страх и волнение. Он молился, чтобы они не пересилили возбуждение.

Табер чувствовал, как расслабляются горячие глубины ее рта, как становится мягче напряженный язык.

— Да-а, - он зашипел от удовольствия. — Ты можешь взять больше, Рони. Просто расслабься, детка. Расслабься. — И он медленно скользнул внутрь ее рта.

Она взяла еще чуть-чуть. Достаточно, чтобы его пронзила при этом зрелище дрожь удовольствия. Боже, сколько еще он сможет продержаться?

— Еще. — Потребовал он грубо, борясь с отчаянным желанием резко толкнуться в ее влажный рот.

И вот он почувствовал. Да, это было невероятно. Боже, да. Он проник в самую глубину ее рта. Он не мог видеть свой член, трахающий рот Рони, но ощущения были почти экстремальными. Ему не нужно было видеть, он чувствовал.

Табер откинул голову на спинку дивана и начал трахать ее рот короткими отчаянными толчками. Хлюпающие влажные звуки проникновения довели его почти до края оргазма.

— Рони, - прошептал он отчаянно, не в силах сдержать слова, ощущения, разрывающие его изнутри. — Боже, да. Соси его. Отсоси у меня, детка, вот так, вот так.

Он мог почувствовать ее тепло. Мог почувствовать сладкий пряный запах ее возбуждения, в котором он просто тонул. Ее стоны ласкали его член. Ее пальцы сжимали его, поглаживая, доводили до самого края. Выступ под головкой мучительно пульсировал, и он не смог бы скрывать его вечно. Но не сейчас. Он не хотел, чтобы она узнала. Не хотел видеть на ее лице отвращение.

— Хватит.

Он потянул ее от себя, игнорируя протестующий всхлип. Постарался справиться с желанием снова почувствовать ее опаляющий жар. Влажная хватка ее рта была настоящим наслаждением, но ведь не только он должен чувствовать удовольствие.

— Табер, — ее голос был слаб, в нем звучала мука, и Табер едва не сорвался.

— Трахни меня, Рони. — Она целовала его живот, лизала его, также как лизала возбужденный до предела член. — Сейчас. Черт, я не могу ждать, детка...

Он поставил ее на колени, развел ноги, и, подняв ее, в каком-то безумии насадил на свой напряженный член.

— О Боже! — Его крик присоединился к ее стону, Табер толкнулся во влажную тугую глубину ее истекающей соками киски. — Горячо. Так горячо. Так сладко и влажно.

Он толкнулся глубже, держа ее, и Рони выгнулась в его руках, стараясь вобрать в себя еще больше, ее крик эхом отозвался в темной комнате.

Ее лоно сжало его в тисках влажного мучительного удовольствия. Обхватило его, пытаясь принять, позволить вонзиться глубже, на всю длину. Табер никогда не чувствовал ничего подобного этому.

— Возьми его, - прорывал он, притягивая ее ближе, чувствуя, как растягиваются стенки ее влагалища, пропуская его глубже. — Возьми его весь, Рони. Сейчас. Возьми его, детка.

Он толкнулся сильнее внутри нее, и еще раз, чувствуя, как расслабляется ее киска, как принимает его — и в какой-то момент погрузился всей своей длиной в ее трепещущую сладкую вагину.

И он не выдержал. Слишком много тепла, слишком сильная и сладкая мука желания. Он услышал свой собственный вопль, почувствовал пульсацию выступа, а потом в Рони выплеснулась его сперма, и Табер умер у нее на руках.

Нельзя было сказать иначе. Его душа взорвалась на кончике его члена, его чувства вырвались на свободу в горячем животворящем потоке семени, оросившем ее плодородное жаждущее лоно.

Глава 20

— Когда ты собирался рассказать мне, что не так с твоим членом?

Ленивый тон голоса Рони не обманул его ни на минуту. В ее голосе сквозила железная решимость, собственно говоря, в последнее время они только так и общались. Слово

«член» прозвучало, тем не менее, так соблазнительно, что одна определенная часть тела Табера дернулась, словно ее позвали.

— Хм, а тебе не казалось, что что-то не так, когда ты кричала и дергалась на мне, - буркнул он и бросил хмурый взгляд вдоль своего тела, как будто это могло как-то смягчить эффект от ее слов.

— Не пытайся отвлечь меня, Табер. — Рони улеглась на его груди, тепло ее дыхания ласкало его кожу, будоража рецепторы, которым еще требовалась передышка.

Он надеялся отложить этот разговор на потом. Он может притвориться, что возмущен, например. Не каждый день мужчине говорят, что у него проблема с членом. Но Табер чувствовал: Рони не обманешь. Его инстинкты предупреждали его об осторожности в разговоре... или в попытках избежать его.

— Когда ты собираешься лечь спать? - пробормотал он, игнорируя ее вопрос, откинулся на подушку и закрыл глаза, решив, что сейчас, и правда, лучше поспать.

— Ты не ответил. — Ее голос был нежным, мягким, и эта мягкость сказала Таберу, что Рони уже начинает злиться.

Ее пальцы танцевали на его груди, ее ногти скребли кожу, подушечки пальцев ласкали крошечные волоски, покрывавшие его тело. Почти невидимая, мягкая, как пух, светлая шерсть была еще одним напоминанием о его ДНК.

Табер открыл глаза, глядя в потолок и глубоко дыша. Сколько раз ему хотелось хоть на день позабыть, кто и что он такое. Но осознание всегда было там, на поверхности, не позволяя о себе забыть. А теперь Рони были нужны ответы, которые он совсем не хотел ей давать.

Табер просто не был готов увидеть на ее лице отвращение или ужас, когда она узнает, как тесно в нем переплелись животное и человек.

— Я знаю, что я не ответил, — сказал он тихо, обнимая Рони так, чтобы дотянуться до пышных золотистых прядей ее волос.

Он любил ее волосы. Они были густые и мягкие, нежно рассыпались по плечам и соблазнительно обрамляли ее сердцевидное личико. Он с толикой удивления заметил, что пальцы ощущают вес даже самой маленькой пряди.

— И? Ты собираешься?

Она села в кровати, высвободив волосы и вытянув из-под Табера часть одеяла, чтобы прикрыть свою полную обнаженную грудь.

Его губы скривились от этого проявления скромности. Он знал каждый дюйм ее тела, и все же Рони заливалась краской, если он видел ее обнаженной вне постельных утех. Необходимость ответить ей давила на него. Но пока отвечать он не собирался.

— Забудь об этом. — Табер глубоко вздохнул, поднимаясь с кровати. Черт побери, он не хочет спать. Он обманывает сам себя, думая, что может просто уснуть. — Мне нужно проверить безопасность за пределами...

— Теперь ты избегаешь вопроса, Табер, — резко сказала Рони, ее глаза блестели голубым огнем, когда он оглянулся на нее.

Она сидела на коленях, наблюдая за ним. Табер понимал, что отказываясь ей отвечать, он играет с огнем. Он может избегать ее вопросов, но врать он не намеревался. Рони заслуживала честности там, где только он мог дать ей ответы.

— Думаю, ты права.

Он пожал плечами, пытаясь казаться равнодушным, чтобы скрыть щемящее одиночество, которое поднялось в глубине его души.

Она имела полное право знать ответ, и все же он не мог заставить себя произнести слова, не мог заставить себя рассказать ей о животном, получившем удовольствие в ее тугой трепещущей киске.

— И ты думаешь, что лучше просто уйти отсюда без объяснений? - спросила Рони. Гнев в ее голосе граничил с болью.

Табер устался на нее, пытаясь отгородиться от этой боли. Ей предстояло выдержать гораздо больше того, что уже пришлось, и он это знал. Одно мгновение – и Рони потеряла все. Свой дом, свою работу, шанс на свободу и безопасность. А он даже не мог дать ей ответы. Это было несправедливо, и все же он не мог заставить себя рассказать ей.

— Забудь об этом, Рони.

Он направился к двери в ванную, намереваясь сменить одежду.

Добравшись до двери, Табер неожиданно услышал звук вдребезги разбивающегося хрустального абажура. Кажется, это был ночник. Приглушенный свет отблесками отразился на хрустальных осколках. Табер признал, что ошибался, думая, что Рони просто так позволит ему уйти. Она могла быть бурной, как вулкан. Если бы она была кошкой, это была бы идеальная дикая смесь.

— Выйдешь из комнаты, и я разобью следующий о твою голову, - пообещала она.

Член Табера пробудился к жизни. Он взглянул на эрекцию почти с весельем. Да уж, после таких акробатических упражнений не каждый был бы готов к новым. Черт, во всем виновата его женщина – только она может так быстро его возбудить.

Блин. Он не хотел ничего больше, чем повернуться, снова прыгнуть в кровать и трахнуть Рони. Его кожа чесалась от желания. Каждая клетка его тела кричала, требуя безудержного секса. Табер повернулся к ней и скрестил руки на груди. Взгляд Рони опустился на его эрекцию, и она снова покраснела.

Черт возьми, член просто заныл от ее взгляда.

Она отошла от кровати. Прижимая простыню к груди одной рукой, другой Рони взялась за абажур с другой стороны кровати. Очевидно, его возбуждение не отвлекало ее от вопроса. *Очевидно.*

— Эти абажуры мы купили вместе с домом, — Табер вздохнул, кивая в сторону ночника. — Я думаю, они стоят совсем немного.

— Кого это, к черту, волнует? — Она была зла до чертиков. — Мне надоело, что ты убегаешь от меня, Табер. Будь я проклята, если буду ждать, пока ты набегаешься и снова вернешься.

Он смотрел на нее в изумлении. Эмоции звенели в ее голосе, глаза блестели яростью и упрямством. Ее стройное тело вибрировало от волнения, брови нахмурились, губы покраснели. Он хотел взять ее здесь и сейчас.

— Я никогда не сбегал от тебя, Рони... — Ее слова, наконец, достигли его разгоряченного мозга, и тут же Таберу пришлось отпрыгнуть, чтобы в него не попала очередная запущенная ею ракета. — Да твою ж мать, Рони.

Он бросился к ней, оттаскивая прочь от стоящего на столе тяжелого подсвечника. Его руки обвилились вокруг ее талии, притягивая к себе, сдерживая, и Табер почувствовал дрожь, пронзившую ее тело.

— Какого черта с тобой происходит? — Он отпустил ее, бросил на кровать, но он не пытался следовать за ней. Он устал от этого. Устал от ярости, которая наполняла ее, от недоверия, заставляющего темнеть ее взгляд. — Мне уже до черта лысого надоело слушать, что я от тебя сбежал, когда ты сама решила разорвать отношения.

Рони вскочила на кровать, приземлившись на ноги на другой стороне. Отлично, подумал он. Чем дальше она была от него, тем больше у него было здравого смысла.

— Ой, да ладно, Табер, я не думала, что ты еще и лжец! — закричала Рони с усмешкой на губах.

И это ему тоже надоело. Ее высокомерие было оскорбительно.

— Перестань играть в невинность. Тебе не нужно притворяться. Не здесь, не пока мы одни. Единственная причина, по которой я здесь — это из-за проклятой метки на шее, которую ты мне поставил. В противном случае я бы до сих пор сидела в Сэнди Хук, раздумывая над тем, почему же ты так быстро передумал.

Табер замер, логика начала брать верх над инстинктами. Если есть что-то неясное — надо выяснить. Изучить, найти, вычленишь. И, будь он проклят, слова Рони были неясны.

— Почему я передумал? - спросил он ее, чувствуя, как сжимается грудь от боли, которую он прочел в ее глазах и на ее лице. Слишком эта боль напоминала собственную, ту, которая пронзила его тело, когда он получил ее записку — через каких-то несколько часов после того, как отметил ее.

И все же, из ее слов следовало, что именно он ее оставил. Рони не была лгуньей. Она не играла в игры, и она не переключалась с больной головы на здоровую свои ошибки.

Да, в тот день в его теле все кипело, признался Табер. Возбуждение бурлило в нем с силой, которая чуть не сломала замок на его джинах, а тут еще пришел Дайэн с... он остановился.

Дайэн. Сукин сын.

Табер провел рукой по лицу, глядя на Рони и одновременно борясь с воспоминаниями о предательстве, которое окончилось смертью его брата.

Дайэн готов был сделать все, чтобы уничтожить остальных, и чуть не убил Меринос и ребенка, которого она носила. Он слишком хорошо помнил его смерть. Предательство выжгло из разума Табера всю любовь к брату. Дайэн лгал. И Табер клюнул на эту ложь.

— Не говори так, — он ненавидел хриплый, усталый звук собственного голоса.

Табер направился к шкафу, открыл средний ящик, отодвинул в сторону пару толстых конвертов и несколько сувениров. В углу в глубине ящика стояла небольшая деревянная коробка. Он снял крышку и достал сложенный листок бумаги.

Я ухожу из гаража и от тебя, Табер. Я поняла тогда, в машине, что ты в любой момент можешь меня трахнуть. Я не хочу больше быть твоей марионеткой. Ты слишком тупой, слишком грубый, слишком неотесанный. Мне нужен человек, который будет прикасаться ко мне с нежностью. Кто-то, кого мне не придется бояться. Кто-то одного со мной возраста.

Ты состаришься, а я еще молода, и мне всего этого просто не надо.

Пожалуйста, будь любезен, держись подальше от меня. Я ведь немногого прошу!

Рони

Он запомнил эти слова. Он был старше нее едва ли на восемь лет, но порой, казалось, на целую вечность.

— Прочти это. — Он передал ей письмо и внимательно следил за выражением ее растерянного лица.

Табер не отрывал взгляда от Рони, пока она брала и разворачивала листок. Его душа исходила кровью. Он уже понимал, что она не писала это письмо. Знал, что последние пятнадцать адских месяцев, которые он провел вдали от нее, мучаясь и тоскуя, едва ли не умирая от желания ее увидеть — все было зря.

Рони развернула письмо, ее взгляд метнулся к словам. Ее глаза расширились. Губы задрожали. Боль на ее лице рвала его сердце на куски.

— Я думал, что это твое пожелание, Рони, — прошептал Табер, чувствуя себя старым и усталым. Дайэн был надежным, ведь он был членом семьи. — Я предполагаю, что и ты получила письмо. Дайэн умел хорошо делать только одно дело — подделывать и врать.

Она смяла записку в руке, слезы сияли в ее глазах, ресницы склеились. Рони взглянула на Табера.

— Я этого не писала, - прошептала она мрачно, ее голос дрожал. — Но я получила твою записку. — Рони дрожала, глядя на него. — Это был твой почерк.

Она снова посмотрела на письмо, ее дыхание сорвалось. Она увидела теперь, что это письмо написано ее — *почти ее* — почерком.

— Я не писал тебе того письма, — сказал он мягко. — Я отчаянно хотел дать тебе время подумать, хотел, чтобы ты решила, что мы будем делать. Я знал, что я такое, Рони. Я осознавал опасность, которой тебя подвергаю. Я пытался убедить себя, что смогу защитить тебя, если Совет поймет, что я жив. Они считали меня мертвым. Я собирался вернуться к тебе.

— Когда ты не появился, я стала ждать. — Было столько боли, столько сожаления в темных глубинах ее глаз, что ему хотелось кричать. Он боролся так долго, чтобы защитить Рони, и все только для того, чтобы тот, кого он считал своим братом, разбил вдребезги ее уверенность в себе.

— На следующее утро Дайэн принес письмо. Он прижал меня к стене своим телом... — она замолчала, тяжело сглотнула, прежде чем продолжить. — Он предложил научить меня, как доставлять тебе удовольствие.

Ярость съедала его душу, и Табер знал, что если бы Дайэн не был мертв, то он убил бы его лично за то, что тот посмел прикоснуться Рони, посмел причинить ей боль. Он хорошо помнил чувства и желания, озаряющие ее лицо, когда она смотрела на него все эти месяцы назад.

Это письмо и нападение Дайэна чуть было не разрушили ее душу.

Табер протянул руку, не в силах больше сдерживать свою потребность прикоснуться к Рони. Боже, он нуждался в ней, как в воздухе для дыхания. Или хуже. Его пальцы гладили ее шелковистую щеку, большой палец ласкал ее губы. У нее были самые мягкие губы в мире, а свет ее счастливых глаз всегда освещал его душу. И видя боль в ее глазах, Табер чувствовал, как его самого режут на куски острым ножом.

— Клянусь, я бы отдал свою жизнь, чтобы быть с тобой в ту ночь, — поклялся он, зная, что это абсолютная правда. — Но наемники Совета тогда уже выследили и преследовали Кэллана. Я не хотел, чтобы ты увидела мою ярость. Я выплеснул свою злость на них. Я должен был прийти к тебе.

Потом он это понял. Но тогда он боролся с собой изо всех сил, чтобы не вернуться.

— Я должен был бороться за то, что принадлежит мне.

Слеза скатилась по ее щеке.

— Я любила тебя, — прошептала Рони, разбивая его сердце болью, звучащей в ее голосе.

— Я все еще люблю тебя, но я не довольна тобой, Табер.

Его рука опустилась и Табер удивленно нахмурился, когда она отошла прочь.

— Я не знал, что ты не писала это письмо, Рони, — повторил он.

— Да я не о том, — огрызнулась она и бросила скомканный бумажный лист в угол комнаты. — Я виновата не меньше тебя, что позволила этой сволочи Дайэну обмануть нас. — Рони повернулась к нему спиной, гнев постепенно возвращался. — Я не забыла свой первоначальный вопрос, не думай. Хорошо, мы были обмануты. Мы справимся с этим. Но у нас есть и другие проблемы, Табер. Я спрошу тебя еще раз. Что происходит с твоим членом, когда ты кончаешь? И я хочу знать сейчас.

К счастью — и Табер сам удивился своему облегчению — в этот момент взревела сигнализация.

— Одевайся. — Он быстро взял ее на руки, игнорируя вздох удивления, и отнес в гардеробную.

— Что это за хрень? — завопила она в этом гуле сирен.

Табер швырнул Рони одежду и сам с молниеносной быстротой влез в джинсы и футболку. Они быстро обулись в кожаные кроссовки и вылетели из комнаты.

Табер обеспокоенно покосился на револьвер, который Рони, настояв, все же взяла с собой. Если честно, он бы не осудил ее и даже не удивился бы, если бы она направила оружие в его сторону. Табер чертовски хорошо знал, что Рони отличный стрелок.

Он сам научил ее стрелять.

Глава 21

— И что, отцу уже нельзя навестить свою гребаную дочь без того, чтобы на него не напали? Она мой ребенок, я имею право знать, жива она или нет.

Рони споткнулась, услышав голос отца, эхом отдавшийся в доме. Она словно примерзла к ступеньке лестницы на полпути вниз. Табер остановился позади нее, спокойный и молчаливый, внимательно за ней наблюдая.

Она была слишком напряженной, почти испуганной, настороженной. Как олень, который почуял опасность, но не понимает, откуда ее ждать.

Реджинальд Эндрюс был одним из худших отцов, которых когда-либо знал Табер. Его единственным оправданием, единственной причиной того, почему он до сих пор жил, было то, что он никогда не поднимал на Рони руку. В противном случае Табер убил бы его много лет назад.

— Мистер Эндрюс, это не объясняет, зачем вы пытались проникнуть на территорию. Почему бы просто не нажать кнопку звонка на воротах? — Голос Кэллана был холодным и резким, как зимняя ночь. Он звенел от ярости.

Реджинальд, как всегда, оправдывался. Громко.

Табер видел, как глубоко и тяжело Рони дышит. Он мог почти чувствовать наполнявшие ее отвращение и нежелание видеть отца, которое и заставляло ее оставаться на месте. Но он чувствовал и кое-что еще. Трясины эмоций, которые, казалось, готовы были ее поглотить. Он приблизился к ней, полный решимости защитить.

Табер положил одну руку Рони на талию и склонился к ней, его подбородок коснулся ее плеча.

— Мы могли бы вернуться в комнату. Игнорируй его. Если ты не пойдешь туда, Кэллан воспримет это как молчаливое разрешение. Этого ублюдка выкинут вон.

Он прошептал эти слова так тихо, что только она услышала его. Табер подошел совсем близко, и его тепло и молчаливая поддержка словно укутали ее. Он защитит ее, чего бы это ни стоило.

Рони судорожно сглотнула, и он буквально кожей ощутил, как она пытается собрать силы, чтобы предстать перед лицом бушующего в коридоре мужчины.

— Нет. — Она наконец тряхнула головой и сделала шаг назад, засовывая револьвер, который он дал ей, за пояс джинсов. — Я разберусь с ним.

Но она не хотела. Табер отчетливо видел, что было в ее отношении с отцом что-то еще, что пугало ее до чертиков. Прежде чем он успел спросить ее об этом, Рони грациозно начала спускаться по лестнице, ее рука легко касалась перил, плечи были выпрямлены. Царственная, как принцесса, и такая решительная. Табер почувствовал, как щемит его сердце. Ему хотелось защитить ее от всего мира.

— Почему ты здесь, Реджинальд?

Ей пришлось возвысить голос, чтобы перекрыть его взрывную тираду по поводу благополучия своего любимого единственного ребенка. Табера затошнило от этих слов.

Реджинальд сильно постарел с тех пор, как Табер видел его в последний раз. Его темные волосы были почти полностью седые и сильно поредели. Он пытался скрыть это, отравив волосы и зачесывая их на сторону. Вид у него был с этой прической шутовской.

Его карие глаза были тусклыми, щеки горели румянцем от пьянства. Реджинальд разжирел. При росте в сто восемьдесят сантиметров он уже не казался таким мускулистым и сильным, как пять лет назад.

Как Рони шагнула в прихожую, все взгляды обратились к ней. У дверей стояли несколько людей из Пород. Они были начеку, их руки лежали на оружии, взгляды не отрывались от Реджинальда.

— Рони. — В его улыбке было больше расчета, чем любви.

Кэллан тоже это заметил, его глаза сузились от отвращения к происходящему.

Табер внимательно наблюдал за ним, и он тоже заметил в его взгляде на дочь вспышку ненависти, которую Реджинальд попытался скрыть.

Табер быстро спустился вниз, намеренно оказавшись между Рони и ее отцом, каждый инстинкт в нем кричал, что ее нужно защитить от угрозы, которую собой представляет Реджинальд.

Рони остановилась, когда он преградил ей путь.

— Табер. — Она положила руку на его руку, и он отвел ее в сторону, не позволяя оказаться впереди.

В ответ на его движение шагнули вперед и остальные, прищурившись и заняв оборонительную позицию. Их руки теперь сжимали оружие, они готовы были действовать.

— Почему ты здесь, Реджи? — Табер решил не заморачиваться с формальностями. Рони была расстроена, его собственные инстинкты вопили об опасности, и будь он проклят, если станет тянуть кота за хвост.

— Ну, она моя дочь.

Голос Реджинальда смягчился, но он не смог скрыть вонь собственной лжи. Он пришел сюда явно не для того, чтобы убедиться в безопасности Рони. Он сам своим появлением подвергал ее опасности.

— Прекрасное время, чтобы вспомнить. — Табер зарычал, обнажая клыки, и он точно знал, что Реджинальд увидит их. Он ощутил удовлетворение, когда румянец на лице мужчины сменился бледностью. — Я не помню, чтобы раньше ты часто об этом вспоминал.

— Я могу справиться с Реджинальдом, Табер. — Рони уперлась руками в его тяжелое тело, пытаясь заставить его отойти в сторону. Обойти уже было нельзя — другие Породы сгрудились вокруг таким образом, чтобы в случае чего отец не смог ее коснуться.

— Табер, по крайней мере, позволь мне увидеть мою маленькую девочку. — Голос Реджинальда был мягким, слишком мирным для того, чтобы Табер ему поверил.

— Табер, черт, я могу справиться с этим. — Рони пнула его по коленке. И это точно не был нежный тычок возлюбленной. Черт, у нее сильные ноги.

Он повернулся, чтобы предостерегающе посмотреть на нее.

— Не смотри на меня так, — отрезала она, решительно нахмурившись. — Уйди с дороги. Я разберусь с ним, и потом — пусть выметается.

Рони собиралась еще раз пнуть его, Табер видел это в ее глазах.

Черт, он любил, когда она к нему прикасалась. Он улыбнулся ей. Медленно, оскалив зубы, напоминая о сексуальном возмездии. И обрадовался, увидев, как расширились ее глаза, почувствовав едва уловимую ответную пульсацию, едва уловимый запах — сладкий, чистый запах возбуждения, донесшийся от ее тела.

Он медленно отступил, его рука потянулась и обхватила ее за талию, сжалась на бедре, чтобы убедиться, что Рони останется рядом на случай опасности.

— Пф-ф-ф. Я вижу, что вы прекрасно ладите. — Реджинальд не смог скрыть злобу в голосе.

Его оскорбительный тон заставил Табера напрячься. Он был почти готов разорвать этого ублюдка на куски.

— Спустил все деньги? — спросила она мягко.

Ее голос был ровный и насмешливый, но Табер почувствовал гнев, он чувствовал, что творится у нее внутри.

Реджинальд крикнул.

— Они сожгли дом. Фотографии мамы, одеяла, все пропало.

Рони заметно дернулась. Табер пронзил мужчину взглядом, который обещал возмездие, предупреждающее рычание вырвалось из его груди. Реджинальд намеренно причинял ей боль, тщательно подбирая слова, ударяя туда, где она была наиболее уязвима.

Он посмотрел на Табера с опаской.

— Ты раньше был вежливее, Табер, — он вздохнул так, будто был разочарован оказываемым приемом.

— А ты раньше был умнее, Реджи, — ответил тот тихо, едва сдерживая себя. Ему бы только понять, что надо отцу Рони. Тогда он почувствовал бы себя увереннее. — Ты увидел ее. С ней все хорошо. Теперь можешь идти.

— Рони, ты позволишь им меня выгнать? — Реджинальд повернулся к своей дочери, его скулящий голос давил Таберу на уши. Сдерживаться было реально тяжело.

— Из-за твоих фотографий на всех экранах и из-за того, что ты связана с этим... — Реджинальд сделал паузу, издеваясь над ней, — ...человеком, которого ищет весь мир. Я уже даже не могу найти достойную работу в старых местах.

«Старые места» наверняка были вне закона.

— Надо было тратить последние доллары с умом, Реджинальд.

Она пыталась говорить безразлично и холодно, но Табер мог слышать боль в ее голосе.

— Это не мой дом. Мой сгорел дотла. Помнишь? Я не имею права определять, кто остается, а кто уходит.

Реджинальд бросил в сторону Кэллана расчетливый взгляд.

— Ты собираешься выбросить отца Рони на улицу? У меня из-за этого будет куча проблем, Кэллан, ты же понимаешь?

Кэллан смотрел на Рони, Табер тоже.

— У тебя есть семья, — напомнила Рони отцу почти отчаянно. — Я дам тебе деньги, Реджинальд...

Она замерла, Табер мог слышать ее прерывистое дыхание.

— У меня нет с собой кошелька, но я позвоню в банк. Я дам тебе денег...

— Нет, Рони, солнышко, ты же знаешь, что мои братья даже на порог своих роскошных гребаных домов меня не пустят. Ты же понимаешь, они отвернулись от нас, как обычно.

Это было правдой. Но виноват в том, что его семья буквально отсеклась от него, был Реджи, никто иной.

— В доме сейчас нет места, Реджинальд. — Кэллан, наконец, шагнул вперед. — Мы можем поселить вас в бараке на другой стороне поместья. Есть несколько пустых коек.

Взгляд Реджинальда не отрывался от Рони. Он смотрел на нее, как удав смотрит на кролика. Холодно, обдуманно, практично.

— Хорошо поступаешь, Кэллан, — наконец, тихо сказал он.

Табер почувствовал холодок, пробежавший по спине Рони. Она испугалась. Он чувствовал это, чувствовал запах страха, исходящий от ее тела.

Рони напряглась, сдерживая себя, и жестко и прямо уставилась на отца.

— Не создавай здесь проблем, Реджинальд, — предупредила она, судя по голосу, ее душила злость. — Я не стану нести ответственность за то, что с тобой сделают, если ты попытаешься.

Табер взглянул на нее, сдерживая свое удивление. Он никогда не слышал, чтобы Рони кому-то кроме него угрожала. И уж точно не своему назойливому, продажному отцу.

— Рони, как тебе не стыдно? Теперь эти добрые люди решат, что я могу создать проблемы. — Он даже не моргнул, не отвел от нее взгляда. — Ты же знаешь, я такой общительный человек. Им с моей стороны ничего не угрожает.

Табер напрягся в ответ на скрытую угрозу, направленную на Рони. Она пульсировала в воздухе вокруг них и заставила подняться дыбом тонкие волоски на его шее.

Он хотел бы выволочь этого сукина сына вон и бросить на улице, сказав ему, чтобы сам о себе заботился. Как только Рони подросла настолько, чтобы устроиться на подработку, он присосался к ней, как пиявка. Некому было защищать ее раньше, но теперь, Господь свидетель, он ее защитит.

— Мерк, проводи мистера Эндрюса в двухэтажный барак для рабочих, — приказал Кэллан одному из здоровенных охранников.

Меркюри был шести с половиной футов ростом, мускулист и так похож лицом на дикую кошку, что его нельзя было выпускать наружу без боязни спровоцировать бойню. Он был суровым, холодным, настоящая машина для убийства и один из самых верных, честных людей, которых Табер когда-либо знал.

— Он может занять койку рядом с моей. — Тонкие губы растянулись в холодной улыбке, жуткие янтарные глаза заблестели холодным пониманием. Мерк был не дурак.

— Нам нужно поговорить, Рони. — Реджинальд тонко улыбнулся, когда Мерк крепко схватил его за руку. — Все обсудить, понимаешь?

— Я думаю, мы все обсудили на прошлой неделе, Реджинальд, — твердо ответила она голосом, холодным как айсберг. — Наслаждайся своим пребыванием здесь. Но я сомневаюсь, что найду время тебя навестить.

— А может, ты захочешь найти время. — Реджинальд попытался вытащить руку из хватки Мерка, уводящего его прочь. — Подумай об этом, Рони. Хорошо подумай.

Дверь закрылась, его слова повисли в воздухе.

Табер не сводил внимательного взгляда со своей пары, его ум работал, перебирая возможные опасности.

— Не хочешь ли ты объяснить мне, что происходит, Рони? — мягко спросил он ее, понимая, что к ним обратились все взгляды.

Рони медленно подняла голову, но недостаточно медленно, чтобы Табер упустил вспышку страха, которую она попыталась скрыть.

— Конечно, Табер. — Ему не понравилась эта ленивая жесткая улыбка, скривившая ее губы. — Я буду более чем счастлива, как только ты ответишь на вопрос, который я задала тебе раньше. Как только, так сразу, малыш. — Она ткнула его в бок локтем, изображая игривое настроение. — Просто дай мне знать, когда будешь готов поговорить.

Она обернулась, снова направилась к лестнице и почти взбежала по ней. Наверняка ей хотелось сбежать, скрыться, как она и делала, когда была младше. Обычно Рони убегала куда глаза глядят. Обычно Табер находил ее уже ночью, испуганную и потерянную.

Теперь он тоже наверняка найдет ее.

— Табер, у нас могут быть проблемы. — Кэллан подошел ближе и достал небольшое суперчувствительное приемное устройство из кармана брюк. — Я нашел это в офисе, когда Мерк сообщил мне, кто такой Реджи.

Это был обычный «жучок», один из тех, которые выдавали американским военным.

— Старый добрый Реджинальд передавал наши разговоры, хрен знает, куда. Наша главная проблема — выяснить, кто его нанял.

Глава 22

— Лучший способ выяснить, что он задумал, это держать его от Рони как можно дальше, — сказал Табер, когда мужчины собрались рано утром в большом офисе на

первом этаже.

Кэллан, Таннер, Мерк, Кейн и другие спокойно смотрели на него.

— Ты знал его лучше, чем мы. — Кэллан пожал плечами. — Ты думаешь, он согласится?

Табер крякнул.

— Реджинальд – обычная дешевка. У него нет мозгов, он думает только, как напиться и что-нибудь своровать, так что, я думаю, у нас два варианта. Он хочет денег сам, или кто-то его нанял. Когда у него есть инструкции, он очень исполнительен.

Табер нахмурился, подсчитывая, сколько грязных дел Реджинальд провернул в течение последних десяти лет. Самые коварные и опасные его делишки были как раз работой на других.

— Я бы предположил, что он на кого-то работает, — заговорил Кейн. — Я поковырялся в его досье вчера вечером, после того, как Мерк увел его в казарму. Еще парочка звонков, и добавилась информация из моих источников. Мистер Эндрюс в прошлом работал с очень опасными людьми. Мужчины, которым хватит ума, чтобы использовать его для получения доступа к Веронике. Да даже если они заполучат ее, я сомневаюсь, что все закончится.

Все они были осведомлены о том, что Совет теперь отчаянно пытается узнать значение метки Меринас и результаты тестов, которые провели с Породами в лабораториях тремя месяцами ранее. Гормональные изменения в ее крови и другие тесты повергли ученый мир в шок. Понимание того, что она может зачать, несмотря на то, что человеческих генов в сперме Кэллана было мало, потрясло их еще больше.

Открытие собственных ученых поразило их до предела. Вовсе не содержащиеся в семяизвержении сперматозоиды стали причиной беременности. Настоящей причиной стала сперма, содержащаяся в небольшой шишке в головке члена, которая активизировалась только во время секса с Меринас.

— И все же он должен думать, что может добиться ее расположения.

Мерк недвижно сидел в своем кресле, и Табер чувствовал его нетерпение, его дискомфорт. Мерк был создан в почти полной изоляции. Не было прайда, чтобы поддержать его, не было друзей, близких. Когда его нашли, он был совершенно один. Сидеть в закрытом кабинете с другими людьми ему было нелегко.

— Это почему же? — осторожно спросил Табер. Такая же идея пришла к нему вчера вечером.

— Он очень хочет до нее добраться. Настаивает, что хочет увидеть свою маленькую девочку. — Он с иронией произнес последние два слова. — Он не ее отец, кстати.

Табер уставился на него в изумлении.

— Он сказал тебе это?

— Ему не надо было говорить мне. — Мерк фыркнул. — Вы и сами можете почувствовать, если не будете торопиться. Между ними нет родства. Запахи не связаны.

Табер посмотрел на Кэллана. Его лидер не упомянул эту способность нового члена их прайда. Кэллан только поднял плечи в ответ и коротко покачал головой. Очевидно, он тоже не знал о них.

— То есть «запахи не связаны»? — спросил Табер, глядя на него с любопытством.

Мерк наклонился вперед в своем кресле, нахмурился.

— Всякий, рожденный от той же крови, имеет уникальную связь со своими родственниками. Связь по запаху. Требуется просто обнаружить и отделить запахи, чтобы понять это. Реджинальд Эндрюс не разделяет этой связи с женщиной, которую называет своей дочерью. Он не имеет к ней никакого отношения.

Это имело смысл. Пазл жизни Рони стал складываться.

— Значит, если он не имеет к ней никакого отношения, ничто не удержит его от того, чтобы причинить Рони боль, — сказал Кейн.

Табер фыркнул.

— Его никогда ничего не держало. Реджинальд мать родную продаст работорговцам,

если это принесет ему достаточно денег. С чем он и имеет связь, так это с кошельком и бутылкой вина.

Он поднялся со стула, зашагал по комнате. Он сознавал, что взгляд Кэллана преследует его и чувствовал на себе взгляды других членов собрания.

— Какие у вас отношения? — спросил Кэллан.

Табер покачал головой. Он не собирался обсуждать это с любым из них. Черт, он не был уверен, что знал ответ сам.

— Она, похоже, была не слишком довольна им прошлой ночью. — Таннер усмехнулся. — Похоже, он что-то скрывает от нее. Дай угадаю, ты не сказал ей о маленькой членотайне, да?

Табер буквально пронзил своего младшего брата взглядом.

Таннер быстро стер улыбку с лица, но края губ его все еще кривились.

Кейн хмыкнул. И этому тоже дай только повод. Готов веселиться от чего угодно.

— Кто бы ни нанял Эндрюса, он недалеко, — заговорил Кэллан, переводя разговор в нужное русло. — Они должны быть где-то рядом.

— И ему придется вступить в контакт довольно скоро, и без «жучков», которые он притащил на своей рубашке. — Голос Мерка был полон смерти. — Эти пуговицы были произведением искусства, позвольте мне вам сказать. Жаль, что рубашка попала в стирку. Нельзя было оставлять ее валяться, где попало.

— Да, дерьмо случается. — Табер холодно улыбнулся. Ему очень хотелось увидеть реакцию Реджинальда, когда он поймет, что остался один. — Держи его под прицелом. Мне нужен отчет обо всем, что он говорит, на территории и за пределами поместья. Может, удастся выяснить, кто его хозяева.

— У меня есть несколько людей, — заговорил Кейн. — Одного из них мы можем использовать, чтобы подобраться к нему. Временами мои люди могут изображать и ненависть к Породам.

Табер глубоко вздохнул. Были времена, когда он сам верил в эту ненависть.

— Тогда мы будем просто сидеть и ждать.

Ожидание никогда не было трудно для него, раньше он считался самым терпеливым из трех мужчин его прайда — но, черт побери, сейчас его терпение трещало по швам.

— Подождем и посмотрим, как далеко мы сможем зайти.

Кейн пожал плечами и поднялся на ноги.

— Сегодня в поместье приедут рабочие, чтобы закончить забор вокруг территории. Держите женщин в доме, а шторы — закрытыми, пока они не уедут. Я не хочу рисковать. Я выставил посты охраны на всех входах. Как обычно.

Как обычно — то есть, для того, чтобы защитить их жизни.

— А как насчет нашего маленького вооруженного друга? — спросил Табер, удивляясь, что про наемника никто не спросил. — Он еще не заговорил?

— Пока нет. — Кейн пожал плечами. — Очень скоро это не будет иметь значения. Мы проверяем его и скоро узнаем все ответы. Когда придет отчет, я буду знать его каждый маленький грязный секрет. Проблем не будет.

Если Табер или Кэллан доберутся до него, и то и наемника тоже скоро не будет в живых.

— Ладно, каждый знает свою работу... — дверь в кабинет распахнулась, и Кэллан замолчал.

Табер удивленно обернулся, чтобы увидеть Рони. Она стояла там, короткое платье облегалось ее стройное тело, на лице — хмурое выражение, а глаза полыхают яростью.

Это платье могло свести его с ума. Мягкий кремовый цвет был идеальным фоном для ее кожи, оттеняя голубые глаза и румянец на щеках. Он хотел схватить ее за бедра и овладеть ею прямо там, загоняя член в ее киску, пока она не закричит от удовольствия.

— Смотри на это иначе, — пробормотал за его спиной Кейн. — По крайней мере, у тебя есть причина быть подкаблучником. Не нужно стыдиться.

Табер взглядом показал свое раздражение.

— Ты знаешь, Кейн, когда Шерра, наконец, решит разделаться с тобой, я буду наслаждаться местью за каждую твою саркастическую реплику. Прямо жду не дождусь.

— Мяу. — Кейн хмыкнул. — Удачи, Гарфилд. Увидимся.

— Рони? — спросил Табер, когда она не сдвинулась с места. — Все хорошо?

Все не было хорошо. Он чувствовал отчаянный жар, исходящий от ее тела, но одновременно еще и боль, которую она так усердно пыталась скрыть.

Она взглянула на других мужчин.

— Я вернусь позже. Я не знал, что ты занят.

— Все нормально. — Он покачал головой в ответ. — Мы почти закончили.

Он подошел к ней, удивляясь чувствительности собственной плоти. Как будто часть его жаждала только ее прикосновения. Это было странное чувство для человека, который никогда ни от кого не зависел.

Табер видел, что ей неловко присутствие остальных, ее взгляд метался по ним, потом она опустила глаза. Легкий румянец покрыл ее щеки и сделал ее еще красивее. Это его не удивило.

— Что случилось? — Он уткнулся носом ей в щеку, рукой нежно обхватил ее бедра, прижимая ее тело к своему.

— Ты в курсе, что случилось. — Ее голос был жестким, напряженным от лихорадки, обжигающей ее тело и прошедшей разрядом через Табера. — И даже не думай, что я забыла. А теперь позвольте мне поговорить с Реджинальдом и убедить его убраться отсюда. Отзовите своих псов.

— Это кошки, мисс Эндрюс, — Кейн рассмеялся. — Это другая порода.

Сразу несколько присутствующих зарычали в ответ на эти слова, и не последним из них был Табер. Его терпение в отношении шурина вот-вот грозило закончиться.

— Нет. — Он наконец повернулся к ней, и гнев тут же вспыхнул в ее глазах. — Пока нет, Рони. Пока я не знаю, насколько он опасен. Я не позволю тебе видеть его.

В ее глазах загорелось пламя, и его член тут же заныл от возбуждения и в предчувствии вызова, который она готовилась ему бросить.

— Ты мне не позволишь? — яростно зашипела она. — Ты мне не позволишь? С каких это пор, Табер Уильямс, у тебя появилось право что-то мне позволять?

Он напряженно улыбнулся, борясь с желанием показать ей, совершенно однозначно, почему он имеет на нее права. Она искушала его. Дразнила. Ее упрямство противостояло его собственному, и Табер намеревался показать ей, кто здесь главный. Так, чтобы в этом больше нельзя было усомниться.

— Когда я уложил тебя на пол и овладел тобой, — сообщил он ей холодно. — Тогда я и обрел право тебя защищать, пара.

Глава 23

Слова Табера эхом отдались по комнате, и офис мгновенно опустел. Его голос звенел от раздражения, смешанного с похотью, и ее нервы натянулись до предела, а кровь в венах

забурлила. Рони не могла понять, как ему удастся такое с ней творить. Во всем виноват этот чертов гормон, он продолжал заражать ее.

Да еще и поцелуй добавил масла в огонь.

— Ты не имеешь никакого права указывать мне, что делать, или как мне вести себя со своим собственным отцом, — отрезала она, захлопнув за собой дверь. — И к слову, я не принадлежу тебе только потому, что ты заразил меня.

— Заразил? — прорычал Табер. — Черт, Рони, это не болезнь.

— Поспори со мной, — рявкнула Рони в ответ, ярость и похоть смешались в ней. — Это больно, Табер. И мне это не нравится. — Но она бессовестно лгала. Рони сгорала от желания снова соединиться с ним и снова ощутить внутри опаляющий взрыв. — И мне нафиг не нужно твое собственническое отношение.

— Что ж, все плохо. — Он скрестил руки на груди и уставился на нее с остервенением во взгляде. — Но тебе просто придется жить с этим, вот и все.

Ее глаза угрожающе сузились, губы сжались в гнев. Теперь, если она перестанет думать о ноющей от желания груди и о том, что ее киска течет от похоти, может быть, ей и удастся послать его к черту. Трудно злиться, когда все, чего хочешь — это чтобы тебя трахнули.

— Табер, я теряю терпение. — Она резко вздохнула, проводя рукой по волосам и почти ненавидя это чувственное ощущение на обнаженной коже верхней части спины. Нельзя было позволять Меринас уговорить ее надеть это чертово платье.

— Почему? — Он рассмеялся от удивления. — Ради Бога, Рони, все, что я пытаюсь сделать, это защитить тебя, не запереть. Как только мы выясним, какого черта он задумал, я лично позволю тебе с ним разобраться.

Она посмотрела на него с обидой.

— Нет, ты не позволишь. Это может быть слишком опасно. — Она сказала последнее слово с издевкой.

Табер вздохнул, вызывая к ее совести.

— Разве это так плохо, Рони, что я хочу защитить тебя? — спросил он тихо, наблюдая за ней горящим, похотливым взглядом.

Ее глаза опустились к его бедрам, затем снова поднялись к лицу. Она проигнорировала проблеск веселья, который увидела в глазах Табера. Его член натянул джинсы так туго, что от одного только взгляда между ног Рони стало жарко.

— Таким образом — нет, — наконец, ответила она ему и шагнула ближе. Ее тело требовало его прикосновений. — Мне не нравится не иметь выбора, Табер.

Она коснулась его груди, и выражение лица Табера изменилось. Его большие, мозолистые ладони накрыли ее руки, его глаза закрылись и снова открылись, и в них Рони смогла увидеть призрачные глубины собственных страхов.

— Я знаю, это нелегко для тебя. — Его шепот погладил ее нервные окончания, как чувственный шелк.

Она позволила своим пальцам скользнуть по его коже. Она любила смотреть на его лицо в такие моменты, любила нежно касаться его тела. Глаза его затуманились, губы чуть припухли, высокие скулы затопил темный румянец.

— Постоянное возбуждение делает меня раздражительной, Табер. — Рони прислонилась к нему, прижимаясь нижней частью живота к его паху. — Мне хочется кого-нибудь укусить.

Она наклонилась вперед ихватила зубами его напрягшийся сосок, позволив себе чуть его прикусить.

Его стон разрушил тишину комнаты, его руки переместились на ее бедра, прижимая ее к себе так сильно, что могли бы остаться синяки.

— Тогда не отказывай себе. Укуси меня везде, где только захочешь. — Он почти задохнулся, когда ее язык потер отвердевший сосок. — Черт, Рони. Боже, да.

Она чувствовала, как материал платья ползет вверх по бедрам под жадными пальцами

Табера. Рони потерлась грудью о его грудь. Она чувствовала жар его плоти, проникающий через мягкий хлопок рубашки. Под кожей медленно разгорался огонь желания.

— Ты нужен мне, - прошептала она, подняв голову от его груди и нервно облизывая губы. — Сейчас.

Невольный стон сорвался с губ Рони, когда рука Табера обхватила обнаженные ягодицы, сжимая упругие полушария и приподнимая ее, так, что она оказалась прижата к его паху.

Ее пальцы скользнули по ткани рубашки, желание пронзало ее, как молния. Рони не терпелось. Ее пальцы сжали края и потянули, отрывая пуговицы, разрывая ткань, и Табер зарычал от возбуждения.

— Когда захочешь, детка, — прошептал он. — Как захочешь.

Он задрал ей платье до пояса, его пальцы зацепили резинку ее трусиков и резко разорвали тонкую ткань. Теперь между его пальцами и ее телом не было никакого барьера, и пальцы Табера скользнули прямо к ее киске.

Она была такой мокрой, такой скользкой от соков возбуждения. Пальцы легко заскользили по половым губам. Он медленно обвел большим пальцем ее клитор, другой рукой удерживая Рони на месте. Она тонула в жаре, в сексуальном отчаянии.

Рони задержалась под его пальцами, движения Табера сводили ее с ума. Она открыла рот в беззвучном стоне желания, и он впился в ее губы, его язык требовательно вонзился в нее, настойчиво и не признавая отказа. Губы Рони сомкнулись на его языке, так отчаянно, что это почти напугало ее саму.

Сладкий мед гормона хлынул в ее рот. Она чувствовала его. Сначала ощущался только сладкий вкус, но затем гормон хлынул в кровь, и кипящее возбуждение прожгло соски и набухший клитор.

— Хорошая девочка, - оторвавшись от губ Рони и глядя на нее сверху вниз, прошептал Табер.

Его язык заплетался, его взгляд пылал. Двумя пальцами он раздвинул половые губы Рони и погрузился внутрь ее тугой киски.

Рони приподнялась на цыпочки, почти закричав от пронзившего ее наслаждения. Его пальцы безжалостно вонзились в нее еще раз, раздвигая упругую плоть, работая резко и жестко, контролируя ритм движений, терзающих ее кистку.

— Табер. — Ее пальцы коснулись пряжки его ремня, отчаянно пытаясь высвободить из джинсов возбужденный член.

Она нуждалась в нем, и не могла это контролировать — и она *не хотела* это контролировать. Жесткие и быстрые движения пальцев в ее киске уже довели ее до края, Рони словно сходила с ума.

— Как же я хочу погрузиться в эту тугую маленькую кистку, — прошептал он, его голос напоминал гортанный, вибрирующий звериный рык.

Ее кистка сжалась, и Табер застонал прямо Рони в губы, жадно облизывая их языком.

— Кончи для меня, детка. Позволь мне почувствовать, как ты кончишь.

Его голос сводил ее с ума. Его пальцы трахали ее сжимающееся лоно, сводя ее с ума, посылая волны удовольствия по телу.

Рони задышалась. Она буквально чувствовала, как внутри нее сжимается пружина, готовая вот-вот распрямиться. Она пыталась вдохнуть, а его пальцы безжалостно вонзались в нее — еще глубже, поглаживая нервные окончания, заставляя ее трепетать от каждого пронзающего кистку толчка.

— Табер, я больше не могу... — она выгнулась на его терзающих кистку пальцах, балансируя на краю.

— Давай же — Он нащупал большим пальцем горячий набухший бутон ее клитора, не прекращая трахать ее кистку. — Кончи для меня, детка. Дай мне почувствовать, как ты кончишь, Рони.

Горячие хлюпающие звуки секса наполнили комнату. Влажные звуки входящих и

выходящих из Рони пальцев, ее собственные стоны, пошлые и откровенные слова Табера — и она полетела в бездну.

Ее спина изогнулась, когда оргазм нахлынул на нее. Словно молнии танцевали на ее коже, ударяя в клитор одна за другой, жар опалил ее влагалище, взорвавшись вспышкой ослепляющего экстаза. Рони чувствовала, как ее тело взрывается, ее киска сжалась, и Табер застонал, продолжая двигать пальцами в ее горячей вагине. Рони несколько раз с силой насадила себя на его жесткие пальцы и затряслась в конвульсиях освобождения.

— Черт, да, - простонал он, удерживая Рони, пока она дрожала в оргазме. — Давай, детка. Вот так, вот так. Кончай, кончай под моими пальцами, хорошая девочка.

Рони почувствовала на щеках слезы. Она трепетала в объятиях Табера, ощущения схлынули и снова нахлынули на нее, когда он пошевелил пальцами внутри ее киски.

Сознание стало возвращаться к ней от прикосновения ягодич к деревянной поверхности стола. Она была слабой и дрожала от неожиданно сильного оргазма, и даже не могла стоять на ногах. Затуманенным взором Рони наблюдала за Табером, который раздвинул ее бедра и жадно уставился на ее голую киску.

— Как же я хочу эту сладкую киску, — зарычал он, расстегивая металлические кнопки джинсов. — Не могу думать ни о чем другом. Я хочу всадить в тебя свой член, Рони, так глубоко и жестко, чтобы мы оба закричали от удовольствия.

Глава 24

Табер горел лихорадкой похоти, так ярко, так сильно, словно каждая клетка в его теле готова была вот-вот взорваться. Его пальцы дрожали, как у подростка. Он расстегнул

маленькие жемчужные пуговички на платье Рони и распахнул его, обнажив полную тяжелую и такую прекрасную грудь. Табер не знал, за что сначала приняться. Захватить губами торчащий сосок, вонзиться в горячую вагину и трахать ее, пока они оба не умрут от наслаждения... или облизать припухшую киску, пробуя на вкус ее соки.

Он облизал губы, глядя на нее, член занял от желания погрузиться внутрь тугой киски. Его рот наполнился слюной.

— Поиграй с клитором. — Табер развел бедра Рони, глядя на нее с желанием, которое отчаянно требовало выхода.

Она захныкала. Низкий, отчаянный звук, от которого его член дернулся в ответ.

— Поиграй с ним, детка, - сказал он мягко, наблюдая, как ее дрожащие пальцы скользят вниз по мягкой округлости живота. — Вот так, да. Почувствуй, какая ты влажная и горячая.

Это была самая захватывающая вещь, которую он когда-либо видел в своей жизни. Ее пальцы, тонкие и изящные, опустились на мягкие завитки, окружающие набухший бутон клитора, раздвигая припухшие половые губы, касаясь самой чувствительной точки.

— О да, милая, — он поддерживал ее, задыхаясь от волнения. — Давай же, двигай пальцами, Рони. Я хочу видеть, как ты трахаешь себя. Как ты трахаешь своими пальчиками эту красивую киску.

Она всхлипнула, краснея, взгляд затуманился от похоти, бедра задрожали в его руках.

— О, вот так, хорошая девочка.

Руки Табера крепко сжали ее бедра. Он смотрел, как пальцы Рони скользят вниз в узкую щель, как раздвигают плоть, впервые оказавшись в искушающей глубине киски.

— Почувствуй, какая она горячая, — он едва мог говорить от желания. — Я собираюсь трахать ее так сильно и так долго, что ты никогда не сможешь это забыть.

Рука Рони дернулась, из ее груди вырвался стон, пальцы скользили в горячей влажной киске.

Его член отозвался на этот стон мучительной пульсацией. Рони уперлась разведенными ногами в край стола, и Табер, раздвинув ее половые губы одной рукой, другой рукой взялся за член, приготовившись скользнуть в сладкую глубину.

— Я сейчас умру! — Ее крик был смесью страха, похоти и отчаяния.

Ее пальцы снова погрузились в вагину. Показались обратно. Бедра Рони дернулись вверх в ответ на это движение.

— Да, детка, — простонал Табер. — Чувствуешь, какие скользкие твои пальцы, чувствуешь свои соки? Я хочу попробовать их на вкус, я хочу сосать твои пальцы, пока буду трахать тебя.

И Рони кончила.

Ее клитор разбух, запульсировал и заблестел от новой порции смазки. Ее плоть сжалась, тело задергалось, с губ сорвались отчаянные всхлипы. Табер не смог больше ждать.

Он схватил ее за запястье, потянул к себе и с болезненным возгласом наслаждения засунул скользкие пальцы Рони в рот. Головка члена уперлась в ее вход, Табер поймал взгляд Рони, и облизал ее пальцы, одновременно вонзаясь глубоко в ее киску.

— О черт. — Его спина изогнулась. Мышцы влагалища Рони крепко обхватили его член. — Как сладко, Рони! — простонал Табер, обсасывая ее пальцы. — Моя хорошая девочка. О да, детка, хорошо. Ты такая тугая.

Ее стоны теперь не прекращались. Рони шептала его имя, просила трахнуть ее — еще глубже, еще сильнее. Но он пока держался, пока не двигался, позволяя себе насладиться ощущением ее киски, сжавшей в своих горячих и сладких глубинах его член.

— Так хорошо.

Табер облизал с ее пальцев последнюю каплю сладкого нектара, потом прижал ее ладонь к столу и задержал там, молчаливо прося не двигаться.

Рони уставилась на него, ее глаза расширились, она облизала губы, задыхаясь в жаре возбуждения, наполнившем воздух вокруг них.

Его взгляд опустился вниз к ее бедрам, первобытный рокот хищника вырвался из его груди.

— Моя киска. — Он вышел из нее, легко скользнув наружу. Бедра и половые губы Рони блестили от соков. — Моя красивая, горячая киска.

Табер с трудом удерживался от того, чтобы грубо вонзиться в ее вагину, боролся с оргазмом, чтобы еще мгновение наслаждаться ощущением ее тугой киски, почти болезненно сомкнувшейся на его члене.

Яйца болели, пульсировали, готовясь вот-вот излить горячую сперму в нежные глубины. Его тело просто полыхало от жара. Ощущения разрядом молнии прошли по его спине. Табер вышел из Рони и медленно вошел в нее, рыча от наслаждения, чувствуя, как она снова туго его обхватывает, как сочится сладким нектаром.

— Да, детка, так хорошо. — Она снова сжалась вокруг него, когда член скользнул внутрь и медленно вышел наружу. — Вот так, моя сладкая, вот так. Боже, как же я люблю трахать тебя, Рони.

Он больше не мог сдерживаться. Каждая клетка в его теле трепетала. Ее киска пылала огнем вокруг его плоти, ее мольбы разжигали пламя в его разуме.

Табер задвигался все быстрее, теряя способность мыслить трезво, думая только о том, как глубоко он в нее вонзается, как нежно и сладко у нее внутри, как сжимается вокруг него ее киска. Он готов был кончить. Шишка на головке члена стала набухать, готовясь взорваться горячей волной семени.

— Детка.

Табер двигался внутри жестко и глубоко, влажные звуки их секса наполняли воздух. Ему хотелось вонзиться в нее еще глубже, еще сильнее, хотелось, чтобы ее киска снова и снова сжимала его. Сильнее. Еще сильнее.

— Черт, да. Да.

Табер сжал руками бедра Рони, и она взорвалась в оргазме, сжимаясь и пульсируя под ним, заставляя его застонать от наслаждения.

Табер не мог больше сдерживаться. Он запрокинул голову, пот стекал с его волос, разум затуманился. Он замер, чувствуя, как надулась шишка на головке члена, запирая его внутри, не позволяя ему двинуться с места, пока горячие струи семени выбрасывались в плодородные глубины ее тела.

Наслаждение заставило его тело задрожать, забиться в конвульсиях, и Табер зарычал, снова и снова. Животное внутри праздновало победу. Мужчина наслаждался тем, что только что произошло.

Его. Его женщина. Его киска. Все его.

Глава 25

— Табер, у нас движение за пределами дома. Я посылаю Дон и Шерру, чтобы защитить Мериас и Рони в их комнатах, но ты мне нужен здесь.

Звонок раздался после полуночи, всего через несколько часов после того, как Табера и Рони наконец сморил усталый сон.

После безумного оргазма в офисе он принес ее обратно в комнату. Они просто поспят, уверял он себя. Но весь остаток дня они провели в спальне, выходя только, чтобы поесть.

Сонливость покинула его мозг при резких звуках голоса Кейна.

— Я уже иду, - сказал Табер тихо, сползая с кровати. — Они близко?

— Слишком близко. Мои люди обеспечивают безопасности за пределами дома. Вы и Кэллан заботитесь о безопасности внутри. У нас куча дыр, которые мы не успели залатать. Я буду держать тебя в курсе.

— Блядь, — выругался Табер, поднимая с пола джинсы и бросаясь за оружием к стенному шкафу в ванной.

Рони следовала за ним.

— Это превращается в дурную привычку, — бормотала она, натягивая спортивные штаны и свободную футболку, поданную Табером. Меринас скоро останется без одежды, если Рони не позаботится о том, чтобы купить свою.

— Оставайся в комнате. Дон будет здесь через минуту, она побудет с тобой, - мягко приказал ей Табер. — Держи шторы закрытыми и не подходи к балконной двери. Здесь ты будешь в безопасности. По дому пока даже не вздумай перемещаться. Дон знает, что делать, детка. Просто крикни, если я понадобится.

Табер вернул ей отнятый накануне пистолет и добавил пару обоев, прежде чем снять со стены автомат.

— Я сначала стреляю, а потом кричу. Помнишь? — Рони натянула кроссовки и быстро зашнуровала их, прежде чем последовать за ним в комнату.

Табер двигался осторожно, его тело напряглось, готовое к действию. Рони не говорила. Она молча дошла следом за ним до двери в гостиную, где он остановился и пристально посмотрел на нее.

— Здесь ты будешь в безопасности. — Табер повернулся, его губы прижались к ее губам в быстром жестком поцелуе, прежде чем он переступил порог. — Запри за мной дверь и никого не впускай, Рони. Никого, кроме меня. Ты поняла?

Она пристально посмотрела на него.

— Я понимаю. Никого, кроме тебя.

— Хорошая девочка. — Его голос был таким сексуальным. Она нахмурилась, недовольная своей реакцией. — Закрой дверь сейчас же.

Табер медленно открыл дверь, двигаясь с медленной ленивой грацией человека, всю жизнь проводящего в опасности. Он так привык к ощущению угрозы, что двигался с осторожностью уже неосознанно, независимо от того, где был или что делал.

Он вышел за дверь, придержав ее открытой, чтобы внутрь смогла проскользнуть маленькая безмолвная фигурка сестры. Взглянув на Рони в последний раз, Табер закрыл панель. Рони тут же заперлась на замок, затем задвинула стальной засов. Породы запирали свои спальни крепче, чем иные люди запирали свои дома. Рони прислонилась головой к толстым деревянным панелям, пытаясь сдержать слезы.

Она не слышала никого и ничего по ту сторону двери. Рони знала, что тяжелое ковровое покрытие может приглушать звуки, но помнила и о том, что в доме для безопасности постоянно остается несколько мужчин. Породы не спускали глаз с жены своего лидера, матери первого ребенка в прайде. Все предосторожности были направлены на то, чтобы отвести опасность от Меринас и от Рони.

— С ним все будет нормально.

Раздавшийся позади Рони голос Дон Дэниелс был мягким, спокойным — похожим на мурлыканье.

Рони сделала глубокий вдох, отталкиваясь от двери, и повернулась лицом к другой женщине. Табер сказал ей, что Дон была существом из Кошачьих пород, Породой Кугуар,

и человеческое ДНК в ней было смешано с ДНК этих красивых грациозных горных кошек. Рони она чем-то напомнила котенка.

Дон была стройной, почти хрупкой. На несколько дюймов ниже, чем Рони, и, несмотря на то, что она была как минимум на несколько лет старше, выглядела Дон как подросток. Совсем юный подросток, если не обращать внимания на перекинутую через плечо автоматическую винтовку, которую Дон носила так, словно родилась с ней, и не заглядывать в ее настороженные глаза.

Дон мялась в нерешительности, пока Рони рассматривала ее в пробивающемся из другой комнаты тусклом свете. Длинной до плеч густые, рыжевато-каштановые волосы обрамляли сердцевидное личико девушки непослушными локонами

— Спасибо, что осталась со мной, — негромко сказала Рони.

Усевшись на диван, она попыталась унять нервную дрожь в руках. Положила пистолет на подушку рядом с собой и свернулась в углу, наблюдая за Дон.

Та последовала ее примеру, но уселась на стул напротив, уперев винтовку в колено и глядя на Рони с застенчивым любопытством.

— Табер - один из наших лучших бойцов, - сказала она мягким мелодичным голосом. — Он никому не позволит пробраться сюда. И если кто-то прорвется, я разберусь с ним

В последних словах слышался металл. В комнате царил полумрак, но Рони все-таки увидела вспышку гнева в глазах девушки.

У Рони не было возможности поговорить с Дон или кем-то еще из семьи. Даже в Сэнди Хук никто не мог бы сказать, что знает Дон. Ее редко можно было там увидеть, да и тогда она почти ни с кем не общалась. Было что-то очень мягкое, почти душераздирающее в чертах ее лица. Как будто она несла на себе неизгладимый след пережитого кошмара.

— Поместье очень красивое, — сказала, Рони, наконец, когда молчание затянулось. Ей было необходимо сосредоточиться на чем-то другом, отвлечься от мысли об опасности, грозящей Таберу. — Как вы его нашли?

Насмешливая улыбка скривила полные губы Дон.

— Поместье нам отдали, собственно, в придачу к некоторой сумме денег — чтобы мы помогли Породам, разбежавшимся по свету. Некоторые члены Совета одновременно являются высокопоставленными чиновниками в правительстве. — Ее голос сочился иронией.

— Сколько вас всего? — спросила Рони с любопытством.

— Около сотни созданий из Кошачьей Породы на нашей стороне, они работают в Вашингтоне, чтобы обеспечить нам место в обществе. Многие пришли к нам в этом месяце... — ее голос затих, как будто мысль об этом вызвала боль в ее душе.

— Я сожалею. — Рони не знала, что сказать.

Легкая улыбка появилась на губах Дон, смягчая выражение ее лица.

— Не извиняйся, Рони. Мы живы — разве это не самое важное?

Было очевидно, что Дон часто задавала себе этот вопрос.

А что случилось с самой Дон? Рони не могла проникнуть в суть ауры печали, которая окружала девушку. Она видела, как менялись в ее присутствии мужчины. Грубый, бескомпромиссный мужлан вдруг успокаивался и начинал улыбаться. Мужчины, говорившие гадости не менее красивым женщинам, вдруг опускали глаза, стыдясь своих поступков.

Она не была красива красотой, которая вызывает аварии на дорогах. Она была стройная, нежная, с густыми шелковистыми волосами и большими карими глазами, которые всегда казались немного испуганными. И возможно, так и было, подумала Рони. Ее глаза рассказывали историю, которую сама Дон не решилась бы рассказать.

— Все на меня так смотрят.

Дон покачала головой в явном смущении.

Рони глубоко вздохнула.

— Мне очень жаль. Ты выглядишь... так грустно. Я никогда не понимала, почему.

— И сейчас не понимаешь? — В ее голосе не было злости, просто признание очевидного.

— Наверное, нет. — Рони медленно покачала головой. — Дело, как мне кажется, не только в том, что Породы стали известны обществу. Сколько тебе было, когда Кэллан вывел вас из лаборатории?

Рони попала в точку. Глаза Дон вспыхнули. Кошмар, воспоминания, ужас.

— Мне было пятнадцать. Шерре — восемнадцать. Это было более десяти лет назад. Кажется, только вчера. — Девушка покачала головой и устало улыбнулась. — Они заставили нас рассказать о лаборатории в ходе слушаний в Сенате, заставили выступать на закрытых судебных процессах против некоторых членов Совета. Шерра плакала. — Ее голос затих. — Как и в лаборатории, прежде чем Кэллан спас нас. Она не плакала с тех пор, как мы сбежали. Кэллан тогда увел ее с трибуны свидетеля и из зала суда. Прошла неделя, прежде чем Шерра перестала просыпаться от собственного крика.

— А что насчет тебя? — спросила Рони осторожно.

Дон отрицательно покачала головой и потупилась, прежде чем снова мягко улыбнуться.

— Я просто не сплю, Рони. Не могу заснуть надолго, не могу расслабиться. Какой смысл, если монстры приходят снова и снова?

Она вздрогнула и вскочила на ноги, наклоня голову, глаза ее внезапно прищурились, а винтовка, как по волшебству, оказалась в ее руках.

— Что?..

— Тссс, — тихо прошипела Дон. — Слушай.

Рони услышала. *Царап-царап* по балконной двери. Ее глаза расширились в ужасе, она схватила пистолет и, двигаясь вдоль стены, направилась в сторону стеклянных дверей.

Дон следовала за ней как тень. Она сдернула с воротника проводок коммуникатора, вставила наушник в ухо и прислушалась. Снова раздался царапающий звук, а потом дверь аккуратно попытались открыть.

— Альфа один. У нас гость. — Голос Дон был таким тихим, что Рони едва услышала ее слова.

Друг за другом женщины прокрались в спальню.

Держа свое оружие у плеча, Рони тихо прошла по комнате. Сдерживая дыхание, она пыталась обрести контроль над страхом.

Она дошла до двери спальни и остановилась. Медленное скольжение балконной двери заставило ее взгляд в тревоге метнуться к Дон.

— Черт. Иди сюда! — Голос Дон был не громче, чем тот, которым она говорила по коммуникатору. Она махнула Рони рукой, и они быстро направились к двери спальни. — Мы уходим. Мы уходим.

Она отперла замки и открыла дверь, быстро проверив все снаружи, прежде чем выпустить их обеих в коридор.

Рони быстро скользнула следом, палец ласкал курок пистолета. Она то и дело оглядывалась, держа оружие наготове, сердце ее колотилось. В коридоре было темно, тихо.

— Мы направляемся в комнату Меринас, Табер. Поднимайся сюда. Они у нас на хвосте.

Дон открыла еще одну дверь, и они скользнули внутрь, как вдруг из открытой двери комнаты Рони и Табера послышались проклятья.

Дон бесшумно закрыла дверь и обернулась. Меринас и Шерра ждали, обе вооружены, обе — не отрывая взгляда от темноты за балконной дверью.

Но номер Меринас и Кэллана не был люксом. Это была одна большая спальня, полностью открытая, за исключением смежной ванной комнаты.

— Они движутся к нам, — прошептала Шерра в ее собственный микрофон. Она и Меринас переместились в центр комнаты. — Они знают расположение комнат, мы тут в ловушке. Черт побери, Кейн, помоги нам.

— Табер и Кэллан уже идут, — сказала Дон, когда они все переместились в единственное возможное убежище.

Ванная была такой же большой, как в номере Табера, и тут все-таки можно было кое-как спрятаться от пуль. Рони инстинктивно встала перед Меринас. Дон и Шерра заслонили их собой, защищая их от любого, кто попытается пройти через дверной проем. Приоритеты, подумала Рони грустно.

Шерра и Дон считали себя обязанными любой ценой спасти жизни женщин своих братьев, с которыми сражались бок о бок на протяжении стольких лет. Как и Рони считала себя обязанной любой ценой спасти беременную Меринас.

И все же они были просто пешками в этой игре, потому что кто-то знал слабые места Породы и нашел способ нанести удар.

Глава 26

Табер обещал Рони, что она будет в безопасности. Попросил запереть дверь. Не покидать комнату. Обещал, что никто не доберется до нее.

Едкий вкус поражения наполнил его рот. Как же он ошибался.

По низким ступенькам крыльца Табер, пригнувшись, вошел в заднюю часть дома. Держа винтовку наготове, он быстро оглядел кухню и отошел в сторону, чтобы полдюжины идущих за ним мужчин тоже смогли войти. Кровь бурлила от желания сразу же рвануть наверх и показать этим ублюдкам самый короткий путь в преисподнюю, но он знал, что тогда риск для Рони только возрастет.

Парни Кейна направились к балконам, чтобы поймать ублюдков в ловушку. Табер и его люди будут двигаться вверх по лестнице, чтобы перекрыть путь вниз. Хотя ярость пылала внутри, Табер пытался сохранить контроль и спокойствие, понимая, что давать волю чувствам нельзя.

— У нас тут гости. — Голос Дон был низким, твердым и спокойным, но Табер ощущал ужас, пропитывающий каждое слово. — Мы в опасности, Табер.

Все в отряде услышали ее слова. Тихие, как ночь, смертельно опасные, как животные, чье ДНК бурлило у них в крови, мужчины поднялись вверх по лестнице. Первую четверку они застали у входа в комнату Кэллана. Наемники, пытающиеся открыть дверь, так и не поняли, что их убило.

Табер обхватил рукой шею одного из мужчин и сделал резкое смертоносное движение, отозвавшееся тихим хрустом. Остальные погибли таким же образом, и, отпихнув тела в сторону, Табер медленно открыл дверь.

Он пригнулся, с трудом сдерживая рвущийся наружу вопль триумфа, когда обнаружил в центре комнаты еще одну группу потенциальных убийц, окруживших женщин. Глаза наемников расширились в удивлении, они тут же развернулись и попытались скрыться. В это же время парни Кейна вошли в комнату через балконные двери.

— О, смотри, Кэллан, они хотят поиграть, — протянул Табер, когда один из убийц попытался поднять свое оружие. Он выстрелом выбил его у мужчины из рук, прежде чем тот смог нажать на курок.

— Держи женщин там, Шерра. — Голос Кэллана голос был холодным, смертельно опасным. Он шагнул в комнату и улыбнулся ледяной улыбкой смерти. Табер редко видел такое выражение на его лице. — Здравствуйте, господа. Если бы вы постучались, прежде чем войти, мы могли бы поговорить вежливо, — сказал он мягко. — Но пока ваши манеры оставляют желать лучшего.

По знаку лидера Табер опустил оружие.

— Скажи мне, Табер, что нам делать с такими гостями? Принять с почестями, или устроить поздний перекус?

Табер зарычал, оскалив зубы. Его взгляд совершенно точно сказал остальным, чего он хочет.

— Я пропустил ужин, — отчеканил он. — Как насчет перекусить?

Четверо мужчин подскочили от неожиданности, когда все двенадцать самцов Кошачьей Породы отозвались голодным рыком.

— Подождите, — нервно заговорил один из наемников, поднимая руки. Он аккуратно наклонился и положил на пол свое оружие. — Мы не вредили, не делали ничего плохого...

— Не вредили, не делали плохого? — спросил Кэллан мягко, глядя на пистолет на полу, а потом поднял голову, чтобы посмотреть на наемника со сдерживаемой яростью. — Неверно. Вы вломились в мой дом, пытались навредить моей женщине, и ты думаешь, что просто уйдешь отсюда?

— Мы просто делаем свою работу. — Один из наемников покачал головой. — Ну, Лайон, ты же всегда нас отпускал.

Табер узнал голос. Это был один из наемников, которых они разогнали по домам после ленивой, веселой охоты, устроенной Кэлланом.

— Правила изменились, Брайтон, — огрызнулся Кэллан. — Вы больше не уйдете.

— Кэллан, сначала мы их допросим. — Кейн вошел в комнату, с опаской глядя на остальных. — Ты знаешь правило.

— Я знаю, что они уже мертвы. — Воздух застыл от этих слов. В голосе Кэллана не было ни жалости, ни сочувствия. — Мы отправим их обратно владельцам по частям. Нашего разведчика в прошлом месяце прислали нам в таком виде, ведь так?

Челюсти Табера сжались при воспоминании о том, что случилось.

Четверо наемников нервно озирались по сторонам.

— Давайте, — подзадорил Кэллан. — Покажите мне, из чего вы сделаны. Лично я чую запах трусости.

— Кэллан... — предостерег его Табер. — Спокойно, парень. Думай о Мериас и младенце. Ей придется жить дальше без тебя. Сейчас не время для ошибок.

Ценой ошибки была бы мгновенная смерть.

— Кейн, вытащи эти куски дерьма отсюда. Запри их с тем ублюдком, пока все не закончится. Мы отправим их потом. Может быть, сначала порезав на куски.

Его угроза подтолкнула злоумышленников к действию. Вспышка яркого света пронзила тьму, ослепляя, когда наемники попытались вырваться на свободу. Оружие отлетело в сторону, но самцы Пород воспользовались инстинктами, данными природой. Они не могли видеть, но могли чувствовать запах, слышать и пробовать на вкус окружающее их зло.

Нож Табера вылетел из ножен, едва он добрался до первого человека. Оружие разрезало плоть, разрубив яремную вену. Кровь брызнула в стороны, он отбросил тело врага в сторону и повернулся к другому. Слепящий свет угас, и Табер столкнулся лицом к лицу с ужасом на лице Рони.

Гнев и скорбь наполнили его, ведь он знал, как выглядит. Кэллан был наглядным примером того, чем заканчиваются подобные вспышки ярости. Его клыки были обнажены, кровь покрывала нижнюю часть лица, груди.

Кровь другого человека.

Животное радовалось этому запаху; ощущению победы, осознанию того, что враг повержен. Но человек внутри закричал от ярости, протестуя против судьбы, жестокости, против того, чтобы его пара видела этот ужас. Мучительный рев, эхом пронесшийся через дом, был полон гнева, боли и протеста против жизни, о которой никто не просил. Протеста против того ужаса, что Табер увидел в глазах Рони.

Рони никогда не видела и не слышала ничего подобного этому реву. Она в шоке смотрела на Табера — его голова откинулась назад, грудь раздулась, и первобытные звуки ярости и муки вырывались из его горла.

Все замерли. Наемники лежали замертво, пощады не было никому. Рони и не ожидала другого. Но еще она не ожидала увидеть горькую муку в глазах Табера, сбросившего с себя очередного нападавшего. Кровь была повсюду, на шее, щеках, пропитала черную ткань рубашки.

Господи Боже, как помочь ему, как облегчить его боль? Она хотела подбежать к нему, оттереть кровь с его лица и шепотом сказать, как рада, что он остался в живых, но ноги словно приросли к полу. Рони заплакала, понимая, что мука эта — из-за нее, из-за того, что она увидела Табера *таким*.

Яростный рев Табера эхом отдался по комнате. Он опустил голову, его зеленые глаза блестели так ярко, что это привело ее в ужас. В два счета преодолев разделяющее их расстояние, Табер схватил ее за запястье и потащил за собой, к двери.

— Табер... — протест Кэллана был заглушен рычанием, таким угрожающим, таким требовательным, что тот не решился сказать что-либо еще.

— Черт, Кэллан, останови его. — Голос Меринас был наполнен страхом.

Но никто не решился остановить Табера. Никто не смог бы остановить его сейчас, даже если бы захотел. Насилие и похоть закружили его в водовороте безумия, животное взяло верх над человеком.

Рони даже не пыталась остановить его. Она шла за ним, почти бежала, а сердце гремело в груди, пронзая дрожью ее тело.

Табер схватил одного из наемников в тот момент, когда тот уже готовился нажать на курок пистолета-пулемета, который держал в руках. Этот выстрел мог бы убить их всех. Рони на всю жизнь запомнила, как нож скользнул сквозь человеческую плоть, запомнила ненависть и удивление на лице наемника.

Табер потянул ее в спальню и, захлопнув за собой дверь, повернулся к ней. Рони не успела ахнуть, как он уже разорвал ее рубашку, обнажив грудь с отвердевшими сосками и одновременно расстегивая джинсы.

— Табер... — она не знала, что сказать, что сделать.

— Моя. — Он оскалил зубы, стаскивая джинсы и обнажая тяжелую эрекцию.

Рони всхлипнула, когда Табер потянулся к ней и одним движением разорвал ткань спортивных штанов. Усадив ее на мягкий подлокотник дивана, он задрал ей ногу и тяжело и глубоко толкнулся в чувствительную глубину ее киски.

Рони выгнулась в его руках, сдавленный крик вырвался из ее горла. Наслаждение опалило ее тело, но сердце сжала боль. Они встретились глазами, и во взгляде Табера она увидела горькую ярость и тоску. Кровь обагряла его лицо, шею. Глаза блестели от раскаяния и от похоти.

— Рони... — Голос Табера сорвался, он неподвижно замер внутри нее. К нему словно снова понемногу стал возвращаться разум. — Рони...

Она накрыла его губы своими дрожащими пальцами.

— Почувствуй, какая я мокрая для тебя, - прошептала она с грустной улыбкой. — Как же я люблю ощущать тебя внутри, как же мне нравится, что я нужна тебе, неважно, как и когда...

Слезы наполнили ее глаза. Табер не отводил от нее взгляда. Животная ярость постепенно исчезла, оставив вместо всепоглощающей грусти.

— Он наверняка убил бы меня и Меринас, - прошептала она, когда он снова двинул бедрами, требовательным движением вонзаясь в нежные глубины ее киски. — Я люблю тебя, Табер. Люблю всего тебя, - застонала она. — Я люблю тебя...

Он застонал. Низкий, тяжелый звук был полон раскаяния и одновременно благодарности. Табер прижал к себе Рони, его руки обхватили ее ягодицы, его член

двигался внутри ее. Он целовал ее шею и плечи и долгими медленными толчками двигался в ней, разжигая внутренний жар.

Бедра горели, спина напряженно выгнулась, но он не позволил себе снова отдаться животной страсти, не позволил животному снова взять верх.

—Моя, - прошептал он снова. — Моя женщина. Моя любовь.

Толчки стали резче, дыхание жестким и тяжелым, Табер ритмичными движениями загонял себя так глубоко, как только мог. Рони стиснула его плечи и обхватила ногами бедра, пытаясь удержаться на краю сознания, когда разрядка нахлынула на нее волной.

Спустя несколько секунд она почувствовала, как раздулась внутри нее головка его члена, а потом Табер застонал, зарычал, тяжело и мучительно, и горячие потоки спермы хлынули в узкие глубины ее чрева.

— Прости, — прошептал он, уткнувшись в ее шею. Лицо Табера было мокрым — от пота или от слез, она не знала. — Мне очень жаль, что тебе пришлось увидеть, *что* я такое.

— Нет, Табер. — Ее руки погладили его волосы, его плечи. — Никогда не жалею об этом. Я люблю тебя таким, какой ты есть. Всего тебя.

***

Это было просто невозможно. Табер стоял под горячими струями воды, закрыв глаза. Разум медленно прояснялся после приступа ярости, накрывшего его при виде ублюдка, направившего оружие в сторону женщин. Рони помогала ему мыться, нежные руки скользили по его телу. Она смыла кровь с его волос, умыла его и затем принялась тереть мыльной губкой напряженное тело.

Горячий пар и запах мыла наполняли душевую кабину. Звуки текущей воды и нежное бормотание Рони успокаивали. С каждым движением губки, с каждым касанием воды Табер чувствовал, как уходит его гнев. На смену ему пришла невероятная усталость. Он хотел свернуться калачиком рядом с Рони и просто уснуть. Но оставалось еще так много дел.

— Все готово, — нежно прошептала она, поцеловав его плечо.

Ее руки пробежались по его влажной коже, и непроизвольное мурлыканье вырвалось из его груди.

Он дернулся от этого звука.

— Ш-ш-ш. — Рони прильнула к его груди, целуя его, касаясь его своим нежным телом.

— Ты знаешь, как сильно я люблю этот звук? И как я радуюсь, зная, что это я доставляю тебе удовольствие? Утешаю тебя?

Его глаза закрылись от удовольствия. О Табере никто никогда не заботился. Никогда. И вот рядом она, такая маленькая и нежная, голос шепчет ему о любви, а руки помогают унять почти тридцатилетнюю боль.

— Они не могут забрать тебя, - Табер вдруг застонал, не справившись с эмоциями, разрывающими его на части. Обняв Рони, он прижал ее к себе. — Я не смогу жить без твоих прикосновений, без твоего тепла и страсти, Рони. — В груди стало тесно от нахлынувших чувств. — Я умру, если это случится.

— Мы не позволим им забрать меня, Табер. Мы будем вместе, все будет хорошо.

Она отвела волосы с его лица, когда он открыл глаза, глядя на нее сверху вниз взглядом, в котором читалась боль.

— Я не позволю им. — Он покачал головой. — Мне придется снова убить...

— И я буду рядом с тобой в этот миг. — Она положила пальцы на его губы. — Я всегда буду здесь, Табер. И мы будем вместе противостоять всему миру. Как и сейчас.

Заслужил ли он Рони? Черт, нет, он знал, что нет, но еще он знал, что ни за что не позволит ей уйти от него.

Табер прочистил горло и отодвинулся, недовольно застонав от внезапно возникшей эрекции.

— Мне нужно поговорить с Кэлланом, — он вздохнул. — А потом подумаем о других вещах.

Он снова взглянул на свой упрямый орган.

Рони завернула краны, взяла приготовленные заранее большие полотенца и подошла к нему. Она принялась вытирать Табера, как ребенка. Он в замешательстве наблюдал за ней.

— Ты могла бы стать идеальной матерью, — прошептал он, представляя, как она купает ребенка, ухаживает за ним так же нежно, как за ним.

Мягкий румянец окрасил ее щеки.

— Я люблю детей. — Она встала позади него, мягко промокая остатки воды со спины.

— Ты расстроишься, если забеременеешь? — наконец спросил ее, чувствуя, как сжимается горло. — Мне надо было подумать дважды, прежде чем тебя целовать. Перед тем, как привязать тебя к себе. Я должен был объяснить...

— Это ничего бы не изменило. — Рони обернулась, схватила другое полотенце и вытерлась сама. — Я все равно хотела тебя.

Он замер, не веря своим ушам.

— Ты уверена, Рони?

Она помолчала, потом глубоко вдохнула, позволяя улыбке скользнуть по лицу.

— Табер, поверь, когда я тебя впервые увидела, я обратила внимание далеко не на твой огромный замечательный стояк. Я скучала по тебе все эти месяцы. Я мечтала о тебе до того, как ты меня отметил. Я хотела иметь от тебя детей. Если бы это было не так, ты бы получил по яйцам еще во время первого поцелуя. Теперь доволен?

Табер поморщился. Она знала, что говорит. Рони не гнушалась пускать в ход свои острые коленки.

— Понял. — Он быстро кивнул.

— Хорошо. Так, я знаю, что тебя внизу уже ждет Кэллан. Я собираюсь прикорнуть тут, на диванчике, пока ты не вернешься. Кейн и остальные придут чуть позже, они хотели поставить на место балконные двери, так что немного времени до очередного безумия у меня есть.

Она выглядела обессиленной. Постоянное беспокойство, сексуальные потребности и физические опасности сказывались на ней не лучшим образом.

— Спи на кровати...

Она покачала головой.

— Я не могу спать без тебя. Так что поторопитесь там. Я чертовски устала.

Табер переоделся в чистую одежду, а Рони натянула на себя одну из его футболок, оказавшуюся ей длиной почти до колен, взяла запасное одеяло из шкафа в спальне и направилась к дивану.

— Я скоро вернусь.

Он наклонился и поцеловал ее мягкие губы, она ответила ему сонным взглядом.

— Скорей возвращайся. Мне скоро кое-что понадобится.

Табер вдохнул аромат ее возбуждения, резко кивнул и покинул комнату.

Долго так Рони не продержится, подумал он. Она очень устала, измучилась. Если в ближайшее время беременность не наступит, она просто заболеет.

Но что они будут делать, когда она забеременеет? Он не знал.

На следующее утро Рони проснулась, ощущая зверский голод. Было уже позднее утро. Она приняла душ, оделась и сразу направилась на кухню, следуя за запахами бекона, яичницы и выпечки.

Войдя в залитую солнцем комнату, она увидела за столом тихо переговаривающихся женщин: Меринас, Шерру и Дон.

От запаха еды и кофе рот Рони наполнился слюной.

— Все на плите. — Шерра понимающе улыбнулась в ответ на отчаянно голодный взгляд Рони.

— Я чувствую себя так, словно кто-то вырезал мне дырку в животе, — Рони вздохнула.

— Таберу придется установить плиту в этой проклятой студии, которую он называет спальней, если он хочет проводить там все свое время.

— Скоро все кончится.

Мягкий, мелодичный голос Дон заставил Рони замереть в удивлении. Она повернулась, чтобы посмотреть на нее.

— Извини?

Дон пожала плечами.

— Ты скоро забеременеешь.

— И откуда ты это знаешь? — спросила Рони, взяв тарелку с кухонного островка и направившись к плите.

— Потому что я чувствую это.

— Дон, — предупреждая начала Шерра.

Та пожала плечами и опустила голову к тарелке.

Рони нахмурилась, налила в чашку кофе и поставила ее и свою тарелку на стол.

— Есть какой-то особый запах?

— Мы не уверены. — Шерра избегала ее взгляда.

— Дон говорила уверенно. Если вы скажете мне, вам придется меня убить?

Меринас фыркнула, но Шерра неодобрительно нахмурилась.

— Нет, но, возможно, кое-что ты еще не готова услышать.

Рони взглянула на Дон.

— Скажи мне, когда, и мы увидим, насколько ты хороша.

Она поддела яичницу вилкой и отправила в рот, когда Дон с удивлением повернулась к ней.

— В течение ближайших семидесяти двух часов, - наконец ответила она, и мягкий голос просто излучал уверенность. — Я заметила этот запах у Меринас, прямо перед тем, как она и Кэллан были вынуждены бежать от Совета. А через три дня, когда мы увиделись, она уже была беременна. Твой запах похож.

— А как эта штука работает? — Рони прожевала яичницу и посмотрела на остальных.

Это было интересно. Породы выглядели, как обычные люди, что бы там ни говорила пропаганда. И все же у них были суперчувства, данные им животной ДНК. Просто невероятно.

— Это что-то вроде изменения в феромонах. — Дон пожала плечами. — Как будто в тебе созревает какой-то нежный сладкий плод. Кажется, это связано с изменениями в яичниках и яйцеклетке, наверное, они и дают такой запах. А со временем он становится сильнее.

Рони посмотрела на Меринас. Изменение в яичниках? Ее живот внезапно скрутило от страха.

— Ребенок абсолютно нормальный. — Меринас рассмеялась. — У нас было несколько УЗИ, и тесты показывают, что все в порядке. Ты родишь нормального ребенка, мальчика или девочку. Я обещаю, не будет никаких котят, как бы Кейн нас не дразнил.

Ярость сверкнула в глазах Шерры при этих словах.

— Извините меня. У меня дела.

Рони удивленно посмотрела на нее, почти упустив из виду сожаление, мелькнувшее на лице Меринас. Шерра поднялась на ноги и поставила тарелку в раковину.

— Скажи Кэллану, я буду в патруле, если понадобится, - сказала она Меринас уже на пороге. — Скажи Кейну, чтобы он отвалил нахрен.

Рони поморщилась.

— Да, у него проблемы, — Меринас вздохнула, глядя на Дон. — Она не позволяет ему прикоснуться к ней.

— Я не виню ее. И мне тоже уже пора идти. Мне вот-вот пришлют информацию по мистеру Эндрюсу. Нам бы не хотелось, чтобы он и дальше здесь шпионил.

Рони замерла, чашка кофе застыла у ее губ, глаза расширились. Она осторожно опустила чашку, чувствуя, как сжались при этих словах ее внутренности.

— Так это от него они узнали, в какой комнате мы были. — Ее затошнило при этой мысли. — Он сказал им, где мы были.

Меринас тяжело вздохнула.

— Мы не можем быть уверены, Рони. Они до сих пор общаются с ним.

— Он вчера отправил сообщение, и на нас напали. Эти люди нашли все слабые места в нашей обороне явно не по чистой случайности, ведь так? — спросила она горько, поднимаясь на ноги. — Он чуть не убил нас всех, и он все еще здесь, и у него все еще есть шанс попробовать сделать это снова.

Гнев сдавил ее грудь. Господи, что же ей нужно сделать, чтобы угроза в лице отца навсегда исчезла из ее жизни? Он всерьез намеревался уничтожить ее, он на самом деле хотел от нее избавиться.

— Рони. Кэллан и Табер позаботятся о нем, - сказала мягко Меринас. — Пусть мужчины делают то, что должны делать.

Рони ответила ей жестким, яростным взглядом.

— Я так не думаю, Меринас. Не в этот раз. Не сейчас.

Рони была не слишком довольна Табером. Его нежелание избавиться от Реджинальда, или хотя бы позволить ей узнать, что, черт возьми, он задумал, заставляло ее волноваться все сильнее. Реджи был опасен для них обоих. Он уже доказал это. Нападение, которое они пережили «благодаря» ему, доказало, что Реджинальд стал злее, подлее, чем когда-либо.

Они не смогли доказать, что он передал данные. Были только подозрения. Чтобы эффективно противодействовать планам Реджинальда, они должны были знать наверняка. И еще неплохо бы точно знать, с кем он работал.

Мужчины, напавшие на поместье прошлой ночью, были просто наемниками. Сегодня они работали на Совет, завтра – на кого-то другого. В мире было несколько организаций, считавших, что Породы не заслуживают жизни. Наниматели Реджинальда были лишь одними из многих.

Он был ее отцом. Мужчиной, которого любила ее мать. Ее милая, нежная мать. Рони прислонилась лицом к холодному стеклу балконной двери, пытаясь унять разрывающую сердце боль.

Марджи Эндрюс была очень доброй и ласковой. Рони едва помнила ее, но она не забыла, как звучал мамин голос, певший ей колыбельные и рассказывавший сказки. И еще она помнила, что мама постоянно плакала.

Это были одни из ее самых ярких воспоминаний детства. Крики ее матери, глухие, молящие о пощаде. *Пожалуйста, Реджи. Пожалуйста, не трогай меня...*

Рони дернулась, когда слова эхом отдались в ее голове. Это было ее последнее воспоминание о матери. Последние слова Марджи. На следующее утро мать ушла на работу, а через час она была мертва.

— Слабая сука, — бормотал Реджинальд на похоронах. — Слишком слабая, чтобы бороться.

Рони не знала, что он подразумевал под этими словами, но она выросла, а они так и остались в ее памяти. Он был виновником смерти ее матери? Или это очередной его бред, и имелось в виду ее слабое здоровье?

Она была одинокой в то время, и сейчас чувствовала себя одинокой. Рони смотрела в темноту, пытаясь подавить в себе давние страхи, заглушить боль в старых ранах. Она чувствовала себя на пороге осознания чего-то важного и пугающего.

Ее мать любила Реджи — она была *одержима* им, и эта одержимость пугала Рони. Она не понимала тогда, почему мать так легко идет на поводу у Реджи. Она могла отринуть собственные желания и потребности в угоду его прихотям. Даже более того, она могла отринуть и желания дочери. Сколько раз на ужин они ели хлеб и картошку, которую мать вырастила в огороде за домом, а все потому, что Реджи взял себе все деньги? А сколько раз он бил мать, кричал на нее, потому что они съели последние продукты из шкафа, и ему пришлось самому думать, где взять еду?

Ее кулаки сжались. Рони тогда поклялась, что никогда не будет так отчаянно нуждаться в мужчине. Поклялась, что из-за любви никогда не позволит использовать себя, не позволит сломать. И вот теперь она не способна сказать «нет» человеку, который обладает ее телом.

Не имело значения, что Табер всегда обращался с ней с нежностью, всегда давал ей тепло и безопасность, не поднимал на нее руку. Ее страхи бушевали внутри нее так же жарко и мрачно, как и огонь, опаляющий сейчас низ ее живота.

По какой-то причине природа лишила выбора их обоих: и ее, и Табера. Он был человеком, уже взрослым мужчиной, который столкнулся с невыразимым ужасом, и рядом с которым она чувствовала себя как ребенок — и ее это пугало. Рони была напугана. Запуталась в себе.

Она расправила плечи и вдохнула. Итак, она осознала проблему. Это был первый шаг к решению. Ведь так?

Собственные эмоции несколько месяцев назад испугали ее, показали ей, как сильно Табер при желании может ее ранить. То письмо, которое, как она думала, написал он, уничтожило ее, разбило на части. И какая-то ее часть до сих пор сопротивлялась тому, что она осталась с ним.

Когда твое сердце любит, Рони, бороться нет смысла. Слова матери. Она прошептала их как-то ночью после очередного скандала с Реджи. *Иногда интересы того, кого ты любишь, важнее, чем твое собственное сердце.*

И Рони теперь осознала, что она должна найти способ защитить Табера. Он не знал, каким порочным, как жестоким мог быть Реджинальд. Не знал, иначе бы никогда не позволил ему остаться.

Табер видел его мнимую лояльность, мнимое желание жить спокойной жизнью. Он не сможет поверить, что ее отец сделает все, что потребуется для достижения собственных целей, даже если для этого ему придется уничтожить собственную дочь. И Рони знала, что ее смерть даст Реджинальду богатство и чувство удовлетворения. Наконец-то. У него было оружие против нее, и вскоре, она знала, он им воспользуется.

— Рони. — Голос Табер был полон тьмы, и эта тьма окутала ее сразу же, как он вошел в комнату.

И тут же пульсирующее возбуждение, которое текло по ее телу, стократно усилилось. Рони отвернулась от окна, достала пистолет из кобуры на поясе и, положив его на стол, приблизилась к Таберу. Она потянула за подол рубашки и быстро стащила ее через голову.

Он был ее. Черт бы его побрал. Черт бы побрал Реджинальда и ее страхи.

Рони бросила рубашку на пол и отпихнула ее носком кроссовка.

— Сукин сын.

Его руки опустились к джинсам.

— Возьми меня, — бросила она вызов, быстро снимая свои джинсы. — Ну, давай же.

Вокруг них был жар, он поднимался от ее тела. Рони не хотела идти в кровать. Она не хотела нежного бездумного секса. Она хотела унять вулкан внутри себя, хотела, чтобы на этот раз Табер потерял контроль. Она хотела гладить его, довести его до неистовства, хотела тереться об него и цепляться за него ногтями.

Его глаза сузились. Рони обожала такие моменты. Нефритово-зеленого цвета глаза Табера в эти минуты сверкали угрожающе, придавая ему хищный вид.

Он заворчал, и она улыбнулась ему в чувственном вызове.

— Я могу, — сказал он ей тихо, наблюдая за ее движениями, держа ее в поле зрения. — Я могу взять тебя прямо сейчас, Рони.

Она задрожала от темного искушения в его взгляде. Припухшие губы киски намокли, ее лоно сжалось в ожидании. Она смотрела на него, глубоко дыша, и понимала, что Табер тоже чувствует исходящие от нее волны жара.

Он замер, почувствовав запах ее возбуждения, мышцы его живота напряглись, член дернулся в предвкушении.

— Ты знаешь, что возбуждаешь меня, Рони? - спросил он ее, его голос был шелковистым.

Она подошла к нему сзади совсем близко, протянула руки, оглаживая мышцы спины. Как грубый шелк. Мягкие волосы, покрывавшие его тело, щекотали ее ладони. Он вздрогнул под ее руками.

— Я думала, кошки любят, когда их гладят. — Рони наклонилась вперед, задержав дыхание, и ее соски коснулись его спины.

Грохочущий гул, завибрировавший в его груди, заставил ее задрожать от восторга. Этот звук ласкал ее чувства, разжигая страсть.

Ее руки обвились вокруг его талии, скользнули по напряженным мышцам его живота.

— Я так мечтала коснуться тебя, — прошептала она ему в губы, разглаживая яркую татуировку на левом плече. Крадущийся Ягуар — его глаза сузились в ярости, уши

отведены назад в предостережении. — Я мечтала заставить тебя стонать, заставить тебя шептать, как сильно ты меня хочешь.

— Я хочу любить тебя, пока не лишусь чувств, Рони. — Табер по-прежнему не двигался, напряженно замерев под ее прикосновениями.

— Я могу тебя исцелить? — Она положила щеку на его плечо, слыша в голосе отзвук одиночества. Те же темные эмоции, которые чувствовала она сама.

Он вздрогнул под руками, ласкающими его напряженные соски.

— Ты исцеляешь меня каждым прикосновением.

Его руки дернулись, тело завибрировало от похоти.

Рони лениво улыбнулась. Сможет ли она сломать контроль Табера? Сможет ли она зажечь костры в их телах? Переживут ли они этот всепоглощающий взрыв?

Ее руки переместились ниже, щекоча плоский живот с кубиками мышц, скользя еще ниже, прямо к вздымающемуся возбужденному члену.

— Рони. — В звуке имени было предупреждение.

— Да, Табер? — Она сглотнула комок в горле, лаская руками его бедра.

Он был близко. Очень близко. Она почувствовала, что Табер хочет пошевелиться и отпрыгнула. Засмеялась низким и глубоким смехом, когда животное рычание досады вырвалось из его горла. У нее было чувство, что он специально упустил ее. Повернувшись, Рони увидела, что Табер внимательно за ней наблюдает.

Она двигалась по комнате, внимательно наблюдая за ним, и сексуальная напряженность все туже обвивала ее своей паутиной.

— Я уложу тебя на спину, — шептал он, провожая ее взглядом. — Я овладею тобой, Рони. А потом буду трахать тебя, пока ты не закричишь подо мной.

Ее вагина сжалась, требуя Табера здесь и прямо сейчас. Но пока было не время.

— Ты уже был во мне. Ты уже делал это, — протянула Рони, обходя диван так, чтобы он оказался между ними. — Будь оригинален, малыш.

Он зарычал. Ее пульс ускорился. О, это был такой сексуальный звук. Глубокий, вибрирующий от напряжения.

А потом одним долгим плавным прыжком, заставившим глаза Рони расширяться от неожиданности, Табер перепрыгнул через диван и оказался рядом. Она растерялась, и эта секунда стоила ей свободы.

Рони отчаянно боролась. Ее тело горело, ее клитор пульсировал в отчаянном желании. Она взбрыкнула в его руках, и Табер засмеялся, когда низкий крик разочарования и ярости эхом отдался по комнате.

И вот он опрокинул ее на пол.

Не было никаких прелюдий. Точнее, не было необходимости в них. Ее киска уже текла от соков. Его член вонзился, заполняя ее влагалище, и Рони выгнулась, крича от удовольствия.

— Был в тебе, детка? — Он безжалостно долбил ее, грубо впивался пальцами в бедра, пока член жестко и глубоко вбивался в ее горячие глубины. — Делал это?

Рони вскрикивала от боли, смешанной с наслаждением. Ее вагина сжималась в спазмах похоти, пока Табер трахал ее в жестком быстром ритме.

Только теперь она поняла, что ни в первый раз, ни когда-либо раньше Табер не терял над собой власти. Контроль он потерял именно сейчас.

Она выгибалась с каждым толчком, рыдая под ним, ее киска сжималась в приближении безумного оргазма.

— Поговори со мной, детка. — Его рука на секунду оторвалась от ее бедра, чтобы шлепком опуститься на округлые изгибы ее ягодиц. — Скажи мне, что я уже это делал, Рони.

Удар опалил ее. О черт. Это было слишком хорошо. Рони всхлипнула под Табером, дернулась, выгнулась в его хватке. Она боролась с ним, задыхаясь от удовольствия в его жесткой хватке. Место удара пылало огнем.

— Да, ты уже это делал... — дерзко сказала она, а потом снова откинула голову, извиваясь в агонии наслаждения от нового шлепка.

— Делал это? — Его рука снова двинулась вниз, проникла меж ее бедер и погладила половые губы, собирая с них соки возбуждения.

— Продолжай, детка, — он зарычал, терзая ее клитор. — Может быть, у старого кота все-таки есть в запасе пара новых трюков.

Его пальцы терли, ласкали ее клитор, пока член мощными толчками вонзался в ее лоно.

Она не могла дышать. Рони сражалась за каждый вздох, почти взрываясь от интенсивности ощущений. Слишком много, слишком быстро. Ее лоно напряглось, сжалось в конвульсивном спазме.

Когда грянул взрыв, она почувствовала, как все эмоции выходят на свободу. Оргазм ударил по ней, она оторвалась от пола, содрогаясь, цепляясь за него руками, умоляя о пощаде.

— Нет. Никакой пощады.

Табер схватил ее за талию, приподнимая, его плоть погружалась в нее, снова и снова, под тем же углом, не позволяя ей соскользнуть с пика. Она сходила с ума. Даже ее тело предало ее в этой нужде всепоглощающего экстаза.

Первый оргазм сменился вторым. Его член, поглаживая стенки ее влагалища, трахал ее в неослабевающем темпе. Она выгнулась, схватила Табера за плечи и снова погрузилась в мир острых ощущений нового экстаза.

Она кричала. Рони не помнила, что именно она кричала, но слова рвались из нее неудержимым потоком. Ей надо было быть услышанной, ей надо было сказать ему, что она чувствует.

Она любила. Она хотела... она чувствовала его. В этой позиции Рони смогла прочувствовать все, что происходило внутри. Его член напрягся, дернулся, на мгновение застыл у нее внутри. Другая, меньшая эрекция расцвела на головке, запирая его внутри ее вагины, лаская ультрачувствительные стенки. Нажатие. Выброс.

В ту же секунду Рони упала в калейдоскоп нереальных цветов, сердцебиения, пульсирующей в висках крови и животного рева. И осознала, что этот момент изменит их обоих навсегда.

Глава 30

Рони предпочла бы ни о чем не думать и просто дрейфовать в спокойной неге, которую даровали ей объятья Табера. По крайней мере, она думала так, пока несколько часов спустя после их соития рассудок не начал к ней возвращаться. Именно тогда она поняла, что пришло время встретиться лицом к лицу с реальностью жизни.

Ей было всего двадцать два. Таберу - тридцать. Но их разделяла не только восьмилетняя разница в возрасте, их разделяли друг с другом целые миры.

Он жил со страхом невыразимой жестокости и смерти с момента своего создания.

Он познал зло, заполнившее умы Совета, умы тех, кто создал его, кто обучал его. Он был намного старше по опыту, чем она, даже когда был подростком.

Рони знала, что ее собственный ужасный жизненный опыт — ничто в сравнении с болью, которую познал Табер. Она была для него ребенком, и все же была его женщиной, его парой. Она хотела быть большим, чем просто пара. Она хотела быть достаточно сильной, чтобы стоять на его стороне, достаточно сильной, чтобы бороться с трудностями бок о бок с ним. Но пока он не расскажет ей всей правды, такого не будет.

Рони готова была позволить Таберу ее защищать, но в какие-то моменты его жизни она должна будет стоять рядом с ним, помогать ему использовать силу, данную ему его сверхчеловеческой ДНК. Быть рядом с мужчиной, которому нужна любовь, которому нужно, в конце концов, найти в своей душе успокоение.

Он не сказал ей, что любит, но она подумает об этом позже. Тише едешь – дальше будешь. Поспешись – людей насмешишь. Она успеет с этим разобраться, но сначала надо решить главный вопрос.

— У кошек есть шишки на головке члена, — лениво сказала Рони, ее пальцы нежно перебирали длинные, шелковистые пряди его волос.

Табер мурлыкал. Это поразило ее. Он пытался остановить это, даже смеялся над собой, потому что не смог, и Рони видела в его глазах тревогу – а вдруг ей это покажется омерзительным. Совсем наоборот. Теперь она знала, как определить, что ее любимый доволен, счастлив, рад. Ей не хотелось разрушать это состояние. Но существовали вещи, которые нужно прояснить.

Он напрягся в ее объятиях. Его голова все еще лежала на ее груди, но тело уже не было расслабленным, оно напряглось. Мягкие вибрации в груди Табера затихли, хотя пальцы Рони не переставали медленно поглаживать его по волосам.

— Да, так и есть. — Его объятья стали чуть крепче.

— Люди думают, что если я юна, значит, я глупа. — Она тихо рассмеялась над своими словами. — Даже перед тем как пометить меня, ты обращался со мной, как с ребенком, не говорил и не делал того, что могло бы меня расстроить. Но правда о жизни меня не ломает, Табер.

— Я делал так не потому, что считал тебя глупой, Рони. — Он вздохнул, приподнимаясь, чтобы посмотреть на нее и покидая ее объятья. — Я хотел защитить тебя. Это все, что я когда-либо хотел.

И она знала, что это было так. Она знала это еще будучи ребенком, и она знала это сейчас. Часть его должна была защищать ее, иначе он сам не смог бы ощущать себя в безопасности, быть спокойным.

— Я не хочу жить как в парнике, Табер. — Она повернулась на бок, притягивая его ближе.

Ее голова теперь лежала у него на груди, и Табер тяжело вздохнул. Она чувствовала, что он хочет возразить. Он хотел защищать не только ее тело, но и ее чувства. Но Рони не хотелось, чтобы ее защищали от самой жизни.

— Я не хочу, чтобы тебе было больно, — прошептал он ей в волосы. — Не хочу, чтобы ты испытывала боль. Даже мгновение. Когда я думаю об этом, я схожу с ума. Каждый раз. Мир может быть таким жестоким, детка. Страшным. Я не хотел, чтобы ты увидела, насколько он плох.

Темная магия его голоса не смогла утаить горечи прозвучавших в нем воспоминаний.

— Это не сработает, Табер. Как я могу быть для тебя парой, если я не знаю, что за жизнь ты прожил? Ты думаешь, я не знаю, что вокруг много зла? Ради Бога, сколько раз ты спасал меня от того мужика, подельника Реджинальда, который названивал мне и угрожал трахнуть за то, что отец его обманул? — Она никогда не рассказывала ему, как на самом деле страшно ей было. Не показывала истинную глубину своего страха. Она знала, что он накажет Реджи, и знала, что последствия будут ужасными. Рони не смогла бы жить, если бы он пострадал из-за нее.

Его руки сжались в кулаки от ярости.

— Я бы убил его, если бы знал, Рони. Я могу убить его, - сказал он.

— Ты лучше, чем он, - она вздохнула. — И он не стоит этого. Он не стоит пятна на твоей душе. — Она поднялась, глядя ему в глаза. — Я знаю, что ты такое, Табер. Я знаю, что происходит, когда ты внутри меня. Тебе не придется прятать меня от жизни. Все, что мне нужно — это знать, что ты будешь рядом со мной.

— Я всегда был. — Он покачал головой в замешательстве. — Зачем мне уходить сейчас, Рони? Ты моя. Я же сказал тебе.

Она нетерпеливо закатила глаза.

— Табер, я не принадлежу тебе...

— Ну, конечно, принадлежишь. — Упрямый мужчина, высокомерие горело в каждом его слове. — Я предупреждал тебя, детка, и я говорю тебе сейчас. Я тебя заполучил, и уже слишком поздно что-то менять. Я не буду играть с тобой в игры. Я не буду тебе врать. И я уверен, что ни за что не позволю тебе меня оставить.

— Хорошо, что я не против остаться. Пока, — пробормотала Рони и шлепнулась обратно на кровать, уставившись в потолок и нахмурившись. — Должно быть, в тебе говорит зверь. Хотя я никогда не видела кошек, которые были бы такими собственниками. Ты в этом отношении нетипичен, Табер.

Он с издевкой хмыкнул, приподняв брови и глядя на Рони с выражением превосходства.

— Правда? — протянул он, его голос понизился. — Кто говорит?

— Исследователи природы, — отрезала она холодно.

— Исследователям надо еще поисследовать. — Он засмеялся и устроился в кровати рядом с ней, привлекая ее ближе и накрывая их одеялом.

— Я не знаю. — Она зевнула. — Они казались такими уверенными. А ты уверен, что тебе не нужна еще одна пара?

Это беспокоило ее больше, чем она хотела признавать. Ей не хотелось быть выброшенной за ненадобностью после всего того, через что она прошла по его вине.

— Не знаю. И мне нахрен не хочется это выяснять, — рыкнул он. — Спаривание с тобой едва меня не прикончило. Вряд ли я утром смогу нормально ходить. Кстати, утро не за горами. Иди спать.

Он протянул руку и погасил ночник на столике у кровати.

Тишина заполнила комнату. Усталость заполнила ее тело.

— Вы должны заставить его уйти, Табер. — Высказала она вслух опасения по поводу Реджи. — Он опасен.

И снова повисла долгая тишина.

— Мы будем наблюдать за ним, Рони, — пообещал он ей. — Я помню. Держи своих друзей близко. А своих врагов — еще ближе. В конце концов, Реджинальд проколется. И когда он это сделает, один из нас будет там, чтобы остановить его.

Она устало вздохнула. Мысли о смерти матери терзали Рони. Кто-то убил ее. Она знала все горные дороги. Она никогда бы не упала со скалы в ясный летний день.

— Я буду защищать тебя, Рони.

Его уверенность захлестнула ее, как успокаивающая волна тепла.

— Я не сомневаюсь, Табер, — она вздохнула. — Но не моя безопасность меня волнует. Твоя.

— Спи, малыш. — Он притянул ее ближе, его руки, сильные и теплые, обхватили ее. — Мы разберемся с этим завтра.

Она закрыла глаза, рука неосознанно легла на живот. Она чувствовала изменения в своем теле. Отчаянная лихорадка утихла, оставив после себя естественное желание. Приятное тепло. Могло ли это случиться так скоро, спросила себя Рони.

— Спи. — Его руки накрыли ее. — Мы разберемся завтра.

Глава 31

— Ладно, слушайте кошечки. — Кейн вломился в большую кухню, как ураган, нарушая царящие тут до его прихода покой и идиллию. — Вытаскиваем мордочки из сливок, у нас проблемы.

Утренний ритуал — посиделки за кофе после завтрака — обычно проходил для Рони спокойно. И до сих пор Кейн сюда не вламывался. Она видела старшего нелюдимого брата Меринас всего лишь раз с тех пор, как появилась здесь. Он смотрел на все и всех с подозрением.

Кейн был красив, со своими темными волосами и яркими голубыми глазами. Он был высокий, не такой широкоплечий, как самцы Пород, но достаточно сильный, чтобы эту силу можно было ощутить на расстоянии.

Этим утром он был одет в джинсы, они обтягивали его длинные ноги и подчеркивали плоский живот. Черная футболка была заправлена в пояс, талию перехватывал простой кожаный ремень. На поясе в кобуре был пистолет. Кейн носил оружие с такой непринужденной уверенностью, что, казалось, пистолет был продолжением его тела.

— Когда-нибудь мне надоест слышать «котенок» в свой адрес, — со сдерживаемой злостью в голосе пробормотала Шерра и уставилась в свою чашку с кофе.

Взаимодействие в прайде Кошачьих Пород удивляло Рони. Они готовы были прийти на помощь друг другу и тем новичкам из Пород, которые каждый день прибывали в поместье, ищущие помощи. Все здесь словно были одной большой семьей. Они ссорились и ворчали друг на друга, но готовы были сразиться друг за друга без сомнений.

— Кейн, как всегда, твои манеры оставляют желать лучшего, — вздохнула Меринас.

Кэллан рядом с ней весело хмыкнул.

Меринас оглядела своего брата и тоненькую стройную Шерру с настороженным беспокойством.

— Он все-таки кое-чему научился, — сказал Табер Рони, когда она тоже подняла взгляд и посмотрела на Кейна, наливающего себе кофе одной рукой и держащего стопку отчетов в другой.

Кейн был опасен. По-другому и не сказать. Его глаза были как глубокие лужи синего льда, подозрительные, полные темной энергии. Это заставило Рони занервничать.

Очевидно, и Шерра нервничала при виде Кейна. Она заерзала на сиденье, бросая на мужчину взгляды, наполненные сдерживаемым гневом.

— Меринас, не высовывай нос из дома. Временно. Ты и мисс Эндрюс. Я не знаю, как, черт возьми, эти снайперы попали в поместье, но тот, кого мы поймали живым, больше не хочет играть по нашим правилам и отказывается давать информацию.

Жестокая улыбка изогнула его губы. Кейн прислонился к шкафу, поднес чашку к губам и сделал первый глоток. Отпив кофе, он заверил присутствующих, что вскоре упрямый снайпер будет более чем счастлив играть в любые игры, которые предложит Кейн. Рони передернуло бы от угрозы в его голосе, если бы ситуация не была столь серьезной.

— Так что же вам удалось выяснить? — спросил тихо Кэллан. Он откинулся на спинку стула во главе стола и внимательно поглядел на Кейна. — Кроме того, что наш новый друг временно стал врединой.

Кейн хмыкнул, рассеянно почесывая щеку рукой, в которой держал бумаги.

— Есть вероятность, что это не работа Совета. — Голос у него стал гораздо более опасным. — Я не уверен, кто за этим стоит, но мы уже близко. Из того, что нам удалось выяснить, следует, что, скорее всего тут замешана какая-то отдельная группировка людей. Они верят, что мир будет гораздо лучше, если в суп не добавлять звериную «приправу», ну, вы понимаете.

Рони огляделась. Выражения лиц Пород, собравшихся вокруг большого кухонного стола, ее не удивили. Презрение. Гнев и презрение.

— Хм, интересно, а у этих уродов есть такие же миленькие дочки?

Глаза Рони расширились, когда она встретила взглядом с Таннером. Сексуальная угроза в его голосе удивила ее.

Он был Бенгальской породы, ей уже сказал об этом Табер. И выглядел Таннер соответствующе.

Его густые длинные черные волосы были словно освещены изнутри вспышками золота и обрамляли его смуглое сосредоточенное лицо. Он выглядел, как падший ангел, сексапильно и привлекательно. Янтарного цвета глаза засверкали и опасно сузились.

Рони знала Таннера столько же, сколько и Табера. Тот был к ней дружелюбен, иногда флиртовал, но никогда еще так открыто не демонстрировал животную часть своей души. Как будто бы жестоко осуждал и подавлял ее в себе.

— Таннер. — проворчал Кэллан, предупреждая.

— Ну же, Кэл, я смогу добавить немного звериной приправы в их супчик, — молодой человек фыркнул. — Я никому не причиню зла.

— Давайте еще подеритесь, котики, — зашипел Кейн.

На него зарычали сразу несколько человек. Его губы растянула ухмылка, как будто бы все это его забавляло, хотя угроза в звериных рыках окружающих его Пород была явной.

— Ближе к делу, Кейн, — негромко сказал ему Кэллан, но излишняя мягкость, почти шелковистость его голоса не обманула Рони. Лидер прайда Кошек уже начинал уставать от попыток брата Меринас диктовать им, что нужно делать.

Но Кейн язвил не с целью оскорбить. Рони видела, что он несколько фамильярен с Породами, но одновременно отмечала его уважительное и заботливое отношение к людям Кэллана. Его поведение говорило лишь о сильном напряжении.

— Дело в том, — Кейн поставил свой кофе на стол и посмотрел на бумаги, которые держал в руках, — что ряд наиболее радикально настроенных группировок решил объединиться. Они называют себя Освободителями. Их главной целью является уничтожение генетически модифицированных людей. Денег у них не много, но у них есть оружие и кучка военных. Похоже, открылся сезон охоты, мальчики и девочки. И угадайте, кого мы ловим?

Молчание длилось долго, напряжение повисло в воздухе.

— Мы ожидали этого. — Несмотря на его сказанное, голос Кэллана звучал утомленно, почти печально. — Что у нас с безопасностью, мы закончили?

— Почти. — Кейн пожал плечами. — Но никакая система не будет идеальной, Кэллан. У нас слишком большая территория, и наш периметр постоянно проверяют на прочность снаружи. Эти ублюдки ведут себя тихо, и по большей части просто наблюдают. И ходят слухи, что у них есть шпион здесь, внутри.

Рони напряглась, сжав кулаки на коленях в попытке побороть эмоции.

— Так поймите его, — терпение Шерры лопнуло, она уставилась на Кейна. — Что ты здесь вообще делаешь? Торчишь в доме, болтаешь о том о сем, и совсем не работаешь.

— По крайней мере, я пытаюсь быть общительным. — Его улыбка была жесткой, твердой. — В отличие от некоторых из нас, я могу управлять своими эмоциями и способен быть вежливым дольше, чем пять минут в день.

— О, правда? — протянула она ехидно. — Забавно, а я и не заметила вежливости среди всех шпилек в мою сторону и наполовину завуалированных оскорблений. Прости меня, Кейн. Я уверена, ты делаешь все возможное.

Он прищурился. Разыгрывающаяся перед глазами Рони сцена покорила ее не хуже, чем эпизод какой-нибудь «мыльной оперы».

— Продолжай задевать меня, Шерра, и тебе точно не понравятся последствия.

Эмоции сгустились между Шеррой и Кейном.

— Ты не нравишься мне... иногда. — Она поднялась на ноги, взглянув на Кэллана. — Когда у вас появятся реальные ответы, Кэл, дай мне знать. Все, что у него есть — это его проклятая конспирология, а я уже устала от шпионов.

Она величественно вышла из комнаты с гордо поднятой головой, грива длинных,

невероятно густых светлых волос вспыхнула в свете солнца, когда Шерра прошла через дверь.

— Один из этих дней... - пробормотал Кейн.

— Оставь ее в покое, Кейн. — Голос Мериныс был почти жестким. — Ты слишком давишь.

Кейн одарил сестру тяжелым взглядом.

— Я буду давить сильнее, пока она не сдастся, - сказал он резко. — И вы можете просто наблюдать, а можете сказать мне, в чем дело. Выбирай, Мерри. В любом случае, я найду ответы, которые я хочу.

— Хватит уже, — приказал Кэллан, его уровень раздражения, видимо, достиг своего предела, и он поднялся. — Занимайся своей личной жизнью, не тратя мое время, Кейн. — Затем он повернулся к младшему из самцов Пород. — Таннер, идешь в город сегодня вечером. Посмотрим, что можно узнать из источников на месте. Я хочу знать, кто и как участвует во всем этом.

— Я бы сначала допросил нашего нового гостя. — Грубый резкий голос донесся до них со стороны дверного проема.

Рони узнала мужчину, которого видела ночью. Мерк, кажется, так они его называли. Он смотрел на них спокойными, глубокими карими глазами, но ничто не могло скрыть окружающую его ауру смерти.

— То есть? — спросил негромко Кэллан.

— То есть, я поймал его шныряющим возле арсенала. Я запретил ходить туда, но потом мои ребята сказали, что он отирается возле помещения связи. У этого парня Смерть с косой сидит на плече, Кэллан. И я не собираюсь больше ей мешать.

Глава 32

– Я хочу, чтобы Реджинальд ушел, - сказала Рони, глядя на Табера.

Они вышли из кухни и спустились в тенистый сад. Сад был единственным местом за пределами дома, куда Табер и другие Породы позволяли выходить женщинам. Это был большой двор, но над головой, от стены до стены, протянулись толстые деревянные балки, держащие на себе множество виноградных лоз. Даже в разгар дня в саду было прохладнее, чем в наполненном духотой доме.

Она направилась дальше, к небольшому гроту, укрытому густым кустарником и низкорослыми деревьями, растущими вокруг центрального фонтана.

Растения наполняли воздух пьянящим ароматом своих цветов. Фонтан игриво сверкал на солнце, увлажняя воздух вокруг, придавая месту оттенок чувственности и расслабления.

Рони отчаянно хотелось убедить Табера в том, что ее отца из поместья нужно увезти.

Она положила ладонь на живот, пытаясь успокоить нервы. Невыносимая жара, обрушившаяся на местность в последние дни, уже спадала. Она была беременна, и она была в ужасе. Более напуганная, чем когда-либо в ее жизни.

– Рони, позволь нам делать нашу работу, - мягко сказал ей Табер, когда она повернулась к нему. Его глаза светились теплом и заботой, которая пока для нее была непривычна.

– А какова конкретно ваша работа? – горько спросила она. – Стоять и ждать, пока кого-нибудь убьют: ждать, пока Реджинальд сделает то, за чем пришел?

– Моя работа – обеспечивать безопасность этого места. – Его голос стал глубже, и она услышала грубый клекот в его груди. – Ты думаешь, я не смогу тебя защитить?

Рони в отчаянии закатила глаза.

– Нет ничего общего между моей верой в тебя и тем, на что способен Реджинальд. — Ее рука прорезала воздух между ними.

Она чувствовала, как растет ее страх, чувствовала себя больной, слабой. Ужасное ощущение в животе словно предупреждало ее, что Реджинальд задумал нечто страшное. Она помнила угрозу в его пристальном взгляде, в его расчетливых словах. Он был по горло в проблемах и решил решить их за ее счет.

– Ты забываешь, что я знаю его так же хорошо, как и ты, Рони, — осторожно напомнил он ей. – Я знаю, на что он способен.

Она ненавидела этот сдержанный звук его голоса. Как будто он выбирал каждое слово, каждый шаг. Как будто позволял себе показывать ей лишь часть своих настоящих мыслей.

– Зачем давать ему шанс, Табер? — Она хотела закричать на него, но удержалась, и лишь зашипела, расхаживая перед ним туда-суда. – Зачем? Риск слишком велик.

– Что он может сделать? — задал Табер логичный вопрос. Она ненавидела логику. Она ненавидела его логику. Такую холодную и уверенную. – Нам нужно знать, кто его нанял, и чего он хочет. Если мы отпустим его, мы можем не узнать, пока не станет слишком поздно. Мы не можем рисковать, Рони.

– Ты лучше будешь рисковать своей жизнью.

Она покачала головой, засунув дрожащие руки в карманы джинсов, и опустилась на одну из широких каменных скамеек на краю двора.

– Моя жизнь каждый день в опасности, детка. — Он вздохнул и сел рядом с ней, притягивая ее в свои объятия. – Ты думаешь, я не знаю, за что ты так упорно борешься? Думаешь, я не знаю, что ты носишь моего ребенка, Рони? Как я мог не почувствовать изменения в твоём теле?

Рони напряглась в его объятиях.

– Ты не можешь быть в этом уверен.

– Меринас перестала лихорадить, когда зачала. Теперь нет той отчаянной потребности, что сводила тебя с ума, Рони. Тебе стало легче.

Табер понюхал ее шею, его теплое дыхание коснулось ее кожи, и она поежилась от удовольствия.

— Это ничего не значит. — Рони попыталась отмахнуться от него, чтобы удержаться от мыслей о теплой волне, пронзившей тело. — То, что Меринас беременна, не значит, что я тоже беременна.

Но Рони уже поняла, что чувствует. Это уже была не совсем лихорадка, просто обычное желание, которое она и не надеялась уже снова испытать.

С этим желанием она могла справиться. Она могла бы сопротивляться ему, могла бы не сходить с ума по сексу с Табером только от одного лишь прикосновения его дыхания к ее шее.

И все же невольно выгнулась в ответ на ласку, ее дыхание сорвалось на всхлип. Тенистый грот неожиданно стал слишком тесным, влажным, и эта атмосфера пробудила ее чувственность, снова погружая в океан страсти.

Он хмыкнул. Звук был низкий, сексуальный. Табер приподнял Рони и, развернув, усадил к себе на колени.

— Дай мне встать. — Она боролась, но знала, что на самом деле не хочет вырваться.

Его руки легко держали ее, он смотрел на нее, его глаза сузились, стали темнее, насыщеннее. Рони задрожала под его взглядом.

— Я все еще хочу трахнуть тебя. Прямо здесь, Рони, — похотливо прошептал он, его рука скользнула вверх по ее бедру, приподняла край мягкой хлопковой блузки и легла на грудь.

Рони почувствовала, как ее соски напряглись и запульсировали в предвкушении. Они заныли, требуя его прикосновений — его рук, его языка, предчувствуя удовольствие, которое испытают, когда Табер возьмет их в рот. Ее лоно сжалось от желания, киска потекла, готовая принять его твердый член, каждая клеточка тела закричала о желании.

— Кто-нибудь увидит нас. — Она боролась со стонами. — Кроме того, мы спорили...

— Ты спорила. Я возражал, — отметил он, его голос выражал нетерпение. Табер задрал ее блузку вверх, обнажая полные груди. — И я закончил с возражениями и хочу немного попировать.

Ее влагище откликнулось на звук его голоса, ее соски запульсировали. Опустив голову, Рони наблюдала, как его чувственные полные губы раскрылись, и язык легко обвел набухший сосок, даруя ей взрывное наслаждение.

— О Боже, Табер. — Она не смогла остановить отчаянный стон, когда его рот накрыл окаменевший от желания сосок.

Его язык кружил вокруг возбужденного влажного соска, терзая его. Рони не могла отвести взгляда. Это было самое греховно-чувственное зрелище, которое она когда-либо видела. Его темное лицо вспыхнуло возбуждением... для нее. Это все было для нее. Табер выглядел сосредоточенным, и на его лице было написано такое удовольствие, что Рони едва не кончила.

Его рука гладила чувствительную плоть второй груди, его язык лизал горящий пламенем сосок первой. Удовольствие ее усилилось. Она почувствовала, как ее лоно сжалось, а потом соки возбуждения хлынули из нее наружу, увлажнив губы занывшей от желания киски. Ее клитор сжимался, пульсировал в такт движениям Табера.

Он застонал, звук защекотал возбужденный пик соска.

— Вкусный. — Табер поднял голову, ее сосок выпал из его рта с легким влажным чмокающим звуком. — Иди сюда, детка, позволь мне раздеть тебя. Я покажу тебе...

— Табер, ты мне нужен здесь, если у тебя есть время. — Голос Кэлана донесся до них через двор. — Мы будем ждать тебя в офисе.

Вторжение было как ведро ледяной воды, Рони напряглась в руках Табера, ее глаза расширились в тревоге. Она не могла поверить, что просто забыла об обитателях дома. Как легко кто угодно мог стать свидетелем эротических игр в тенистом гроте посреди бела дня.

– Черт, он не дергал меня, пока ты была в лихорадке, - пробормотал он. – Теперь же будет мешать всякий раз, как сможет.

– Что? — Она покачала головой, быстро слезая с его колен, поправляя на груди рубашку. – Почему?

Табер поморщился и поднялся, эрекция жесткой выпуклостью натянула его джинсы.

– Я так тоже делал. — Он пожал плечами с задиристой ухмылкой. — Мы все делали. Черт, до сих пор делаем. Он раздражается.

Он пожал своими широкими плечами, почти беззаботная улыбка заставила сжаться ее сердце.

Как часто она видела такую улыбку? Его глаза светились от веселья, губы улыбались. Совсем как у мальчишки. Рони удивленно осознала, что никогда не видела у Табера такой улыбки и такого взгляда. Потому что никогда еще при ней Табер не позволял себе расслабиться – до конца расслабиться, быть самим собой.

– Пусть он лучше надает тебе пинков, чем вот так наказывать и меня тоже, - громко вздохнула она. – Иди, делай все, что ты там собирался сделать. Я хочу посидеть тут еще немного.

Она села на скамейку, глядя на Табера с бьющимся сердцем. Колени подгибались.

Помоги ей Боже, он был слишком красив, и она боялась снова потерять его. Боялась потерять, на этот раз, навсегда.

– Я скоро вернусь. — Он встал на колени перед ней, не отрывая от нее глаз, и положил руку на нижнюю часть ее живота. – Оставайся в доме, Рони, пока я не вернусь. Заботься о нашем ребенке.

Волна наслаждения захлестнула ее тело при звуке его голоса. Он был хриплый, глубокий, он ласкал ее нервные окончания, как физическое прикосновение. Она буквально ощущала его страсть – не только в интонациях понизившегося голоса, но и в повисшем между ними напряжении невысказанных вслух эмоций.

– Ты не можешь быть так уверен. — Она покачала головой, смущенная собственными ощущениями.

Это была не просто утихающая лихорадка, это было настоящее осознание. Она поняла, что не только ее тело не сможет жить без Табера. Без него не смогут жить и ее сердце, и ее душа.

Как мрачно и пусто было в ее жизни до того, как он научил ее жить снова. Он заставлял ее бороться, заставлял ее не бояться быть той, кем она была. Он подарил ей все то, чего она так жаждала: свое сердце, чтобы лелеять, душу, чтобы защищать, свое тело, чтобы наслаждаться им, и любовь к ней. Табер и их будущий ребенок – вот все, о чем она когда-либо мечтала.

– Я чувствую изменения в твоем теле, — прошептал он. – Я чувствую твоё тепло, я чувствую нашего ребенка. Ты хоть представляешь, как это прекрасно, Рони? У меня не было ничего и никого в моей жизни, а теперь у меня есть не только ты, но и ребенок, которого мы создали вместе.

Она могла видеть надежды и страхи, которые наполняли его в тот момент. Он устался на нее, и его мечты отражались в блеске его глаз. Но вот брови нахмурились, выражение лица стало жестоким, напряженным. Табер опустил голову и коснулся губами ее живота там, где лежали его руки.

Рони выдохнула, ее пальцы сжали его плечи, когда он уткнулся лицом в ее живот. Он был такой сильный и уверенный в ее руках, и он склонился над ней, словно прислушиваясь к ребенку, живущему у нее внутри.

– Я люблю тебя, Рони. — Слова прозвучали еле слышно, но ее сердце захолонуло от эмоций. – Знай это. В течение многих лет я жаждал тебя. Любил тебя. Ты дополнила меня...

Он не дал ей времени ответить. Не дал времени, чтобы принять эмоции, которые ей подарил.

Табер быстро поднялся на ноги и пошел прочь. Никаких поцелуев. Прикосновений. Ни шанса отвергнуть его признание. Как будто она могла его отвергнуть.

Рони опустила голову, сдерживая слезы, пытаясь справиться со своими эмоциями. Как бы она ни боялась последствий, она любила его. Всегда любила его. Но, черт, он был такой скупой на признания.

Глава 33

— Ты думала, что сможешь прятаться от меня вечно, девочка? — Голос Реджинальда вторгся в ее мысли, нарушая мирную атмосферу гостиной особняка.

Рони знала, что от Реджинальда стоит ожидать какой-то глупости. Он никогда не был умным человеком, но она не ожидала, что он окажется таким настырным. И совсем не думала, что он окажется достаточно изобретателен, чтобы проскользнуть мимо охраны кошачьих Пород, пока Табера не было дома.

Минуту назад она была в гостиной одна, наблюдая за прибытием раненых Пород в поместье, а в следующую секунду уже оказалась перед лицом человека, которого всегда ненавидела.

— Что ты здесь делаешь? — Она отскочила прочь от него, ее взгляд метнулся к открытой входной двери. — Думаешь, никто не знает, что ты здесь, Реджинальд?

Рони посмотрела на Реджинальда, и желудок сжался от недоброго предчувствия.

— Не имеет значения, знают они или нет, — зашипел он глумливо. — Я просто пришел навестить свою маленькую девочку. Или ты забыла, что у тебя есть отец?

— Как бы я хотела, — отрезала она. — Какого черта ты тут делаешь? Тебе не стоит выводить этих людей из себя, Реджинальд, ты знаешь?

Его улыбка ужаснула ее. Он растянул губы в злобной ухмылке, а его голубые глаза засверкали злобой.

— Что ты сделал, Реджинальд? — Рони чувствовала, как обрывается последняя нить надежды на то, что отец просто оставит ее в покое.

— Послушай, Рони, они ведь не создания природы. Они не люди, — фанатично заговорил он, пугая ее до полусмерти. — Я знаю, что он поставил на тебе клеймо. Все, что мне нужно — это чтобы ты согласилась уехать со мной. Ненадолго, детка, просто чтобы мои друзья чуть поработали с твоей кровью. Просто немного тестов, вот и все.

— Ты шутишь. — Она медленно покачала головой, отодвигаясь от него в жутком страхе. — Я никуда не пойду. Если ты за этим сюда пришел, можешь сразу уходить.

Он нахмурился, зловеще сдвинул темные брови, и пульс Рони участился. Он никогда не смотрел на нее так. Она никогда раньше не видела такой ненависти, такого презрения в глазах другого человека. И она никогда не думала, что такая ненависть может быть направлена на нее.

— Ты пойдешь со мной, Рони, — отрезал он, наблюдая за ней с яростью, граничившей с безумием. — Никто не знает, что за ребенка он тебе сделал, пока вы с ним трахались. Думаешь, я позволю всем узнать, что твой ребенок — какой-то ублюдок, грязное животное? — Она вздрогнула от отвращения и ярости, звучащих в его голосе.

— Ты сумасшедший, — прошептала Рони. — Они имеют такое же право жить, Реджинальд. Более того.

— О, избавь меня от своих выступлений, — он презрительно сплюнул. — Скажи мне, девочка, как давно ты трахаешься с этим вырожденком? Поэтому он и угрожал убить меня, если я разрешу своим друзьям немного тебя развлечь? Хотел, чтобы твоя писька принадлежала только ему?

Рони попятилась, а он пододвигался все ближе. Она чувствовала, как ненависть, черная и мерзкая, льется из него потоком.

— Я не собираюсь это обсуждать, — отрезала она, пытаясь не показать своего страха.

— Сколько тебе было лет, когда он нашел тебя, когда ты убежала и спряталась в этих горах? Десять? Одиннадцать? Он тебя трахнул потом, Рони? Поэтому ты и ходила за ним хвостом?

Она отчаянно покачала головой, гадая, где, черт возьми, ошибаются люди, которые должны быть в доме.

— Я не собираюсь с тобой говорить на эту тему. — Рони покачала головой. — Не у всех друзья – извращенцы, как у тебя, Реджинальд.

— Если бы я знал, что именно поэтому ты им так очарована, я бы нашел тебе друга, – глумился он. — Даже отдал бы вам свою постель — все равно она пуста с тех пор, как твоя тупая сука мать умерла...

— Хватит. – Рони отчаянно покачала головой. — Не трогай маму, Реджинальд.

Ее хрупкая, усталая мать. Рони дрожала при воспоминании о ней. Она редко позволяла себе вспоминать мать. Воспоминания были мрачными, болезненными. Марджери Эндрюс была слишком нежным, слишком мягким созданием, и жизнь с Реджинальдом просто сломала ее.

— Не трогай маму, – передразнил он с издевкой. — Хорошо, мы не будем трогать дорогую мамочку. Тащи свою задницу за дверь и в мою машину, и мы отправимся в путешествие.

— Зачем? — Между ними был диван, но путь к выходу был по-прежнему заблокирован. — Ты действительно думаешь, что я настолько глупа, чтобы пойти с тобой? Разрешить тебе или кому-то еще коснуться себя, Реджинальд? Этого не будет.

— Как насчет сделки? — Он помолчал, пристально наблюдая за ней, выражение его лица выражало триумф.

— Что?

Он был безумен. Рони могла только моргать, глядя на него в изумлении. Неужели он думает, что она способна продать себя, свою душу?

— Сделка, - повторил он тихо. — Ты пойдешь со мной, Рони, и пусть мои мальчики делают свои тесты, и взамен я скажу тебе, почему твоя мама так хотела жить в этих горах. Я скажу, почему она позволила мне и моим друзьям делать с ней все, что мы хотели. Я скажу тебе, деточка, кто твой отец.

Казалось, время остановилось для Рони. Она смотрела на Реджинальда с чувством ужаса и восторга, а еще благодарности. Благодарности, которая заставила ее колени подгибаться.

— Ты не мой отец.

— Я вижу, что это просто разрывает твое сердце, – рявкнул он резко. — Что, думаешь, ты слишком хороша, чтобы быть моей дочерью?

— Я думаю, что и гадюка слишком хороша, чтобы быть твоим ребенком, но это только мое мнение. — Ей нужно отвлечь его, заставить его сменить позицию, чтобы выскочить из-за дивана и сбежать. Но он подошел к ней с другой стороны, и она оказалась в ловушке. — Так скажи мне, Реджинальд, почему меня должно волновать, кто мой отец? Он не может быть кем-то стоящим, иначе бы ты уже продал кому-нибудь эту информацию.

— Да правда? — Он кудахтал. Боже, он на самом деле он кудахтал, как какая-то старая карга. Как старая карга.

— Конечно же, Реджинальд. - Она говорила спокойным голосом, надеясь удержать его от попытки напасть и схватить ее. Рони видела, что он готовится прыгнуть к ней, его тело подобралось.

— Нет, я не скажу тебе, Рони. Даже если ты пообещаешь мне половину земель в Техасе, не скажу. Не без причины. Потому что это означало бы обесценить мою собственную жизнь. Но я скажу, если ты пойдешь со мной без криков и спокойно.

Расчетливый и дикий, его взгляд напоминал ей взгляд однажды увиденного бешеного пса.

Она не могла позволить ему забрать ее из дома. Если Реджинальду удастся ее похитить, он получит огромное преимущество.

— Я не уйду с тобой, – сказала она ему, осторожно двигаясь дальше назад, глядя на него, понимая, что он почти обезумел. — И Табер не позволит тебе забрать меня, Реджинальд. Тебе не удастся увезти меня. И тебе лучше уйти самому, пока ты еще можешь.

Его глаза сузились.

— Эта вонючая кошка слишком занята, чтобы беспокоиться о тебе, девочка. И я не принимаю отрицательного ответа.

Он прыгнул к ней. Рони знала, что у нее будет только одна секунда, чтобы уклониться от него, только один шанс рвануть мимо него и побежать к двери. Когда его рука ухватила ее за волосы, она прыгнула. Реджинальд всегда хватал ее за волосы, когда хотел наказать. Он держал ее за волосы и делал с ней все, что хотел.

Она почувствовала, как его пальцы скользнули по ее голове, и она задергалась на диване, выкрикивая имя Табера. Где, черт побери, все они?

— Стерва.

Рони почти удалось. Она вырвалась и спрыгнула с дивана, но он поймал ее за лодыжку и дернул с достаточной силой, чтобы у Рони перехватило дыхание от падения. Она боролась изо всех сил, пытаясь одновременно защитить живот, чтобы не навредить ребенку.

Она оттолкнулась от подушки, ударив Реджинальда другой ногой, но он уже схватил ее. Она даже не могла выдохнуть, чтобы позвать на помощь. Ей нужна была ее сила, ее смекалка, чтобы попытаться убежать. Если никто до сих пор не слышал ее криков, значит, все далеко.

Она пнула его в пах и оттолкнула изо всех сил, но вскочить не смогла — зацепилась за его бедро. Рони подскочила и перевернулась на диване, ее лодыжки взорвались от мучительной боли из-за резкого разворота. Спотыкаясь, Рони побежала к двери, выкрикивая имя Табера.

Но Реджинальд догнал ее.

— Я сказал, ты пойдешь со мной. — Он снова схватил ее за волосы, на этот раз резко ударив по голове, заставив ее застонать и упасть на пол, скорчившись от боли.

— Табер, — она попыталась снова крикнуть его имя, чтобы предупредить, предостеречь.

Но тьма сгустилась вокруг нее, охватила ее сознание, и она знала, что рев кровожадного зверя, который она слышит, раздается только в ее голове.

Глава 34

Злость захлестнула Табера яростной, почти удушающей волной, когда он услышал неистовые крики Рони, эхом отдающиеся через дом. Меринас прибежала к нему и Кэллану, заметив пробирающегося в дом Реджинальда, она была в ужасе от его намерений.

Табер уже бежал через двор, когда услышал ее крики. Он вошел в гостиную вовремя, чтобы увидеть, как этот ублюдок бьет Рони по голове кулаком, и она падает на пол.

В его сердце не было милосердия. Он не стал обуздывать разрывающий его гнев. Его рев эхом разнесся по комнате, когда он бросился на другого мужчину, отчаянно пытаясь отвести угрозу от своей женщины.

Реджинальд оказался быстрее и сильнее, чем ожидал Табер. Они покатались по полу, пожилой мужчина рыкнул и ударил Табера в ребра с силой, достаточной, чтобы на секунду лишить его способности дышать и двигаться.

Но животное, которое тот осторожно держал на поводке все годы своей взрослой жизни, теперь оказалось на свободе. Не было пощады, не было милосердия к человеку, который осмелился угрожать тому, чем дорожил Табер.

Словно в тумане он видел, как мужчины один за другим заходят в комнату. Рони унесли в безопасное место, Кэллан резко и жестко отдал приказ срочно найти для нее доктора.

— Она жива, Табер, — позвал Кэллан Табера, стоящего нос к носу с Реджинальдом. — Отпусти его. Пусть его схватят наши люди.

Из груди Табера вырвался звериный рев. Реджинальд отшатнулся, когда Табер накинулся на него снова. Его кулак врезался в голову Реджинальда, разбрызгивая кровь, раздирая плоть. Табер вздернул мужчину с пола, когда тот упал, и сжал его шею, душа без зазрения совести. Глаза Реджинальда закатились и вылезли из орбит.

— Ты убьешь меня, и ты знаешь, что будет, — захрипел Реджинальд, когда ему удалось на мгновение оторвать от себя руки Табера. — Это будет во всех новостях, мальчик. Все будут знать.

— А ты спроси меня, не плевать ли мне, — Табер зарычал и шагнул к нему.

Реджинальд попятился, отчаянно бормоча.

— Я ее не трогал.

— Ты умрешь.

— Ну хватит, парень, — теперь в голосе Реджинальда звучала мольба.

Он отступал, стараясь уклониться от Табера, который снова надвигался на него.

— Ты же знаешь, я ее не трогал.

Табер стал успокаиваться. Он попытался усмирить свою жажду мести, свою ярость, но пожилой мужчина сделал роковую ошибку. Реджинальд достал из-за спины маленький, смертоносный пистолет и прицелился в грудь Табера с улыбкой удовлетворения на лице. Его палец лег на курок.

— Сдохни, кошка.

Табер бросился в сторону, когда раздался выстрел. Но одновременно с выстрелом Реджинальда раздалось еще несколько. Вскочив на ноги, Табер увидел, как тело Реджинальда судорожно дергается под градом пуль, обрушившихся на его тело. Одна в сердце. Одна - в точку между глаз. Он упал неторопливо, как в замедленной съемке, стук его тела эхом раздался в комнате.

— Черт возьми, кошка, сколько раз я должен рассказывать тебе, как убивают бешеных животных? — прищелкнул языком Кейн, входя в комнату. Он осторожно подтолкнул тело Реджинальда ногой. — Вот так это делается. Одним выстрелом.

Табер повернулся к брату Меринас, адреналин все еще пылал в его крови, ярость туманила мозг.

— Еще раз назовешь меня кошаком, и я засуну этот ствол тебе в задницу и выпущу в тебя всю блядскую обойму! — зарычал он яростно, столкнувшись с Кейном нос к носу. — Тебе не нравится твоя работа? Тогда сваливай нахер, Кейн!

Кейн заморгал. Голубые глаза, почти такого же цвета, как у Рони, как правило, жесткие и холодные, словно оттаяли. Он положил руки на плечи Таберу.

— Перемирие? — предложил он.

Табер резко вдохнул, качая головой, борясь с гневом, который его сжигал.

— Как этот ублюдок попал в дом? — он повернулся к Кэллану. — Я думал, Мерк за ним следит. Что случилось?

— Ему удалось обхитрить его. Оглушил его, и довольно надолго, — Кэллан покачал головой, махнув рукой в сторону мужчин, вытаскивающих из дома тело Реджинальда.

— Мы поймали его, Табер. Все кончено. — Кэллан хлопнул его по плечу и тяжело вздохнул. — Иди к своей женщине. Ты будешь нужен ей, когда она проснется.

* * * * *

Рони уже не спала, когда Табер шагнул в спальню. Меринас сидела рядом с ней на кровати, мягко разговаривая с ней, вытирая влажной тканью ее лоб.

Ее рубашка была разорвана, плечо опухло, на лице выступили синяки. Она была самым красивым созданием, которое он когда-либо видел.

— Он мертв?

Он ожидал слез, может быть, сожаления. Но ее глаза сияли горькой надеждой.

— Я сожалею, — прошептал он, когда Меринас поднялась на ноги и пошла к выходу из комнаты.

— Табер, вы сделали то, что должны были сделать. — Меринас остановилась рядом с ним, ее рука, утешая, погладила его плечо. — Не сожалею. Я уверена, что другого выбора не было.

Другого выхода нет, — подумал Табер. — Человек, который бил своего ребенка, не заслуживал права на жизнь.

Он посмотрел на Рони. Дверь за Меринас тихо закрылась. На лице Рони была боль, был скрываемый страх. Он переступил черту, сделал что-то, чего она не могла принять?

— Он не мой отец. — Потом ее голос дрогнул. — Почему мама не сказала мне, что он не мой отец, Табер? Почему она скрывала это от меня?

Как будто что-то наконец-то прорвалось у нее внутри. Табер бросился на кровать, притягивая ее в свои объятия, его сердце рвалось от боли.

— Я не знаю, детка, — прошептал он с болью.

— Она любила моего отца. — Рони ухватила его за рубашку. — Я знаю, что любила. Она сказала мне, что любила. Почему она осталась с этим ублюдком? Почему она позволяла ему причинять ей боль?

Он чувствовал, как ярость пульсирует внутри нее, как растет боль при воспоминании о детстве, которое у нее отняли. Он не смог защитить ее от всего, неважно, как сильно пытался. И даже сейчас он не мог защитить ее от полного осознания предательства, с которым она столкнулась. Жизнь их ребенка будет другой. Он мог только обнимать ее и молиться.

— Я бы отдал все, чтобы принять эту боль за тебя.

Табер опустил голову, глядя на Рони, его сердце болело за нее, даже несмотря на то, что одновременно радовалось тому, что все обошлось. Она не ненавидела его. Ее не пугало животное, которое иногда вырывалось на свободу. Она приняла его целиком. И если бы он мог, он отдал бы все, чтобы спасти ее от этой боли.

Ее глаза были как темные омуты, в них была растерянность и обида, но он мог видеть ее доверие. Ее потребность в нем.

— Не надо, — Рони, наконец, вздохнула. — Я бы не стала ничего менять, Табер. Не стала бы менять, потому что тогда я не встретила бы всех вас. Остальное неважно, даже

жестокость Реджинальда, ведь она теперь в прошлом. Я могу жить с этим. Я не могу жить без тебя.

Как она могла сделать такое с ним? Заставить его грудь наполниться чувством гордости от таких простых слов? Заставить его чувствовать себя так, будто он может покорить мир, просто улыбнувшись ему?

— Я всегда буду с тобой, - выдохнул Табер, его голос охрип от переполнивших его эмоций, удививших даже его самого. Любовь наполнила его душу. — Всегда, Рони. Я всегда буду рядом.

Она прикоснулась к его щеке. Почти судорожно его рука поднялась и коснулась ее руки, сжала ее, поднесла к губам. Табер коснулся ладони Рони поцелуем, в который вложил всю душу.

— Тогда я счастлива, - она вздохнула, тяжелый, усталый вздох. — Обними меня, Табер. Ложись рядом со мной и просто обними меня. Останься со мной.

Он опустил ее на кровать, заключил в объятия, крепко прижав к груди, уперся в ее макушку подбородком. Ее тело совершенно естественно прижалось к нему. Стало тепло. Стало спокойно.

— Мы будем любить нашего малыша, - прошептала она сонно.

— Всегда, Рони. Мы его будем просто обожать.

Табер понимал, в глубине души, что у него уже нет выбора.

Она тяжело вздохнула, позволяя, наконец, себе расслабиться. События последних дней окончательно подорвали ее силы. Табер почувствовал, как ее дыхание углубляется, а тело слабеет, и только тогда позволил одной слезе медленно скатиться по его щеке. Она была его подарком. Его душой.

Спасение, наконец, пришло к человеку и к животному внутри, с которым он каждый день боролся. С ней он наконец обрел покой.

Глава 35

Аарон Лоуренс по-прежнему сидел, замерев на месте, его глаза были прикованы к экрану телевизора, изображение било его с силой приливной волны. Слова, пробивающиеся через шум голосов, почти не имели смысла. Он видел только ее лицо. Лицо, которое он и не мечтал никогда больше увидеть.

Вероника Эндрюс. Дочь Реджинальда и Маргарет Эндрюс. Его душа кричала в знак протеста. Она не дочь этого ублюдка-предателя. Она *его*. Его дитя. В прошлом у него была связь с женщиной, вырвавшей из него душу. С женщиной, которая бежала в ужасе от преступлений, которые, как она верила, он совершил.

Его дочь. Он пытался сдержать свои слезы, свое горе. Она была так похожа на свою мать. Такой же нежный изгиб бровей, темно-голубые глаза, пухлость щек. Страх, заставивший ее лицо побелеть...

Репортеры были как звери, они гнались за ней. Срывали с нее одежду. Кричали на нее. Он глядел на экран, ярость клокотала в его груди.

— Мне нужны их имена. — Он не смотрел на сына. Сет сможет позаботиться обо всем. Он знает, что делать.

Челюсти Аарона сжались, он пытался справиться с яростью в душе. Метка на ее шее была мерзостью. Неестественной. Несмотря на нейтральную позицию Сета в отношении Пород, Аарон несколько месяцев назад перевел деньги для организации, которая хотела их уничтожить. Но теперь, когда он знал, в чем дело, когда Сет показал ему интервью — после скромной церемонии бракосочетания между его дочерью и ее зверем — он устало признал, что смысла уничтожать этих животных нет. Ведь она была счастлива.

Он нахмурился. А что, если не была? Что, если каким-то образом ее заставили это сделать?

Если так, он мог привезти ее домой. Он мог бы ухаживать за ней. Дать ей все, чего не дал ей за всю ее жизнь. Он мог бы быть ее отцом.

Да, так было бы хорошо, — подумал он. Надежда снова проклюнулась в нем. Сет мог бы сделать это. Конечно, Аарон понимал, что сначала придется убедить своего сына, что так нужно. Сет был слишком прямой, слишком честный. Были дни, когда Аарон даже думал, что у мальчика другой отец, но Сет был чертовски сильно похож на него.

Те же темно-каштановые волосы и стальные серые глаза. Те же благородные черты. Когда он смотрел на своего сына, он словно видел себя. Но Сет был хорошим мальчиком, напомнил себе Аарон. Сильным. Жестким. Он был достаточно взрослый и достаточно умный, чтобы получить то, что он хочет, и тогда, когда он этого хочет. Он не должен обманывать.

Не то что его отец.

— Ты не можешь ей сказать. — Аарон повернулся к Сету, лицо которого отображало решимость. — Обещай мне, Сет. Я клянусь, если ты не скажешь ей правду, я больше никогда не буду тебя обманывать.

Циничная улыбка пересекла лицо Сета, хотя он даже не посмотрел на отца. Он смотрел в телевизор. Еще одно из редких интервью с Прайдом.

— Ты всегда будешь мне врать, Аарон. — Сет передернул широкими плечами в знак отрицания.

Аарон поморщился. Юноша не называл его отцом так долго, что Аарон забыл, как это звучит.

— Ты не можешь сказать ей, Сет.

Горечь пронзила его сердце. Если Сет скажет ей правду, она никогда не простит его. Никогда не назовет его папой.

Сет глубоко вздохнул.

— Я не скажу ей.

— Мы должны быть осторожными, - предупредил Аарон. — Сначала нам нужно разузнать, что почем. Пусть твои парни хорошо все изучат. Очень хорошо. Убедитесь, что она счастлива.

Сет посмотрел на него, потом задумчиво прищурился.

— Мы можем остаться в этом городе. – Аарон махнул рукой в сторону телевизора. — Пусть твои парни все проверяют...

— Я могу получить ответы...

— Пожалуйста, Сет. – Аарон вложил в свою мольбу всю свою душу. — Я клянусь, я не буду ничего делать. Просто позволь мне удостовериться. Только в этот раз. Дайте мне веру.

Сет внимательно наблюдал за ним. Аарон был более чем в курсе того, что он видит. Старик, сломленный, прикованный к инвалидному креслу, медленно умирающий.

И он умирал. Он платил за свои грехи худшим из возможных способов. Это была медленная, мучительная смерть. Аарон знал это, и знал, что жалости ждать было не от кого. И он не понимал, откуда в Сете взялась эта проклятая жестокость.

Сет устало вытер рукой лицо.

— Посмотрим, Аарон. Посмотрим.

Он вроде бы смягчился.

Аарон сидел, откинувшись в своем кресле, повернувшись к телевизору, его сердце сжималось. Прекрасная Вероника. Его дочь. Его милая, чудесная маленькая девочка. Она скоро придет домой, пообещал он себе. Очень, очень скоро.

Эпилог

Шерра задумчиво посмотрела на Кейна, не в состоянии отвести от него взгляда, не в силах продолжать отрицать то, что происходило с ее телом в течение нескольких последних месяцев. У нее начинается лихорадка спаривания. Она чувствовала, как крошечные пальцы похоти терзают ее плоть, требуя, чтобы она отдалась тяге к размножению. Требуя, чтобы она отдалась человеку, который сделал ее своей женщиной, который сделал ее своей парой еще десятилетие назад.

Боже, это действительно было так давно? Одиннадцать лет. Одиннадцать долгих, мучительных лет она страдала от последствий той единственной ночи, от последствий предательства брата, рожденного в лаборатории — но рожденного таким же фанатичным и сумасшедшим, как и его создатели. Страдала за человека, который никогда не любил ее. Никогда по-настоящему не нуждался в ней. Ведь если бы он ее любил, то, возможно, просто возможно, так много других вещей никогда бы с ней не случилось.

Шерра. Детка. Да. Ах черт, да, детка, позволь же мне войти в тебя... эти слова были как нож, они резали ее душу. И чем больше она боролась с воспоминаниями, тем более яркими они становились.

Кейн Тайлер. Высокий, сильный. От одного его вида она просто теряла способность дышать, а желание становилось настолько сильным, что едва не ломало ее. Его прикосновения обжигали, его поцелуй... она всхлипнула. Она не помнит поцелуй. Не помнит, как ее сердце трепетало, пока он ласкал ее рот своим языком.

Дрожь пробежала по телу, она вскочила на ноги, заставив себя отойти от окна, подальше от взгляда Кейна, который уверенно и высокомерно двигался через двор.

Сколько еще Меринас будет держать все в секрете? Шерра провела пальцами по длинным упавшим на лицо волосам. Когда сестра решится рассказать брату о ребенке, которого он потерял много лет назад? Ребенке, который был убит еще в ее утробе?

Ее рука переместилась на живот, погладила его, словно защищая того, кого там не было. Как же часто ей хотелось все вернуть.

Как же часто она мечтала о сыне с глубокими голубыми глазами отца, или о дочке с его длинными черными волосами. Ребенке, который взял бы лучшее от них обоих.

Шерра затолкала слезы обратно, отбросила прочь бесполезные мечты, надежды, которые когда-то наполняли ее. Жизнь доказала ей, что нет никаких шансов изменить прошлое. Нет смысла сожалеть о том, что не исправишь.

Я люблю тебя, Шерра... она помнила, как он прошептал ей эти слова. *Я вернусь, детка, я клянусь. Я вернусь, и я все исправлю...* но он никогда не вернулся. Он никогда не вернется к ней.

Ученые были в восторге, когда узнали о ее беременности. Все меры предосторожности для обеспечения жизни ребенка были приняты. Все меры предосторожности, за исключением того, что разум матери был помешан на смерти. На смерти ребенка.

Это хныканье, которое эхом отдавалось вокруг, не могло принадлежать ей, пыталась себя убедить Шерра. Она уже много лет назад оплакала своего потерянного ребенка. Она плакала, пока ее душа истекала кровью вперемешку со слезами. Плакала, пока от ее сердца не осталась только пустая оболочка. А потом Кейн вернулся. И с ним воспоминания, с которыми она так отчаянно боролась.

Да-а, Шерра. Да, детка. Такая тугая. Такая горячая и тугая. Ее киска судорожно сжалась от воспоминаний о его члене в ней. Он смотрел. Она помнила. Наблюдал, как каждый дюйм его мощной эрекции погружается в пылающие глубины ее безволосой киски. Он был поражен ее голой киской. Любил облизывать пухлые губы, чувствуя языком ее соки.

— Стоп, — шептала она, схватив себя за волосы и потянув в надежде, что боль отвлечет ее от мыслей о нем.

Им дали только одну ночь. Только восемь украденных часов. Он должен был тренировать ее. Он обучал ее, но не тому, что от него требовалось. Он подготовил ее к его члену. Научил ее поцелуям, прикосновениям. Учил ее любить, а потом ненавидеть. Она не могла избавиться себя от ненависти, независимо от того, что у них обоих не было выбора.

Дайэн. Он был ее братом. Ее другом. Он был одним из немногих людей, которым она доверяла. Его предательство было хуже все. Он пытался убить Кейна. Меринас рассказала ей. Именно он подсунил наркотики в ее пищу. Препарат, который вызвал у нее выкидыш. Именно Дайэн уничтожил ее. И теперь Кейн здесь, одиннадцать лет спустя, и ее тело снова терзают муки сладострастия, с которыми она не может справиться.

Боже, да. Пососи мой член, детка. Да, Шерра, черт, черт... он попытался отступить, чтобы не пролить свое семя ей в рот, но она так хотела узнать его вкус. Так хотела познать все грани того, чем они занимались.

Она облизнула губы, вспоминая этот вкус.

— Когда ты собираешься сказать ему?

Мерк стоял на пороге кабинета, глядя на нее горьким и одновременно пустым взглядом. Он понимал ее, он очень хорошо знал, что такое – потерять все, что в твоей жизни имело значение.

— Кто сказал, что я собираюсь?

Нельзя было скрыть от Пород тот факт, что ее мучила лихорадка. Черт, они все знали. Ее запах не чувствовал только Кейн. Только он не знал, что ее тело горит.

— Ты не можешь прятаться от него вечно. Он не дурак. — Он покачал головой и скрестил руки на могучей груди. — Пришло время отпустить прошлое, Шерра.

Она зарычала.

— Советы ты давать умеешь, — прошипела она. — Когда примешь свое прошлое, тогда поговорим о том, чтобы и я приняла свое.

Это был удар ниже пояса. Шерра покачала головой, застонав от сожаления.

— Мерк, прости.

Он устало вздохнул.

— Ты права, так и есть. Но у тебя есть шанс, Шерра. Твоя пара до сих пор жива. И он более чем готов облегчить боль, которая тебя терзает. Зачем с ним бороться? Разве ты не заслуживаешь счастья?

— А заслуживаем ли мы его? — прошептала она. — Я не могу, Мерк. Я не могу.

Она не могла потерять еще одного ребенка. Она не могла потерять Кейн снова и снова.

— Слишком много лет, слишком много злости.

— Он — твоя пара, - сказал Мерк просто. — И уже скоро он не примет «нет» в качестве ответа. Что тогда будешь делать? Что будешь делать, когда он узнает правду, которую ты скрываешь от него с тех пор, как он здесь.

Усталая, горькая улыбка пересекла ее губы.

— Я не знаю, - вздохнула она мрачно. — Я просто не знаю. И это действительно, по-настоящему пугает меня, Мерк. Я не знаю, смогу ли я принять его наказание.

Мерк медленно покачал головой.

— Начинай считать дни, Шерра. Потому что скоро, очень скоро, ты не сможешь прятаться. Он узнает и тогда он захочет доказать тебе, что он — твоя пара. Может быть, тогда ты поймешь все бесперспективность этой борьбы.

Он повернулся и вышел из комнаты, и в тот момент она поняла, насколько он был прав.

Вскоре она не сможет скрыть своих потребностей. Они вторгаются в каждую клетку ее тела, они делают ее беспомощной, и скоро заставят кричать об облегчении.

Она знала. Она знала этот цикл. Каждый год. Каждый проклятый год вдали от него она страдала. Мучилась, пока смерть не начинала казаться единственной приемлемой альтернативой. Терпела, пока не прокляла его, не возненавидела его и, наконец, в последнем отчаянном шаге не сделала себя неспособной выносить ребенка.

Она уговорила Дока провести стерилизацию, уничтожая навсегда шанс иметь ребенка и быть с мужчиной, которого у нее украли Она сделала невозможное. И теперь она будет страдать одна. Как всегда. В одиночестве.